

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА и МАРКСИЗМ (Очерки)

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 1973. 248 с.

Книга написана авторским коллективом:

Ирина Алексеевна Бах (глава II),

Лев Исакович Гольман (глава I),

Владимир Владимирович Горбунов и *Валентина Андриановна Еремина*
(глава VI),

Никита Юрьевич Колпинский (глава III),

Валерия Эммануиловна Кунина (глава V),

Борис Григорьевич Тартаковский (глава IV).

Редакционная коллегия: *Т.В.Еремеева, Н.Ю.Колпинский, А.И.Малыш*
(ответственный редактор).

Помощник авторского коллектива и редакционной коллегии *Т.Т.Гисева*.

Книга представляет собой сборник очерков, посвященных анализу К.Марксом, Ф.Энгельсом и В.И.Лениным опыта Парижской Коммуны, использованию этого опыта для развития революционной теории и в борьбе за победу марксизма в рабочем движении. В работе рассматривается роль руководимого Марксом и Энгельсом I Интернационала в создании предпосылок возникновения Коммуны, а также влияние Коммуны на развитие массового рабочего движения. Книга рассчитана на широкий круг преподавателей и пропагандистов.

Оглавление

Введение

Глава первая. Изучение и обобщение опыта освободительной борьбы трудящихся — один из важнейших источников марксизма

Глава вторая. Идеи марксизма в программных документах и деятельности Парижской Коммуны

Глава третья. Развитие Марксом и Энгельсом учения о диктатуре пролетариата на основе опыта Парижской Коммуны

Глава четвертая. Развитие Марксом и Энгельсом учения о пролетарской партии на основе опыта Парижской Коммуны

Глава пятая. Уроки Коммуны и рабочее и социалистическое движение 70 — начала 90-х годов

Глава шестая. В.И. Ленин и Парижская Коммуна

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2012

К сожалению, из библиотечной книги были вырваны страницы 48-51, 158-169

Если кто-либо из читателей располагает неизуродованным экземпляром и может отсканировать нужные развороты, полагаем, ему будем благодарны не только мы.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

ВВЕДЕНИЕ

Парижская Коммуна 1871 г. явилась крупнейшим событием всемирной истории, величайшим образцом пролетарского движения XIX века. Впервые в истории человечества свершилась пролетарская революция, рабочий класс взял власть в свои руки и удерживал ее в течение 72 дней. Уничтожение капиталистического и создание социалистического строя из области теоретических споров перешло таким образом в область непосредственной практики освободительной борьбы рабочего класса. Парижские рабочие своей героической попыткой «штурмовать небо» открыли новый этап революционного процесса, неудержимое развитие которого привело в 1917 г. к победе Великой Октябрьской социалистической революции, к общему кризису капиталистической системы.

Сто лет освободительного движения международного пролетариата после Коммуны, претворение в жизнь в СССР и ряде других стран тех общественных преобразований, к которым она смогла лишь приступить, свидетельствуют, что кровь парижских коммунаров была пролита не напрасно и их опыт многому научил последующие поколения пролетарских борцов. Под знаком глубокого уважения к подвигу парижан 1871 г., всесторонней оценки его всемирно-исторических последствий прошло повсюду празднование столетнего юбилея Коммуны. Появившиеся в связи с этой датой исследования, материалы симпозиумов и конференций, публицистические статьи еще раз подтвердили актуальность уроков Коммуны, тех теоретических выводов, которые были сделаны на основании изучения и обобщения ее опыта К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. В трудах ученых-марксистов, видных деятелей мирового

коммунистического движения с новой силой раскрыто непреходящее значение славной революции 18 марта 1871 г., великое торжество идеалов коммунизма.

Красной нитью через все марксистские исследования опыта и исторических уроков Коммуны проходит признание рабочего класса как самой революционной, руководящей силы всех трудящихся в борьбе против политического, экономического и социального гнета. Вновь была подчеркнута решающая роль марксистско-ленинских партий в организации отпора проискам империалистической реакции, в срыве маневров всякого рода с целью ослабить и обмануть рабочий класс, интегрировать его в систему государственно-монополистического капитализма.

Столетний юбилей Коммуны еще раз продемонстрировал преимущества марксистско-ленинского метода, вновь подтвердил, что только на его основе возможно подлинно научное освещение и самой сущности каждого исторического явления, и его близких и отдаленных результатов.

Сам факт не прекращающегося уже более ста лет искажения идеологами буржуазии истории Коммуны, ее сущности, места в историческом процессе, ее уроков — чаще всего под флагом «опровержения» или «дополнения» марксистской историографии, основы которой были заложены «Гражданской войной во Франции» Маркса и работой В. И. Ленина «Государство и революция», — говорит о том, что изучение опыта Коммуны сохраняет и сегодня в полной мере свое научно-политическое значение. При всем разнообразии и иногда внешней новизне концепций буржуазной, реформистской и анархистской историографии Коммуны все они сводятся к довольно ограниченному кругу идей, по существу повторяющих либо грубые измышления прямых врагов Коммуны, ее палачей и рукоплексающих им «добропорядочных буржуа», либо интерпретацию Коммуны прудонистами и бакунистами, в свое время открыто и откровенно направленную против основных положений учения Маркса и Энгельса. Буржуазные и реформистские историки пытаются искусственно придать Коммуне чисто локальный характер, даже не просто французский, а исключительно парижский. На этом, и отчасти на отрицании классово-пролетарского характера Коммуны, основаны стремления противопоставить Коммуну Октябрьской революции, извратить сущность и закономерности мирового революционного процесса.

Более тонкая фальсификация Парижской Коммуны заключается в выпячивании ее слабых сторон и ошибок. Нерешительность Коммуны в области социально-экономических преобразований, имевшая и субъективные и объективные причины, используется для пропаганды идеи гармонии и сближения антагонистических классов, некоего надклассового или «гуманного» социализма. При этом абсолютизируется мирный путь развития революции, нарочито выдвигаются «технократические» теории спонтанной трансформации капитализма в свою противоположность. По мнению иных авторов подобных концепций, все хорошо в Коммуне, кроме попыток насильственного подавления контрреволюции, кровавая майская неделя для них — трагедия, случайность, за которую в равной степени ответственны и Коммуна и версальское правительство. Так или иначе эти положения перекликаются с утверждением, будто идея диктатуры пролетариата у Маркса связана с незаконными эксцессами классовой борьбы. Реформистские по своей политической сущности, эти концепции, под каким бы флагом они ни выдвигались, по сути дела смыкаются с буржуазно-либеральной историографической традицией, с отрицанием одного из основных уроков Коммуны, дорогой ценой полученного рабочим классом, — необходимости создания самостоятельных политических партий рабочего класса.

Среди острых проблем в современных условиях значительный научный и практический интерес представляет проблема непосредственной связи между практикой Коммуны и идеями марксизма, их развитием и распространением. Если история самой Коммуны в общем достаточно хорошо и всесторонне изучена, то указанная проблема — марксизм и Парижская Коммуна — в целом еще не получила необходимого отражения в научной литературе.

Настоящая книга очерков, конечно, не претендует на полное устранение этого пробела, но авторам и редакции хотелось бы, опираясь на основополагающие труды Маркса, Энгельса, Ленина, анализируя эти труды, все, что сказано в них о Парижской Коммуне, по возможности показать огромное воздействие Парижской Коммуны на развитие самой марксистской теории, на процесс соединения научного коммунизма с рабочим движением.

Естественно, что научные занятия Маркса и Энгельса после Коммуны, при всем их разнообразии и многосторон-

ности, были подчинены дальнейшей разработке и конкретизации теории социалистической революции в широком смысле этого слова. Анализ Коммуны позволил выявить определенные закономерности пролетарской революции, развить учение о ее предпосылках, о необходимом сочетании объективного и субъективного факторов, как неременном условии ее победы. Особо важный вклад был сделан в теорию диктатуры пролетариата и вообще государства, в раскрытие его классовой природы, функций и исторических судеб.

В. И. Ленин — гениальный преемник дела Маркса и Энгельса — продолжил и обогатил анализ опыта Парижской Коммуны, поставил его в историческую связь со значительно более богатым опытом Великой Октябрьской революции, всего мирового революционного движения эпохи перехода от капитализма к социализму. Ленинское учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о партии нового типа было прямым творческим продолжением той гигантской теоретической работы, которую в свое время проделали Маркс и Энгельс.

Книга написана авторским коллективом: *И. А. Бах* (глава II), *Л. И. Гольман* (глава I), *В. В. Горбунов* и *В. А. Еремину* (глава VI), *Н. Ю. Колпинский* (глава III), *В. Э. Кунина* (глава V), *В. Г. Таргаковский* (глава IV).

Редакционная коллегия: *Т. В. Еремеева*, *Н. Ю. Колпинский*, *А. И. Малыш* (ответственный редактор).

Помощник авторского коллектива и редакционной коллегии *Т. Т. Гюева*.

ИЗУЧЕНИЕ И ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ — ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ МАРКСИЗМА

Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она является научным выражением реальных жизненных процессов, объективных закономерностей исторического развития. Вызванный к жизни потребностями классовой борьбы пролетариата, нуждавшегося в революционной теории, марксизм со времени своего возникновения стал оказывать все возрастающее воздействие на эту борьбу. Он способствовал формированию классового сознания участников рабочего движения, становился идейной основой революционных пролетарских организаций и партий, стоявших в авангарде этого движения. Под знаменем марксизма-ленинизма была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция. Под этим знаменем победили социалистические революции в ряде других стран. Под этим знаменем образовалась мировая социалистическая система и ныне осуществляется грандиозная программа строительства социализма и коммунизма. С другой стороны, для марксизма-ленинизма этот реальный исторический процесс всегда являлся и является постоянным источником развития и обогащения новыми выводами.

Уже утопический социализм отражал в фантастической форме действительные стремления формировавшегося пролетариата к освобождению от эксплуатации и социального неравенства. Но будучи оторванными от реальной классовой борьбы, различные течения утопического социализма могли воспринимать опыт угнетенных классов лишь в одностороннем, а нередко и мистифицированном виде. Развитие социализма от утопии к науке, возникновение марксизма явилось переходом от инстинктивной, в целом фантастической, формы отображения социальных потребностей рабочего класса и всех эксплуатируемых к научному анализу

характера их освободительной борьбы и условий их победы. Лишь подлинно революционная теория — марксизм — смогла стать орудием всестороннего усвоения и адекватного выражения опыта революционного движения. Этот по-настоящему усвоенный опыт, воплощенный в теоретические положения, в свою очередь становился общим достоянием передового класса, превращался в могучий рычаг прогресса, в ускоритель общественного развития.

Постоянное научное обобщение исторического опыта, прежде всего опыта революционной борьбы пролетариата и других эксплуатируемых классов, и использование теории для дальнейшего развертывания революционной практики составляют важнейшую черту и определяют великую преобразующую силу учения Маркса, Энгельса, Ленина. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что, будучи научным мировоззрением рабочего класса, марксизм является теоретическим синтезом революционных действий и усилий самих революционных масс, пролетариата. Он говорил о марксизме как о теоретическом выражении опыта революционной пролетарской борьбы¹.

Учет исторического опыта не сводится марксизмом-ленинизмом только к анализу развития борьбы рабочего класса. Само понятие исторического опыта воспринималось Марксом, Энгельсом и Лениным значительно шире. Оно, в их понимании, охватывало все существенные явления общественной жизни, в том числе все формы революционной деятельности. Источниками, питавшими марксистскую теорию, служило не только рабочее движение, но и сопротивление эксплуатации со стороны крестьянства, национально-освободительная борьба, борьба за демократические свободы и другие формы проявления революционной активности народных масс. Большое значение имело и изучение предшествовавшего революционного процесса, его закономерностей и форм.

Для марксистско-ленинской теории характерно также умение выделять из многообразия исторических явлений решающие факторы общественного развития. А таковым в эпоху капитализма явилось развитие классово-борьбы пролетариата. Поэтому опыт этой борьбы всегда ставился марксизмом-ленинизмом во главу угла при тщательном учете и всех других сторон общественного процесса.

В противовес буржуазным философским и социологическим теориям марксизм исходит из признания решающей роли народных масс в истории и как главных агентов в материальном производстве, и как основной движущей силы революционных общественных преобразований. В революционном творчестве масс марксизм-ленинизм видит могучий двигатель исторического прогресса, а положение о всемирно-исторической миссии наиболее передового класса в истории — пролетариата, призванного ниспровергнуть капитализм и создать коммунистическое общество, — составляет опорную ось всего этого учения. Нет ничего удивительного поэтому в том, что прогресс марксистской теоретической мысли зиждется в первую очередь на изучении различных сторон освободительного движения трудящихся масс, особенно рабочего класса, его действий на исторической арене, различных форм его организации, его стремлений и чаяний.

Марксизм-ленинизм придает столь большое значение революционному опыту народных масс, рабочего класса еще и потому, что он видит в их революционных действиях реальный способ проверки правильности тех или иных теоретических и тактических положений. Общественная практика либо подтверждает, либо опровергает различные социальные доктрины, а лучший способ убедиться в этом дает именно период революционных выступлений масс, когда общественные противоречия достигают своей кульминации и предстают в обнаженном виде. Именно в эти моменты становится особенно наглядным искусственность, надуманность многих общественных концепций и доктрин, их несоответствие реальным тенденциям и процессам. Наоборот, обоснованность и жизненность подлинно научной теории получают в эти моменты убедительное историческое подтверждение. Нередко именно в такие периоды выясняется необходимость дальнейшего развития тех или иных теоретических принципов, потребность в конкретизации этих принципов и дополнении их новыми выводами.

Само развитие освободительной борьбы пролетариата опирается на усвоение и передачу из поколения в поколение опыта ее участников. Между различными стадиями этой борьбы существует преемственная связь. На разных этапах действуют не только общие причины, но и часто одинаковые побудительные поводы для выступлений

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 223.

пролетариата, имеет место известная повторяемость обстоятельств, нередко применяются сходные формы и способы борьбы, хотя в каждый новый период возникала и новая своеобразная ситуация, во многом отличающаяся от предыдущей. Значительную специфику вносят и местные особенности. Однако при всех различиях исторических условий, в которых разыгрывается тот или другой классовый конфликт между пролетариатом и буржуазией, в глубине и масштабах революционных действий, в конкретных обстоятельствах, в степени зрелости его участников каждый такой конфликт является звеном общего процесса.

Эта преемственность находит свое выражение в бережном отношении к революционным традициям, в освоении опыта прошлого, в поисках исторических прецедентов. С другой стороны, наблюдались и попытки переоценки тактики, отказа от прежних форм борьбы и нахождения новых, более соответствующих изменившимся условиям.

Следует однако различать стихийное восприятие опыта революционной борьбы от его сознательного, научного усвоения в свете революционной теории и в форме ее развития. Качественное различие между первым и вторым чрезвычайно велико. Стихийное усвоение опыта, имевшее, особенно на ранней ступени, весьма важное значение, не может не быть в известном смысле поверхностным, ограниченным, односторонним. Оно, как правило, не выходит за рамки узкого практицизма и инстинктивного следования лучшим традициям прошлого, утилитарного использования достигнутых в предшествующих боях результатов, порою купленных ценою тяжелых жертв. Такой стихийный учет уроков предыдущих классовых битв не гарантирует от повторения ошибок и догматического копирования изжившей себя тактики, от абсолютизации тех или иных методов и форм движения, от тенденции к превращению их в некую универсальную панацею, во всецеляющее средство от социальных недугов.

Из стихийного усвоения опыта всегда могут быть сделаны неправильные выводы и, наоборот, наиболее существенное в революционных событиях упущено или недооценено. Поражения рабочего класса в крупнейших классовых битвах, уроки которых имели неоценимое значение для последующей его борьбы, зачастую служили поводом для поверхностного заключения о якобы бесплодности всякого революционного выступления пролетариата. Наоборот, мел-

кие, частичные уступки капиталистов рабочим, носящие временный характер, порой чрезвычайно переоценивались, а нереволюционный путь достижения этих уступок объявлялся единственным реальным путем развития рабочего движения. В. И. Ленин в своей работе «Что делать?» недаром показывал, что преклонение перед стихийностью составляет основу реформизма в рабочем движении, штагает тред-юнионистскую идеологию, чуждую революционному сознанию пролетариата, способствует появлению оппортунистических тенденций и отказу от классовой борьбы и революции ради постепенных и мелких реформ.

Реформистское понимание использования опыта рабочего движения — одно из типичных проявлений практицизма и стихийности в его восприятии — чрезвычайно сужает содержание этого опыта, выхолащивает его сущность как выражения преемственности различных стадий революционного процесса. Естественно, что реформистские теории и догмы, равно как и другие формы стихийного восприятия опыта освободительной борьбы рабочего класса (например, анархизм, анархо-синдикализм), не могут служить действенным, адекватным отображением этого опыта, средством его подлинного усвоения и передачи.

В стихийном восприятии опыта есть еще одна отрицательная черта. Оно не может преодолеть национальной замкнутости и узости, затрудняющих необходимый для успешного развития рабочего движения учет уроков классовой борьбы в различных странах, если так можно выразиться, интернациональный обмен опытом рабочего класса.

С возникновением марксизма в рабочем движении наступила стадия, когда стихийная передача его опыта стала уступать — разумеется, не сразу — подлинно научному восприятию этого опыта и наиболее эффективно использовать его в интересах развертывания освободительной борьбы. Марксизм дал ключ к глубокому, всестороннему, поистине универсальному осмыслению всего предшествующего революционного процесса и текущих революционных событий. Диалектически подходя к прошедшим формам и ступеням рабочего движения, марксистская теория в то же время не допускает их какой-либо идеализации и абсолютизации, некритического преклонения перед ними. Имевшие место неудачи, поражения не заслоняют в глазах марксиста-диалектика выдающейся роли предшествующих революционных выступлений пролетариата и его устремле-

ний к сплочению и организации своих сил. Вооруженный научными критериями оценки исторических явлений, марксизм умеет отделять главное, существенное, непреходящее в опыте масс от второстепенного, узкого, временного. В общении этого опыта, как показывает развитие марксистской теории, ею учитывались и позитивные и негативные стороны рабочего движения, все то, что способствовало его росту, и то, что тормозило его, сбивало с революционного пути.

Выявляя все ценное и значительное, отражающее не только местную, локальную специфику, но в первую очередь общие, интернациональные по своему характеру тенденции, марксизм превращает достижения рабочего класса каждой страны в достояние всего мирового пролетариата. Он является могучим фактором интернационального освоения и распространения опыта международной пролетарской борьбы, аккумулирует опыт революционного творчества масс всех стран и континентов. Раскрывая общественные тенденции, заложенные в различных событиях и явлениях, наблюдавшихся в рабочем движении, обнаруживая в его зачаточных формах ростки будущего, рассматривая каждое событие под углом зрения не только его непосредственной эффективности, но и перспектив, которые оно открывало, марксизм преодолевал узкоутилитарный и национально ограниченный подход к опыту пролетариата.

Возникновение марксизма явилось поэтому не только качественно новой ступенью в осмыслении опыта революционного движения масс. Оно открыло собой новый качественный этап в процессе передачи и распространения этого опыта, его практического освоения, внедрения важнейших вытекающих из него выводов в сознание революционных борцов.

История марксизма дает убедительное подтверждение правильности ленинской характеристики учения Маркса как концентрированного выражения исторического опыта, в первую очередь опыта революционной борьбы. Развитие марксистского учения совершалось в процессе постоянного освоения уроков классовых битв, революционных выступлений пролетариата и трудящихся масс. Каждая важная веха в прогрессе марксистской мысли была связана с тем или иным циклом революционной борьбы, с тем или иным этапом рабочего движения, с тем или иным поворотным пунктом в мировом революционном процессе.

Формирование марксистской теоретической мысли, складывание научного фундамента мировоззрения пролетариата произошло на основе творческого синтеза достижений передовой науки и результатов собственных исследований Марксом и Энгельсом исторического процесса, глубокого осмысления ими исторического опыта, при этом первостепенное значение имел анализ положения народных масс. Философские, экономические и политические взгляды Маркса и Энгельса составляют стройное и цельное учение. Комплексный процесс зарождения и развития этих взглядов отнюдь не ограничивался только теоретической сферой. И у Маркса и у Энгельса уже в молодости зрели идеи о необходимости активного вмешательства передовой философии в жизнь, о тесной связи теории с общественной практикой.

Стремление превратить теорию в орудие общественной практики побуждало Маркса и Энгельса уже на ранней ступени их духовного роста с пристальным вниманием относиться к окружающей действительности. Интерес к положению низших слоев общества возрастал у Маркса и Энгельса по мере того, как все активнее становилось их участие в политической борьбе. Это проявилось уже в деятельности Маркса в качестве сотрудника, а затем редактора «Rheinische Zeitung» и в публицистике молодого Энгельса, еще в 1839 г. откликнувшегося на бедственное положение рабочих своего родного города «Письмами из Вупперталя». С первых же дней пребывания в Англии, куда он приехал осенью 1842 г., Энгельс с головой ушел в изучение жизни и борьбы английского рабочего класса и непосредственные впечатления отразил в своих корреспонденциях для «Rheinische Zeitung».

Оба молодых революционера придерживались в то время еще в основном идеалистических взглядов, и тем не менее их отношение к трудящимся массам уже тогда было принципиально иным, чем, в частности, у представителей различных филантропических направлений, не говоря уже о прямых ретроградах и реакционерах, третировавших трудящихся как подлую чернь. В глазах Маркса и Энгельса люди труда не были неким безликим инертным элементом, пассивным объектом истории, способным лишь вызывать сочувствие и сострадание.

В самом начале деятельности и у Маркса и у Энгельса складывалось представление о народных массах как

активной движущей силе исторического процесса, выдвигавшей на повестку дня важные социальные вопросы и призванной их решать. Это было одним из первых результатов осмысливания исторических фактов, окружавшей их реальной действительности. С другой стороны, формирование таких взглядов не могло не способствовать переходу как Маркса, так и Энгельса на позиции материализма и коммунизма. В своем стремлении лучше понять место и роль трудящихся и пролетариата во всей системе социальных отношений Маркс и Энгельс становились на путь исследования экономических, социальных и исторических причин, обусловивших тяжелое положение трудящихся классов и толкавших их на революционные выступления. Оба они глубоко и творчески усвоили гегелевскую диалектику, истолковав ее в революционно-демократическом духе. Оба уже в период раннего творчества привыкли рассматривать различные стороны жизни — духовные и материальные — как проявление единого процесса исторического развития, совершающегося по законам диалектики, в постоянной борьбе противоречивых начал, зигзагами, скачками, путем революционного перехода от одного качественного состояния к другому. Историзм в принципе становится главной особенностью научного метода изучения всяких, в том числе общественных, феноменов. Таким образом, духовная эволюция Маркса и Энгельса не только подводила их к пониманию значения исторического опыта, но подготовила их к его освоению также и в методологическом отношении.

В результате перехода Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму эти элементы научного подхода к историческому опыту стали перерастать в целостную научную систему.

Как показывают материалы «Deutsch-Französische Jahrbücher», Маркс уже в 1843 г. ясно сознавал значение изучения и обобщения опыта революционных боев для теоретического осмысливания характера, целей и задач участников революционного движения¹. В то же время освоение опыта истории, в свою очередь, становилось органической составной частью, важнейшим компонентом выработки революционно-материалистического мировоззрения. Как свидетельствуют Крейдпахские тетради Маркса по всеобщей

истории (составлены летом 1843 г.), вывод о первичности материальных отношений (в то время Маркс их объединял в понятие «гражданское общество») по сравнению с отношениями правовыми и политическими был сделан в результате не только критики идеалистической концепции гегелевской философии права, фигурально выражаясь, «переворачивания» гегелевской философии «с головы на ноги», но и в результате анализа роли материальных интересов в тех крупных конфликтах между различными слоями общества, которыми изобилвала история. Этот анализ был проделан Марксом — и это зафиксировано в пяти его упомянутых тетрадях — на весьма широком конкретном материале, охватывавшем многовековую историю многих стран — Италии, Германии, Франции, Англии, США, Швеции — и, что особенно важно, историю крупнейших революционных событий: английской буржуазной революции середины XVII в. и французской буржуазной революции конца XVIII века¹.

Анализ исторических явлений постоянно сопровождал и оплодотворял логическую работу мысли. Результаты этого анализа присутствуют в той или другой степени во всех произведениях Маркса, составивших вехи в формировании его материалистических воззрений, — и в статьях, опубликованных в «Deutsch-Französische Jahrbücher», и в парижской газете «Vorwärts!», и в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», и в первой написанной совместно с Энгельсом работе — «Святое семейство». Правда, эти результаты исторических исследований здесь нередко суммированы в обобщенной форме, без воспроизведения всех оставшихся в пределах внутренней лабораторий мыслителя (в частности, в форме выписок и конспектов) фактических деталей. Внешне иногда они даже как бы отступают на задний план, уступая место полемике и критике различных теорий. Но они всегда составляли основу для главных выводов, образовывали опору формировавшейся материалистической концепции.

Сходные черты характерны и для творчества Энгельса в 1843—1844 гг., для его произведений, создавая которые,

¹ Более подробно об этом см. В. Г. Мосолов. Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории. «Маркс — историк». М., 1968.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379—381.

он самостоятельно продвигался — еще до начала сотрудничества с Марксом — к материалистическому пониманию истории и коммунизму. Особенностью духовной эволюции Энгельса этого периода был преобладающий интерес к социальному развитию Англии, на основе изучения которого он делал материалистические выводы. Но изучая исторический опыт Англии — наиболее развитой страны тогдашнего капитализма, раньше других пережившей промышленную революцию, — он очень скоро стал обнаруживать в нем проявление общих закономерностей, придававших этому опыту универсальное значение.

В «Немецкой идеологии» обобщению исторического опыта впервые был придан всесторонний характер. В самой работе это обобщение осуществлено в масштабах, охватывающих в главном, в общих чертах весь исторический путь, пройденный человечеством, и перспективы его будущего развития. Здесь впервые была сделана попытка дать научную периодизацию исторического процесса, показать в схематическом виде важнейшие ступени всемирной истории, раскрыть закономерный характер перехода от одного общественного строя к другому и выяснить роль социальных революций в осуществлении этого перехода. Теоретический анализ всего хода истории, наряду с раскрытием ее главных законов, вошел в систему научных доказательств неизбежности социалистической революции и торжества коммунистического строя.

В становлении теории научного коммунизма особое место занимает вывод о всемирно-исторической миссии пролетариата как ниспровергателя эксплуататорского общества и творца коммунизма. В этой миссии рабочего класса Маркс и Энгельс видели высшее выражение решающей роли народных масс в истории. Выяснение подлинного исторического призвания рабочего класса как единственной общественной силы, способной в союзе с другими эксплуатруемыми и в интересах всего трудящегося человечества осуществить революционное коммунистическое преобразование общества, Ленин считал главным в марксизме¹. И именно выдвигание этого кардинального положения марксистского учения больше всего базировалось на историческом опыте, на анализе исторического процесса формирования пролетариата, его положения в капиталистическом

обществе и первых проявлений его революционных тенденций.

Буржуазные и реформистские «марксологи» рассматривают возникновение идеи о всемирно-исторической роли пролетариата как результат чисто умозрительных философских построений. В их изображении эта идея Маркса представляла собой либо модификацию якобы заимствованной у Гегеля мысли об «особом сословии», которое является выразителем общих интересов, либо даже перенесение на рабочий класс ветхозаветных представлений об избранном народе, своего рода вариант эсхатологических фантазий, в которых в роли мессии фигурирует класс-избавитель. Смысл такой интерпретации основного положения марксистского учения о пролетарской революции заключается в стремлении доказать якобы антинаучный характер происхождения этого учения, утопическую природу его главных выводов. При этом делается попытка представить эти выводы как нечто искусственное и обособленное даже в системе социологических воззрений Маркса и Энгельса, не связанное ни с конкретным анализом истории, ни с ее материалистическим пониманием, как фантазию в чистом виде¹.

Действительная же картина формирования марксизма показывает прежде всего, что возникновение и развитие идеи об исторической миссии пролетариата происходило не в отрыве от становления философских, социалистических и экономических взглядов Маркса и Энгельса, а в тесной органической связи с этими взглядами и на их основе. Маркс шел к этому выводу через исследование «гражданского общества», социальных отношений, порождаемых частной собственностью, классово-сословной структуры общественного организма, взаимоотношений различных классов.

¹ В свое время подобным концепциям отдали дань и М. Адлер, и В. Зомбарт, и К. Форлендер. В разных формах она проявляется у многих современных западных интерпретаторов марксизма. См. *E. Kamenka. The ethical foundation of marxism. London, 1962.* (Автор утверждал, что у Маркса пролетариат «не нечто эмпирически существующее, а логическая категория».) *Sh. Avineri. The social and political thought of Karl Marx. Cambridge, 1968.* (В книге говорится об абстрактности, оторванности от реальных фактов взглядов Маркса на пролетариат.) *A. Künzli. Karl Marx. Eine Psychographie. Wien — Frankfurt — Zürich, 1966.* (Идею о миссии рабочего класса автор пытается приписать «еврейству» Маркса, изобразить как разновидность мессиянства.) См. также статью *М. Рюбеля* в «Cahiers de l'ISEA». Т. IV, № 11, nov. 1970.

¹ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.*

Учение об исторической миссии пролетариата было сформулировано отнюдь не до того, как началась выработка материалистического понимания истории. Оно складывалось по мере созревания материалистических воззрений на исторический процесс и свой завершённый вид могло приобрести только на базе сложившейся диалектико-материалистической концепции.

Источником для вывода о рабочем классе как наиболее передовой и прогрессивной общественной силе, способной осуществить эмансипацию человечества от гнета и эксплуатации, служил не только экономический анализ категорий наемного труда и применение в данной области философско-социологических понятий новой теории исторического процесса. Формулируя этот вывод, Маркс и Энгельс опирались на конкретное изучение положения рабочего класса разных стран, и не только условий жизни и труда рабочих, но и проявления их общественной активности, их участия в исторических событиях, их самостоятельных выступлений. Учитывалось ими и отражение борьбы рабочего класса в идеологической сфере. Связь между социалистическими идеями и революционными выступлениями неимущего сословия была подмечена Марксом еще в период, когда он выступал как революционный демократ, осенью 1842 года. Энгельс указывал на эту связь в своей статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте»¹. В дальнейшем Маркс и Энгельс прямо усматривали в утопическом социализме и коммунизме отражение «первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»².

Рабочий класс в глазах Маркса и Энгельса отнюдь не был некой абстрактной социальной категорией. Они имели наглядное представление о положении рабочих различных стран и различных отраслей промышленности, были хорошо осведомлены об их конфликтах с предпринимателями, знали об успехах и неудачах первых рабочих организаций, были знакомы с рабочей печатью, с произведениями рабочих авторов. О конкретности восприятия «рабочего вопроса» основоположниками научного коммунизма лучше всего говорит книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», написанная не только на основании различных

источников, но и по личным наблюдениям. Личное знакомство и общение с пролетарскими кругами — Маркса с членами социалистических кружков и тайных революционных обществ во Франции, Энгельса — с чартистами и оуэнистами в Англии, обоих их — с немецкими рабочими-эмигрантами, — крепнущие связи с пролетарским движением и возрастающее участие в нем, борьба за сплочение его передовых элементов сыграли немалую роль в процессе выяснения освободительной миссии рабочего класса.

Определяя подлинную сущность рабочего класса как революционного антагониста буржуазного строя, Маркс и Энгельс постоянно обращались к истории его освободительной борьбы, старались раскрыть ее исторические корни. В пролетариате они увидели носителя и продолжателя традиций многовекового освободительного движения эксплуатируемых масс.

Еще в первых выступлениях зарождавшийся рабочий класс обнаружил могучие революционные потенции, стремление в революционных преобразованиях идти дальше всех других прогрессивных классов, готовность бороться против всякого эксплуататорского строя. Эти тенденции приобретали все большую силу с развитием капиталистических отношений.

Развитие рабочего движения в XIX в., черты классовой самостоятельности, которое оно стало приобретать в ряде стран в 30—40-е годы, послужили главным основанием для вывода об исторической роли рабочего класса как революционного преобразователя существующего строя на началах коммунизма. Если уже в первых проявлениях революционной активности рабочего класса Маркс и Энгельс обнаружили стремление выйти за рамки капиталистического строя, то антикапиталистический характер, объективно социалистические тенденции последующего революционного рабочего движения были для них совершенно очевидны. В пролетариях Маркс и Энгельс увидели «практический элемент для эмансипации человека», как писал Маркс Фейербаху в августе 1844 г.¹, не потому, что они должны влачить жалкий образ жизни обездоленных, а прежде всего потому, что в их среде рождался мощный протест против существующих бесчеловечных условий жизни. Самой выдающейся чертой рабочего класса была его револю-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 115, 526—527, 530, 534.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 381.

ционность, его непримиримость к эксплуатации, стойкость и героизм в борьбе. Капиталистическая фабрика не только физически и духовно калечила рабочего, но и воспитывала в нем дисциплину, выдержку, коллективизм, приучала к массовым и организованным формам протеста. Маркс отмечал, что рабочий «не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*»¹.

Участие в революционной борьбе, подчеркивали Маркс и Энгельс, было средством самоутверждения рабочего класса, избавления от деморализующего, обезчеловечивающего влияния эксплуататорских условий жизни и труда. Основовополжники марксизма писали, что «революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но, потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»².

К современному движению рабочих Маркс и Энгельс применили диалектические критерии. Они учитывали не только тогдашний уровень и размах пролетарской борьбы, но прежде всего ее потенциальные возможности. Именно поэтому в первых рабочих восстаниях, в частности в силезских событиях 1844 г., Маркс увидел зарницу будущих грандиозных битв.

Из анализа процесса классовой борьбы основоположниками марксизма были сделаны важные выводы, касающиеся не только положения об освободительной миссии рабочего класса, но и характера развития самого рабочего движения. Маркс и Энгельс первыми стали рассматривать это движение как закономерный процесс, совершающийся, несмотря на все местные и национальные особенности, в соответствии с действиями общих причин и тенденций. Универсальной чертой его являлся переход от низших, примитивных форм борьбы к более развитым и организованным. Как правило, от создания локальных и отраслевых объединений рабочие переходили к объединению своих сил в национальном масштабе, от сопротивления отдельным капиталистам к выступлению против всего класса капиталистов. Общие условия освобождения рабочего класса в каждой стране выдвигали задачу и интернационального объ-

единения их усилий. Первые инстинктивные шаги передовых элементов пролетариата в этом направлении позволили Марксу и Энгельсу рассматривать интернациональное сплочение рабочего класса как реальную перспективу развития рабочего движения.

Различные ступени, через которые проходит рабочее движение, впервые были охарактеризованы Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии». Отмечая значительные успехи, достигнутые английскими рабочими, Энгельс указал и на необходимость достижения следующей, более высокой стадии. Ее характерной чертой он считал соединение чартизма, т. е. массового рабочего движения, с социализмом, но не оуэновского, мирного типа, а настоящим революционным социализмом¹. Через два года в «Ниццете философии» (лето 1847 г.) Маркс сформулировал эту задачу как важнейшее условие победы рабочего класса. Без приобретения классового, социалистического сознания, развивал он эту мысль, пролетариат не может превратиться из «класса в себе» в «класс для себя»².

Реальный исторический опыт пролетарской борьбы дал Марксу и Энгельсу важное в методологическом отношении понимание закономерного, стадийного характера рабочего движения. Благодаря этому возникла возможность научного предвидения направления его дальнейшего развития, определения средств и путей воздействия на него для облегчения рабочему классу перехода от незрелых ступеней и форм борьбы к более высоким, а там, где движение еще только зарождалось, давало возможность миновать эти примитивные ступени и начать прямо с более зрелых.

Подходили Маркс и Энгельс к пониманию и другой закономерности рабочего движения — неизбежно присущих ему внутренних противоречий, связанных с социальной неоднородностью пролетариата и воздействием на него непролетарских классов. Внутри рабочего движения происходит постоянная борьба различных тенденций, революционная линия, стремление идти вперед постоянно сталкивается с реформистскими настроениями, навешанными влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологий, и с сектантской фетишизацией устаревших, отсталых методов и форм борьбы. Маркс и Энгельс особенно наглядно убедились в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, стр. 50.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 461.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 183.

этом, когда в начале 1846 г. приступили к практической борьбе за распространение идей научного коммунизма и созданию на этой основе пролетарской партии — борьбе, результатом которой было основание летом 1847 г. первой международной коммунистической организации пролетариата, Союза коммунистов. В ходе основания Союза и в период его деятельности основоположникам марксизма и их соратникам приходилось преодолевать реформистское влияние прудонизма и «истинного социализма», сектантские и утопические тенденции вейтлингианства, ремесленную ограниченность и идейную незрелость участников первых рабочих организаций.

Разрабатывая программу, тактику и организационные принципы Союза коммунистов, Маркс и Энгельс опирались на весь предшествующий революционный путь, пройденный рабочим классом. В произведениях этого периода — «Ницете философии» Маркса, «Принципах коммунизма» Энгельса и др. — в обобщающей форме подводились итоги достигнутый рабочего класса в его освободительной борьбе и намечались пути дальнейшего развития этой борьбы.

Весторонний синтез опыта революционного движения рабочего класса нашел свое воплощение в первом программном документе научного коммунизма — «Манифесте Коммунистической партии». Это произведение обобщает всю предшествующую историю пролетарской борьбы, все сделанные ею фазы, а также все развитие предшествующей социалистической мысли. Гениальность авторов «Манифеста» проявилась и в том, что этот опыт борющегося пролетариата они превратили в исходный пункт для движения вперед, осветив как прожектором генеральное направление последующего развития рабочего движения вплоть до завоевания политической власти рабочим классом и использования этой власти как орудия построения бесклассового общества (идея диктатуры пролетариата). «Манифест Коммунистической партии» — первое систематическое изложение основ марксистского мировоззрения — представляет собой образец органического соединения теоретического анализа с подытоживанием практических революционных действий рабочего класса. Основные положения этого документа — о классовой борьбе как движущем факторе истории, о всемирно-исторической роли рабочего класса, о социалистической революции, о пролетарском интернационализме как главном принципе рабочего движения, о необхо-

димости создания пролетарской партии, о революционной тактике рабочего класса — являются величественным результатом работы теоретической мысли, опирающейся во всех своих выводах на опыт исторического развития.

Таким образом, марксизм, сформировавшийся как цельное революционное мировоззрение рабочего класса накануне революции 1848 г. и созданный в лице Союза коммунистов первую коммунистическую партию, впитал в себя все лучшее, все рациональное, что было накоплено в предшествующем рабочем движении и что имелось в предшествующей социалистической мысли. Он как бы аккумулировал весь ценный идейный, тактический и организационный опыт борьбы трудящихся. Усвоение этого опыта происходило не механически. Оно сопровождалось пересмотром и отбрасыванием всего незрелого и отсталого, что было присуще стихийным стадиям развития рабочего движения и нашло свое выражение в утопических социалистических системах. В результате во всех отношениях был достигнут огромный прогресс. В области теории был осуществлен подлинный революционный переворот. Качественно новый характер приобрели тактические и организационные принципы рабочего движения. Была разработана первая научная программа этого движения, отвечавшая не столько его тогдашнему состоянию, сколько потребностям его будущего развития на многие годы вперед. Начальные практические шаги к реализации этой программы обозначали тот путь, которого следовало придерживаться в борьбе за превращение в жизнь ее предначертаний. Марксизм выступил на исторической арене не только как сложившееся революционное учение, но и как сформировавшееся, хотя еще и немногочисленное, направление в рабочем движении, во всеоружии встретившее революционные события.

Мощный толчок развитию марксистской мысли дала революция 1848—1849 годов. Это и понятно, так как именно революционные события поставляют теории особенно обильный материал для анализа, раскрывая многообразие форм проявления революционной активности масс. В эти периоды насущные общественные потребности и тенденции как бы выступают наружу и, независимо от исхода революции, властно требуют своего удовлетворения. «Именно это быстрое и бурное развитие классового антагонизма в старых и сложных социальных организмах, — писал Энгельс, — делает революцию таким могучим двигателем об-

шественного и политического прогресса; именно это непрерывное возникновение и быстрый рост новых партий, одна за другой сменяющих друг друга у власти, заставляют нацию в период подобных насильственных потрясений за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия»¹.

Под влиянием революций 1848—1849 гг. получили особенно глубокое развитие политические идеи марксизма, т. е. как раз те стороны марксистской теории, которые в первую очередь были связаны с обобщением опыта революционной борьбы масс.

Анализируя этот опыт, Маркс и Энгельс постоянно сопоставляли события 1848—1849 гг. с предшествующими революционными событиями, сравнивали позицию различных классов, в частности немецкой буржуазии, с позициями их исторических предшественников в периоды французской буржуазной революции конца XVIII в. и английской буржуазной революции середины XVII века. Они проводили и другие исторические параллели, рассматривали предпосылки, ход и последствия революции 1848 г. во Франции, Германии и других странах в рамках общей исторической эволюции этих стран и общего хода всемирной истории.

Обобщение Марксом и Энгельсом опыта 1848 г. с самого начала отличалось интернациональным масштабом, строилось не на локальном, а на общеевропейском материале, охватывало различные стороны революционного процесса и политической жизни Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Чехии, в польских землях, Ирландии, Дунайских княжествах и, в первую очередь, Франции. События во Франции находились в центре внимания по той причине, что они давали наиболее показательный пример действия общих социальных и политических тенденций. «Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца, — писал Энгельс о французской истории нового времени. — Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты»².

В 1848 г. нити общеевропейской истории сходились на французской почве, здесь разворачивались события, во многом определявшие судьбы революции и в других странах. Поэтому Франция и являлась главным объектом анализа Марксом уроков революционных событий.

Обобщение Марксом и Энгельсом уроков революционных событий 1848—1849 гг. в значительной мере базировалось на их личном практическом опыте как руководителей Союза коммунистов и редакторов «Neue Rheinische Zeitung» — боевого органа пролетарского крыла революционной демократии. Революция 1848 г. послужила для марксизма исторической проверкой, первым серьезным испытанием его правильности и жизнеспособности.

В 1848—1849 гг. в полной мере развернулся талант Маркса и Энгельса как подлинных народных вождей, стратегов, тактиков и организаторов революционной борьбы масс. Отстаивая самостоятельную линию пролетариата в буржуазно-демократической революции, они сумели отразить в своей платформе интересы всех передовых слоев тогдашнего общества, сформулировать задачи коренных демократических преобразований, которые обеспечивали наиболее прогрессивное развитие как Германии, так и всей Европы. Они выдвинули и тактическую программу достижения этих целей, формулировали в ходе революции лозунги борьбы, соответствующие конкретной обстановке. Такого общего стратегического плана и такой обоснованной и глубокой революционной тактики оказались не в состоянии предложить какие-либо другие течения в революции. Большинство из них, наоборот, обнаружило тактическую слабость и беспомощность. Банкротство в период революции, в частности, потерпели догмы разных направлений домарковского мелкобуржуазного социализма.

Поражение революций, обусловленное в первую очередь особенностью «той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹, явилось одновременно поражением и тех течений, которые служили олицетворением идейной слабости и незрелости тогдашнего пролетарского движения. Лишь то течение, которое научно выражало будущее пролетариата, — марксизм — не только не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 38.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 258—259.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

понесло ущерба, но, наоборот, вышло из испытаний революционных лет еще более окрепшим. «Революция 1848 г., — отмечал В. И. Ленин, — доказала, что *только* Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой»¹. Результаты этой проверки основ марксистской теории должны были быть учтены и ею самой. Этот своеобразный самоанализ должен был войти как органическая часть в ту работу по обобщению опыта революции, которую проделали Маркс и Энгельс.

Разумеется, процесс усвоения уроков революции требовал определенного времени и значительного напряжения мысли. К событиям середины века основоположники марксизма не раз обращались в период Интернационала, Парижской Коммуны, а также в последующие годы, уточняя свое понимание их в свете новых данных. Но в целом основная работа была проделана за несколько лет и закончена к наступлению временного торжества реакции в Европе. окончательно утвердившейся после государственного бонапартистского переворота в конце 1851 года.

С конца 1849 г. по осень 1852 г. основоположниками марксизма был создан ряд важнейших произведений марксистской исторической науки — работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», произведения Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», «Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии». Помимо этого из-под их пера вышел ряд важных документов, в частности, несколько обращений ЦК к Союзу коммунистов. Некоторые работы, например памфлет «Великие мужи эмиграции», остались в рукописи. Все они в той или иной степени содержали обобщение опыта прошедших революционных лет, и в совокупности (сюда необходимо добавить еще ряд важных в теоретическом отношении писем) отражали всестороннее, глубокое осмысление одного из важнейших периодов всемирной истории, одного из ее поворотных пунктов. В этих произведениях получили свое дальнейшее развитие многие теоретические положения марксизма. Значительно были обогащены материалистическая концепция исторического процесса, в особенности учение о революции, классовой борьбе, государстве, различные стороны теории научного коммунизма.

Прежде всего были углублены и получили дальнейшее развитие взгляды Маркса и Энгельса на самый революционный процесс, на роль революций в общественной жизни, на их закономерности. Новым после событий 1848—1849 гг. была трактовка революций как мощных ускорителей исторического развития, приводящих к коренным и быстрым переменам во всех общественных сферах, в том числе в идеологической области, в сознании широких масс, целых классов. В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс облек эту мысль в гениальную формулу: революции являются локомотивами истории. Он писал относительно обстановки во Франции: «... в этом вихре движения, в этом мучительном и беспokoйном ходе истории, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчисляющиеся полустолетиями»¹.

События 1848—1849 гг. подтвердили ту установленную Марксом и Энгельсом еще ранее, на опыте прежних буржуазных революций, истину, что ведущая роль народных масс в истории особенно проявляется в периоды революционных взрывов и что степень влияния масс, их участия в осуществлении общественного переустройства определяет глубину и прочность революционных завоеваний. Но более того, период 1848—1849 гг. не только еще раз доказал правильность этого положения, но дал возможность его конкретизировать². События этих лет продемонстрировали, как много в решении революционных задач, в исходе тех или иных революционных битв зависит от инициативы и стойкости народных масс, от их сплоченности, организованности, от уровня их сознания. Повсеместно народные массы, и особенно пролетарии, творили чудеса храбрости и героизма. Однако революционная энергия масс могла бы получить во много раз более эффективное применение при более высоком уровне их сознания и организованности, а также при наличии более выдержанного, гибкого и умелого политического и военного руководства, чем то, на которое оказались способны буржуазные и мелкобуржуазные демо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 44.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 60.

² Подробнее см. Т. И. Ойзерман. Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 г. М., 1955.

краты и мелкобуржуазные социалисты¹. Поэтому Маркс и Энгельс справедливо считали одним из положительных итогов революции, несмотря на ее поражение, начало разочарования масс в традиционных авторитетах — буржуазных республиканцах, мелкобуржуазных демократах и социалистах, — в их политических и социальных доктринах, в их «революционной» фразеологии. До сознания масс стала доходить иллюзорность этих пышных фраз и социальных рецептов, хотя требовалось еще немало усилий и времени, чтобы довести до конца процесс преодоления влияния мелкобуржуазной демократии и домарксовского социализма. Тем не менее 1848 год дал толчок этому процессу. Глубоко пронизателен был вывод автора «Классовой борьбы во Франции», который, как это подчеркивал В. И. Ленин, справедливо считал, что «народ выиграл то, что потерял свои иллюзии»².

Таким образом, дав подтверждение марксистскому тезису об объективной роли народных масс в революционных преобразованиях, революции 1848—1849 гг. показали значение субъективного фактора в осуществлении этой роли — сознательного элемента в революционном движении. Революционного инстинкта, энтузиазма, героизма оказалось недостаточно для обеспечения победы. Усложнившиеся условия революционной борьбы подняли значение подлинно революционной идеологии, правильного политического руководства, идейного воспитания и сплочения масс, деятельности революционного авангарда масс — политической партии рабочего класса.

Существенно новым в понимании революционного процесса, достигнутым на основании опыта 1848 г., было уяснение Марксом и Энгельсом тех важных изменений, которые этот процесс претерпел к середине XIX в. по сравнению с периодами ранних буржуазных революций, в первую очередь с французской революцией конца XVIII века. Основоположники марксизма проделали немалую аналитическую работу по сопоставлению революционного движения

¹ Такова была общая тенденция, действие которой, однако, отнюдь не было чем-то абсолютным и непреложным. В отдельных случаях, особенно в условиях национально-освободительной борьбы, из среды буржуазных и мелкобуржуазных революционеров в 1848 г. выходили выдающиеся политические деятели и военачальники типа Кошута в Венгрии, Гарибальди в Италии и др.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 124.

в XVIII и в XIX веках. В обобщенном виде результаты этого анализа были изложены Марксом в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которой он сравнил развитие буржуазной революции «по восходящей линии» в XVIII в. и «попятное движение» ее в середине XIX века¹.

Суть перемен Маркс и Энгельс усмотрели в изменении позиции главных классов, их роли в революционном процессе. Под влиянием развившегося антагонизма между пролетариатом и буржуазией последняя стала утрачивать свои боевые качества передового борца с феодализмом. Буржуазия в целом стала играть контрреволюционную роль не только там, где она непосредственно оказалась перед лицом революционной пролетарской оппозиции, как во Франции, но и там, где революционная энергия рабочего класса и народных масс была направлена против сохранившихся еще феодальных устоев, в ликвидации которых был заинтересован и сам класс капиталистов, как в Германии, Австрии, Пьемонте и др. Страх буржуа перед революционными массами оказывался сильнее неприязни к феодальным институтам, стеснявшим его деятельность. Контрреволюционное перерождение европейской буржуазии — при том, что на отдельных участках борьбы, в Венгрии, в некоторых итальянских государствах, ее передовые слои еще действовали революционно, — проявилось, как показали Маркс и Энгельс, в свирепой расправе с французским пролетариатом, в прикрываемой лицемерными либеральными фразами фактической поддержке английскими правящими кругами европейских контрреволюционных сил, в трусливых уступках монархической реакции, в саботировании революционных действий и радикальных реформ. Политика либеральной буржуазии — откровенно контрреволюционная во Франции, предательская в Пруссии, Австрии и других германских государствах — явилась одной из главных причин поражения революции. Она проложила путь к установлению бонапартистского режима во Франции и к реставрации абсолютистских и полуабсолютистских реакционных порядков в Центральной Европе и на Апеннинском полуострове.

Буржуазия не только утратила способности к завершению буржуазно-демократических преобразований револю-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 141.

ционным путем, но и становилась силой, в значительной степени противодействующей этим преобразованиям. Эта историческая задача не могла быть выполнена и слабой, неустойчивой мелкой буржуазией, она переходила в руки наиболее революционного общественного класса — пролетариата. Рабочий класс оказывался в центре революционного процесса на всех его стадиях. Он, по выражению Маркса, становился классом, в котором — не только с точки зрения будущего перехода к социализму, но и в смысле удовлетворения текущих исторических потребностей — «сосредоточиваются революционные интересы общества...»¹.

Этот вывод явился существенной конкретизацией марксистского тезиса о всемирно-исторической миссии рабочего класса. Программа революционных преобразований, которые он призван осуществить, оказалась и шире, и сложнее. Прежде чем приступить к созданию социалистического общества, рабочий класс должен расчистить пути для перехода к строительству социализма, уничтожить пережитки феодального строя. И успешно выполнить эту задачу он мог только радикальным путем, т. е. посредством демократической революции.

Вывод о том, что рабочий класс является единственным в сложившейся ситуации последовательным борцом за доведение до конца буржуазно-демократических преобразований, явился краеугольным положением марксизма о гегемонии пролетариата в буржуазной революции. Впоследствии В. И. Ленин синтезировал эти идеи Маркса и Энгельса в стройную и развернутую теорию руководящей роли рабочего класса в проведении революционных буржуазно-демократических преобразований.

Однако теоретическая мысль Маркса и Энгельса не остановилась на указанном выводе. Ее величайшим достижением было дополнение этого вывода положением о непрерывной революции — положением, составившим в дальнейшем основу ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Элементы теории непрерывной революции складывались у Маркса и Энгельса еще до событий 1848—1849 гг. Уже тогда им было ясно, что свержение феодально-монархических режимов рабочий класс должен использовать для

подготовки атаки на буржуазию, предоставив ей лишь «короткий период власти»¹. Но представление о революционном характере самого переходного времени от первой стадии революции, на которой решаются задачи свержения феодальной монархии, к ее более высокой стадии, когда вплотную встают задачи ликвидации господства буржуазного строя, появилось у Маркса и Энгельса только на основе анализа уроков революционного движения 1848 г. В результате учета изменившихся позиций различных классов в буржуазной революции перед Марксом и Энгельсом отчетливо обозначилась возможность двух вариантов развития после первых побед народа: либо кратковременное господство буржуазных партий, взявших курс на свертывание революции и постепенную сдачу позиций открытой реакции, либо непрерывное углубление революции, все большее оттеснение правых сил и, после непродолжительного пребывания у власти представителей мелкобуржуазной демократии, завоевание ее пролетариатом. Рабочий класс и все трудящиеся, разумеется, заинтересованы именно в такой перспективе. Условием ее осуществления является непрерывность революционного процесса, все большее втягивание в этот процесс народных масс, возрастание их революционной активности, усиление ведущей роли пролетариата. В мартовском «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» 1850 г., в котором теория непрерывной революции была изложена тогда в наиболее развернутом виде, задачей пролетариев поэтому провозглашалось — добиваться того, чтобы «непосредственное революционное возбуждение не было подавлено тотчас же после победы». «Напротив, — говорилось в этом документе, — они должны его поддерживать, насколько это только возможно»².

Осуществимость непрерывной революции Маркс и Энгельс связывали с завоеванием на сторону рабочего класса широких трудящихся масс крестьянства, причем не толь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 470. Термин «непрерывная» революция появился у Маркса еще раньше: впервые в работе «К еврейскому вопросу» применительно к французской революции XVIII в., а затем также в связи с ее анализом в «Святом семействе» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 393; т. 2, стр. 137). Однако позднее, особенно после революции 1848 г., это понятие было переосмыслено основоположниками марксизма и превращено в формулу для обозначения особенности революционного процесса, ведущего к установлению господства пролетариата.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 263.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 16.

ко на стадии борьбы за ликвидацию пережитков феодализма, но и на последующих, социалистических этапах революционного процесса.

Мысль о союзе рабочего класса с крестьянством в буржуазно-демократической революции высказывалась Марксом и Энгельсом еще накануне событий 1848 года. Уже тогда они подходили и к пониманию ведущей роли пролетариата в этом союзе¹. Больше того, в зародышевой форме намечалась и идея вовлечения трудовой части крестьянства в борьбу против капитализма. Энгельс, в частности, в начале 1848 г. выражал надежду на то, что «придет время, когда разоренная, обедневшая часть крестьян присоединится к пролетариату, который к тому времени достигнет более высокой ступени развития, и объявит войну буржуазии...»². Однако в целом качественно новая ступень в развитии взглядов на отношение рабочего класса с крестьянством была достигнута Марксом и Энгельсом именно в период революции 1848—1849 гг. и на основании анализа ее опыта.

Уроки революционных лет позволили Марксу и Энгельсу по-новому взглянуть на революционные возможности крестьянства. Не случайно Энгельс в 1850 г. обращается к истории Великой крестьянской войны в Германии, пересмотрев свой прежний односторонний взгляд на крестьянские движения в средние века, которые он еще в 1847 г. оценивал в негативном плане³. В своем анализе этой проблемы основоположники марксизма сделали еще один, чрезвычайно важный шаг вперед, окончательно придя к заключению не только о возможности, но и о необходимости участия трудового крестьянства, его большинства в пролетарской революции. То, что раньше вырисовывалось в еще малоопределенной форме, вылилось теперь в четкое, обоснованное опытом прошедших боев, положение. Поражение июньских повстанцев ясно показало, к чему ведет

социальная изоляция пролетариата. Это событие и многие другие события революционных лет, когда рабочие и крестьяне действовали изолированно, убедили Маркса в том, что, не завоевав поддержки крестьянских масс, пролетарская революция лишится того социального хора, без которого «ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»¹. С другой стороны, общественное развитие показывало, что капитализм неизбежно обрекает мелкое крестьянское хозяйство на упадок, долговую кабалу, разорение, что только пришедший к власти пролетариат может положить конец экономической нищете и общественной деградации крестьян². Крестьянские массы кровно заинтересованы в победе пролетариата, и это дает основания надеяться, что будущую пролетарскую революцию можно будет дополнить «каким-либо вторым изданием Крестьянской войны», как писал Маркс Энгельсу 16 апреля 1856 г., подчеркивая, что от этого будет зависеть успех рабочего класса в Германии³.

Уяснение возможности и необходимости союза рабочего класса с крестьянскими массами и на высшем этапе революции отнюдь не изменило сложившегося еще раньше трезвого отношения Маркса и Энгельса к крестьянству, к слабым сторонам его движения. Наоборот, Маркс и Энгельс еще более определенно подчеркивают противоречивые тенденции крестьянства. В «Крестьянской войне в Германии» Энгельс наряду с проявлениями подлинной революционности крестьян, их освободительными стремлениями отмечал их провинциальную ограниченность, узость политического кругозора, распыленность и слабую организованность их движения. Маркс и Энгельс отмечали собственнические иллюзии крестьянина, цеплявшегося за свою парцеллу, проявленную им в отдельных случаях, в частности во Франции, инертность, распространение среди крестьянства монархических и консервативных предрассудков, наивную веру в «крестьянского императора» — Наполеона, давшую возможность бонапартистским кругам использовать крестьянские голоса в интересах Луи Бонапарта на президент-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 272. Предпосылки для формулирования идеи союза пролетариата с крестьянством и гегемонии рабочего класса в революции содержались и в «Манифесте Коммунистической партии», авторы которого указывали на то, что для разоряемых капитализмом промежуточных классов, в том числе мелкого крестьянства, не остается другой революционной перспективы, кроме перехода на позиции рабочего класса (там же, стр. 434).

² *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 4, стр. 465—466.

³ См., напр., работу «Коммунисты и Карл Гейнцен» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 272).

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, прим. 89, стр. 606—607.

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 86. Это место из работы Маркса «Классовая борьба во Франции» содержит первую четкую формулировку идеи союза рабочего класса и крестьянства в пролетарской революции

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 37.

ских выборах в декабре 1848 г. и заручиться поддержкой части крестьянства во время государственного переворота 2 декабря 1851 года. В «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» 1850 г. наметился дифференцированный подход Маркса и Энгельса к различным слоям крестьянства, отделение зажиточного крестьянства, вероятного союзника буржуазии в предстоящих классовых боях с ней пролетариата, от массы крестьянской бедноты и мелких крестьян.

Колебания крестьянства, противоречивость его стремлений, связанная с его неоднородностью, отнюдь не делали, по мнению Маркса и Энгельса, невыполнимой задачей привлечения крестьянских масс на сторону рабочего класса в борьбе против капиталистического строя. Надо было помочь крестьянину избавиться от предрассудков, убедить его в том — чему способствовала и сама жизнь, — что любой буржуазный режим, в том числе бонапартистский, враждебен его действительным интересам, что настоящее решение своих жизненных проблем он может ожидать только от рабочего класса. Именно на этом пути можно достигнуть прочного союза пролетариата и трудящихся слоев крестьянства.

К важнейшим достижениям марксистской теории, которые стали возможными в результате изучения конкретных общественных явлений, относится разработка проблем отношения революции и государства. И до 1848 г. Марксу и Энгельсу было ясно, что рабочий класс не сможет добиться победы над буржуазией, не уничтожив ее политического господства, не завоевав политическую власть. Однако сама формула «диктатура рабочего класса» в документах, работах и письмах Маркса и Энгельса впервые появляется после революции 1848 года: «диктатура пролетариев» в договоре об образовании Всемирного общества коммунистов-революционеров, подписанном Марксом и Энгельсом в апреле 1850 г. вместе с лидерами французских бланкистов и английских чартистов, «диктатура пролетариата» в «Классовой борьбе во Франции» и в письме Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года¹.

Разумеется, это было не просто терминологическим уточнением важнейшего положения марксизма. Новая формулировка появилась в результате дальнейшего развития теории на основании опыта только что отшумевших рево-

люционных боев. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс подчеркивали демократический характер политического господства пролетариата. Его власть, говорилось там, будет отражать интересы подавляющего большинства народа и опираться на это большинство. Позднее Маркс и Энгельс сделали акцент и на других важных чертах. Они показали, что пролетарская власть должна быть подлинно революционной по своему происхождению и характеру, смело пользоваться революционными методами, применять, когда нужно, революционное насилие, твердой рукой подавлять происки внутренних и внешних врагов революции, широко использовать и всячески развивать революционную инициативу и энергию масс. Идея революционной диктатуры, опирающейся на народные массы и способной осуществить радикальную программу революции, была выдвинута Марксом и Энгельсом на страницах «Neue Rheinische Zeitung» в разгаре революционных событий. Прямым развитием этой идеи и явилось положение о том, что овладение рабочим классом политической властью должно осуществиться в форме установления революционной классовой диктатуры. Для пролетарской революции эта революционная диктатура нужна еще в большей степени, чем для демократической революции, так как рабочему классу придется отражать гораздо более свирепые натиски сторонников старого порядка и осуществлять гораздо более глубокие и грандиозные по масштабам общественные преобразования, чем доводилось проводить в жизнь какому-либо классу раньше.

Облекая мысль о необходимости политического господства рабочего класса в формулу «диктатура пролетариата», основоположники марксизма вместе с тем подчеркивали исторически преходящий характер этого господства.

Затронула марксистская мысль в эти годы и вопрос о конкретных путях установления революционной диктатуры рабочего класса. Марксом и Энгельсом была в этой связи выдвинута идея о формировании органов пролетарской власти в самом процессе непрерывной революции еще до того, как пролетариат овладеет браздами правления в общенациональном масштабе. В мартовском «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» основоположники марксизма призывали революционных рабочих, не дожидаясь, когда наступит момент завоевания власти во всем государстве, образовывать на местах «рабочие правительства» в виде

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 551, 91; т. 28, стр. 427.

рабочих комитетов, муниципальных советов или клубов, а также создавать свои собственные вооруженные отряды, которые являлись бы опорой этих «рабочих правительств». Из этих местных пролетарских органов должна в ходе революции, по мысли Маркса и Энгельса, и сложиться центральная власть рабочего класса¹.

Основной вопрос всякой революции — вопрос о государственной власти — имел другую весьма важную сторону, а именно, проблему отношения революционных сил к существующей государственной системе с ее важнейшими атрибутами: государственным аппаратом, армией, полицией, административными и судебными органами.

Государственная машина, созданная эксплуататорскими классами, отмечал Маркс, по самой своей природе является антинародной, угнетательской. В своей развитой военно-бюрократической форме она была создана в период абсолютных монархий. Буржуазные революции не уничтожали, да и не могли уничтожить ее, так как буржуазия нуждалась в полицейском и угнетательском аппарате для подавления трудящихся. Она лишь видоизменила эту государственную машину, приспособила ее к своим потребностям, усовершенствовала ее. Во время революции 1848—1849 гг. этот старый государственный аппарат являлся во всех странах оплотом реакции, орудием подавления народных восстаний, очагом контрреволюционных заговоров и саботажа демократических мероприятий, одним из главных препятствий на пути развития революционного процесса. Полицейско-карательная роль этого чиновничье-бюрократического аппарата особенно проявилась во время восстаний пролетариата и народных выступлений.

Одной из главных задач революционного пролетариата, непременным условием его победы было уничтожение этой антинародной, военно-бюрократической государственной машины буржуазии, слом старого буржуазного государства. Это важнейшее теоретическое положение, выдвинутое Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» применительно к европейскому континенту, В. И. Ленин рассматривал как «главное, основное в учении марксизма о государстве»². В то же время он подчеркивал, что Маркс еще не мог в то время дать научно обос-

нованного ответа на вопрос: чем конкретно следует заменить разбитую государственную машину буржуазии после прихода рабочего класса к власти. Для ответа на этот вопрос потребовалась новая ступень в развитии самой революционной борьбы, новый практический опыт народных масс. Важно отметить, что необходимость слома буржуазной государственной машины, как важнейшей закономерности революционного процесса, была установлена еще до того, как практически она получила свое позитивное воплощение. В период революции 1848 г. не было попытки сломать существующий государственный аппарат.

Обобщение уроков событий 1848—1849 гг. оплодотворило марксистскую мысль и в отношении понимания специфики революционной борьбы, ее тактики. Стало очевидным, что эта борьба имеет свои законы, свои правила, что стихийно завоеванная победа может принести лишь непрочный, временный успех, а для выигрыша всей революционной кампании требуется высокий уровень тактического руководства массовыми действиями, особенно вооруженным восстанием. «Вооруженное восстание есть искусство» — эта классическая формула Энгельса выразила подлинно научный подход марксизма к военной стороне революционной борьбы.

В результате опыта практического движения получило дальнейшее развитие и марксистское учение о пролетарской партии. В ходе борьбы стало особенно очевидным, что пролетариат нуждается не просто в политической организации, а в подлинной партии революционного действия, способной направлять энергию широких масс в нужное русло, быть их авангардом и организатором.

Борьба за самостоятельность пролетарского движения, за создание пролетарской партии, пользующейся влиянием в массах, за подготовку почвы для ее основания — таков был курс, избранный Марксом и Энгельсом на основании учета уроков революций 1848—1849 годов. Огромное значение они при этом придавали дальнейшему развитию революционной теории и критике сектантских и реформистских доктрин различных течений мелкобуржуазного социализма. Без преодоления влияния этих течений невозможно было добиться идейной независимости рабочего класса и развить его классовое сознание.

Таковы были важнейшие выводы, сделанные Марксом и Энгельсом в результате анализа уроков революционных

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, стр. 263—264.

² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 33, стр. 28.

событий середины XIX века. Большинство из перечисленных положений явились не столько плодом подытоживания положительного опыта революции, — этот положительный опыт зачастую вообще отсутствовал, — сколько итогом изучения причин поражения революционных сил. Таких внутренних теоретических достижений при обобщении во многих случаях лишь негативного опыта можно было добиться только в совершенстве владея диалектическим методом, умением увидеть и понять диалектику самих событий, распознать в обстоятельствах, приведших к сегодняшнему поражению революции, элементы, в которых заключались условия ее будущей победы, разглядеть в зародышевых формах тенденции, которые при иной ситуации должны были превратиться в могучий фактор прогресса.

Наступившая в 50-е годы полоса реакции в Европе наложила свой отпечаток на деятельность Маркса и Энгельса. На первый план выдвинулась разработка революционной теории, прежде всего создание нового экономического учения, в формировании которого наступил решающий этап. Этот этап был ознаменован вторым после разработки материалистического понимания истории великим научным открытием Маркса — созданием теории прибавочной стоимости, на основе которой было возведено все здание марксистской политической экономии. Гигантский труд, проделанный Марксом и нашедший свое воплощение в трех рукописных вариантах «Капитала», в книге «К критике политической экономии», наконец, в вышедшем в свет в 1867 г. первом томе великого произведения, принес свои огромные плоды.

Этот научный подвиг совершался, разумеется, не на арене непосредственной революционной политической борьбы. По характеристике Энгельса, теорию прибавочной стоимости Маркс «разработал в 50-х годах наедине с самим собой...»¹. Своды читального зала Британского музея и тесные стены лондонской квартиры Маркса ограничивали физически то пространство, где происходила эта гигантская работа ума, приведшая к подлинному революционизированию экономической науки. Однако отсюда отнюдь не следует, что создание политической экономии пролетариата явилось результатом ухода «в чистую науку», ослабления или разрыва связей с революционной борьбой, с рабочим движением.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 22.

Экономические изыскания Маркса представляли собой гениальный анализ отношений буржуазного общества. Он не только раскрыл внутренние противоречия капиталистического способа производства, дал всестороннюю картину отношений между наемным рабочим и капиталистом, но и в обобщенном виде показал повседневные классовые конфликты, рост пролетарского движения, созревание предпосылок пролетарской революции. Труд Маркса в этом смысле представляет собой гигантское по масштабам суммирование и обобщение опыта всемирной истории и в том числе революционной борьбы пролетарских масс.

Разработка Марксом экономической теории имела неограниченное значение для развития практической борьбы пролетариата. Своим трудом Маркс подвел экономический фундамент под теорию научного коммунизма, углубил и расширил теоретические основы учения о пролетарской революции, стратегии и тактике революционного пролетарского движения. Марксистская политическая экономия дала ключ к научному пониманию и характера экономической борьбы рабочего класса, ее значения не только для сплочения и организации пролетарских сил, но и как средства противодействия безудержному стремлению капиталистов к повышению нормы эксплуатации. Марксистское экономическое учение помогло прояснить подлинную роль кооперативных товариществ, профессиональных объединений, стачек и других форм коллективного сопротивления рабочих буржуазии. В то же время эта теория позволила определить границы, в пределах которых экономическая борьба могла приводить к известному улучшению положения рабочего класса, показала, что без завоевания политической власти и революционного уничтожения всей системы наемного рабства пролетариат может добиться лишь лучших условий продажи рабочей силы, но не избавления от необеспеченности существования и эксплуатации. Новые явления общественной и политической жизни Маркс и Энгельс рассматривали также и в своей публицистике. Важнейшее место в этом постоянном анализе текущих событий занимало обобщение опыта народных движений и национально-освободительной борьбы, причем не только в Европе, но и на других континентах. На большинство из этих событий Маркс и Энгельс откликались в печати, многие из них становились предметом обмена мнений в их переписке. Миланское восстание 1853 г. против австрий-

ского гнета, повстанческое движение греческих патриотов за воссоединение находившихся под властью султана греческих земель с Грецией в 1854 г., испанская революция 1854—1856 гг., национально-освободительное восстание в Индии в 1857—1859 гг., крестьянская война тайпинов в Китае в 1850—1864 гг., революционная кампания гарибальдийцев в Сицилии и Южной Италии в 1860 г., крестьянские волнения в России накануне и во время проведения реформы 1861 г., Гражданская война в США 1861—1865 гг., война мексиканских республиканцев против европейских интервентов в 1861—1867 гг., польское национально-освободительное восстание 1863—1864 гг. — все это было в поле зрения основоположников марксизма, служило им объектом для анализа и источником для теоретических обобщений.

Если опыт событий 1848—1849 гг. позволил Марксу и Энгельсу конкретизировать свое учение о роли революций в общественном прогрессе, то последующие периоды реакции и нового революционного подъема дали доказательство неизбежности дальнейшего углубления революционного процесса, расширения его фронта. В то же время стало возможным лучше уяснить социально-экономические факторы, которые ускоряли или, наоборот, замедляли этот процесс, обуславливали ту или иную, революционную или не-революционную, форму удовлетворения назревших исторических потребностей.

Чередование спада и подъема революционного движения теперь стало восприниматься Марксом и Энгельсом как определенная историческая закономерность, связанная с действием указанных факторов.

Во время экономического кризиса 1857 г., Маркс и Энгельс развили положение, впервые высказанное еще в 1850 г., в «Третьем международном обзоре», о роли экономических кризисов в создании революционной обстановки. При этом не следует соответствующие высказывания толковать, — а это нередко делается — как постулирование некой фатальной неизбежности наступления революции после каждого очередного кризиса. Нельзя не учитывать, что прогнозы о близости революционного взрыва выражали страстное ожидание великими пролетарскими революционерами такого взрыва. И если они ошибались в отношении сроков его наступления, то это были, как говорил В. И. Ленин, ошибки «гигантов революционной мысли». И Ленин

справедливо противопоставлял их «пошлой мудрости казенного либерализма»¹.

Если обратиться к существу этих прогнозов, то нельзя не признать, что в мыслях Маркса и Энгельса глубоко выражена подлинная закономерность общественного процесса, а именно зависимость революционных приливов и отливов от определенного состояния общества, от положения экономики. Не малую роль играют при этом такие экономические и социальные потрясения, как циклические кризисы. Общественный процесс отличается диалектической сменой эволюционного и революционного развития, наступление революции нельзя искусственно форсировать, ее невозможно совершить в любой момент, для нее должны созреть определенные условия. Эти идеи, высказанные Марксом и Энгельсом на опыте общественного развития 50-х годов вплотную подвели к учению о революционной ситуации, разработанной в эпоху империализма Лениным.

О том, что Маркс и Энгельс никогда не истолковывали революционный процесс в фаталистическом или в финалистском (как нечто заранее predetermined) духе, как это нередко стараются изобразить буржуазные «маркологи», свидетельствует и сформулированный ими в эти годы тезис о том, что в конкретных условиях неизбежные преобразования могут претворяться в жизнь в разных формах, в зависимости от соотношения классовых сил. Именно такую альтернативу увидели Маркс и Энгельс в решении важнейшей проблемы тогдашней Европы — вопроса о национальном объединении Германии, а также Италии.

Эта насущная задача буржуазно-демократической революции, не решенная в 1848—1849 гг., в конце 50-х годов вновь остро стала на повестку дня истории. Маркс и Энгельс боролись за ее решение революционным путем. Но они не исключали и другой перспективы развития, сознавая, что роль «душеприказчика революции» могут взять на себя представители контрреволюционных классов, стремившиеся осуществить национальное единство антиреволюционными методами².

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 249.

² См. статью Маркса «Эрфуртовщина в 1859 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 432). Широкая картина развития тактических принципов марксизма на основе анализа конкретной исторической обстановки, в том числе и в 50—60 гг. XIX в., дана в монографии: E. Molnar. La politique d'alliance du marxisme (1848—1889). Budapest, 1967.

Основоположники марксизма делали различие между обусловленностью революции и осуществлением ее задач на практике, хорошо осознав, что сама по себе революционная обстановка механически не может перерасти в революционную вспышку, что здесь требуется борьба, организующее и воспитывающее действие революционных сил, подготовка масс к революционным выступлениям. Роль субъективного фактора в революции опять-таки в этих случаях, как показал и опыт 1848 г., необычно возрастает.

Выводы, сделанные Марксом и Энгельсом в 50-е годы относительно условий осуществления революционных преобразований, имели весьма большое значение для обоснования тактики рабочего движения. Они подкрепили положение о необходимости учитывать конкретную обстановку, в которой протекает революционная борьба, различать задачи, стоящие перед рабочим классом в условиях спада и в условиях подъема революционного движения, избегать волюнтаристского «опережения» событий, преждевременных открытых выступлений, чреватых неминуемым поражением и ненужными жертвами, и в то же время в подходящей ситуации не упускать моменты для активизации политической деятельности пролетариата, для его решительного вмешательства в политическую жизнь.

Особенностью 50 — начала 60-х годов XIX столетия явилось расширение сферы революционного процесса, начавшего охватывать все континенты мира. Этот процесс продолжал развиваться в Европе, а колониальные и полуколониальные страны Азии и Африки — Китай, Индия, Алжир — были буквально объаты пламенем освободительной борьбы. Начало революционного подъема на рубеже 50-х и 60-х годов было отмечено не только значительной интенсивностью революционного движения, но и существенным изменением — по сравнению с 1848—1849 гг. — маршрутов революции. Главной ареной ее стали аграрные страны юга и востока Европы — Италия, Россия и Польша, а на западном континенте — Соединенные Штаты Америки.

Дело было однако не только в географическом смещении эпицентров революционной бури. В общий революционный поток оказывались втянутыми страны со своеобразной социальной и политической структурой, в которых либо еще преобладали феодально-крепостнические отношения

(Россия, Польша), либо устойчивые остатки докапиталистических формаций (система полуфеодальной аренды в Сицилии и на юге Италии, плантационное рабство в южных штатах Америки) сочетались с капиталистическим способом производства. Анализ революционных событий в этих странах давал возможность углубить ряд уже сложившихся положений марксистской теории, выяснить их применимость к более широким областям общественной жизни, а также развить новые стороны учения научного коммунизма, стратегии и тактики революционной борьбы.

В новом аспекте предстала, в частности, идея союза рабочего класса с крестьянством. Революционные события конца 50 — начала 60-х годов показали, что его нельзя рассматривать только в рамках развития революционного процесса отдельных стран. Потребность в установлении такого союза стала ощущаться в международных масштабах. Крестьянское движение в аграрных странах становилось важным фактором общеевропейского, даже мирового революционного процесса, способствовало складыванию революционной ситуации в Европе в целом, служило известным стимулом и для развития классовой борьбы пролетариата.

Маркс и Энгельс расширили свое понимание вопроса о необходимости и конкретных путях установления союза рабочего класса с крестьянскими массами. Они пришли к выводу, что революционную энергию крестьянских масс следует использовать не только в форме совместных выступлений с пролетариатом и под его руководством в отдельных странах, но и в виде объединенных революционных действий борющегося крестьянства слаборазвитых стран и организованного рабочего класса капиталистического мира. Поддержка крестьянских выступлений против феодализма, где бы эти выступления ни происходили, сделалась, по убеждению Маркса и Энгельса, важной задачей международного рабочего движения.

Раскрывая объективное содержание основных революционных событий того времени, направленных на уничтожение последних оплотов средневековья, Маркс и Энгельс еще больше утверждались в мнении, что борьба за демократию является необходимым этапом на пути к социалистической революции. Непосредственное участие в ней рабочего класса, активная интернациональная поддержка ее и в тех случаях, когда она происходит в регионах, удаленных от очагов организованного рабочего движения, — тако-

вы принципы, которые Маркс и Энгельс неизменно отстаивали в своих выступлениях, связанных с революционными событиями в Европе и Америке. У них все более крепло убеждение, что подлинной опорой революционных сил, борющихся за демократические преобразования, повсюду является именно пролетариат, ибо буржуазия, особенно европейская, на деле становилась все большим противником осуществления преобразований революционным путем. Контрреволюционное перерождение европейской буржуазии, выступавшей некогда под знаменем исторического прогресса, проявлялось как в ее всемерном стремлении подавить революцию у себя дома, в своих странах, так и в ее враждебности к революционному движению в любом уголке мира, даже если это движение непосредственно не затрагивало основы капитализма.

Контрреволюционная буржуазия Западной Европы становилась не только злейшим врагом социализма, но и противником демократии. Знамя борьбы за демократические свободы, за национальную независимость угнетенных народов, за поддержку революционных выступлений против феодального гнета, расизма, рабства и дискриминации цветного населения все больше переходило в руки пролетариата. События 50-х и 60-х годов сделали это особенно ясным для Маркса и Энгельса, дав им новые аргументы в пользу вывода о ведущей роли рабочего класса в борьбе за демократию не только внутри отдельных стран, но и на международной арене. Дальнейшее развитие этот вывод получил в годы Первого Интернационала, когда наряду с решением демократических задач перед рабочим классом с особенной силой встали также задачи борьбы с милитаризмом и завоевательными войнами.

В этой связи следует сказать, что уделяя серьезнейшее внимание международным отношениям, Маркс и Энгельс уже тогда заложили основы программы и тактики борьбы за самостоятельную позицию рабочего класса во внешнеполитических вопросах. Они сформулировали задачу разоблачения антинародной внешней политики и дипломатии господствующих классов, подчеркивая важность противопоставления этой политике самостоятельной платформы рабочего класса во всех внешнеполитических конфликтах и войнах, — платформы, которая отвечала бы интересам революционно-демократического развития.

Значительно обогатилось в 50-е годы учение марксиз-

ма по национальному вопросу. Этот шаг вперед выразился в более глубоком понимании национальных взаимоотношений, непримиримого антагонизма между верхушкой господствующей нации и угнетенными народами, борьбы угнетенных наций за освобождение, и он был сделан опять-таки в результате изучения конкретной действительности и прежде всего усилившегося движения народных масс порабощеных стран против завоевателей. Именно в эти годы Маркс и Энгельс заложили научные основы интернационалистской политики пролетариата в колониальном вопросе, сформулировали задачу бескомпромиссной борьбы против колониальной системы капитализма как наиболее варварского проявления его угнетательской сущности. Важнейшим вкладом Маркса и Энгельса в революционную теорию явились их суждения о путях ликвидации колониального рабства. В условиях, когда владычество метрополий казалось несокрушимым, основоположники марксизма подмечали формирование тех сил, которые были призваны опрокинуть колониализм. Они ясно видели перспективу возрастания сопротивления народов иностранным поработителям, несмотря на поражения отдельных восстаний, предсказывали неизбежность крушения колониальной системы. Борьбу народов против колониализма они считали составным элементом мирового революционного процесса.

На примере Индии Маркс подчеркивал, что народы угнетенных стран могут обрести свободу лишь в результате победоносного национально-освободительного движения против колонизаторов, либо же успешной пролетарской революции в метрополии.

При этом Маркс и Энгельс предвидели возможность совпадения ударов, наносимых капитализму с разных сторон, как бы предугадывали будущий процесс слияния в единый революционный поток социалистического движения рабочего класса и национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран.

Всесторонне был учтен Марксом и Энгельсом опыт классовой борьбы пролетариата в период после прекращения деятельности Союза коммунистов в 1852 г. и до основания Первого Интернационала в 1864 году.

Подходя к развитию рабочего и демократического движений диалектически, видя реальные проявления диалектического единства прерывности и непрерывности, сочетания преемственности революционных традиций и качест-

венно новых сдвигов, обусловленных и обострением экономических и политических противоречий капитализма, и структурными изменениями в самом рабочем классе, и политическими переменами в обстановке внутри отдельных стран и в международном масштабе, Маркс и Энгельс черпали для уяснения как ее общих закономерностей, так и специфических особенностей, которыми характеризовалась она в каждый данный момент. Это было чрезвычайно важно для определения путей и средств воздействия на рабочее движение в духе революционной теории.

С глубоким вниманием отнеслись Маркс и Энгельс к таким сдвигам, наметившимся в рабочем движении на рубеже 50 и 60-х годов, как возрастание активности рабочего класса не только в экономической борьбе, но и в политической жизни (даже почти всегда аполитичные английские тред-юнионы совершали известный «поворот к политике»), как создание рабочих организаций различного типа: профессиональных, кооперативных, просветительных, спортивных и т. д. Важной тенденцией явилось стремление рабочих разных стран избавиться от политической опеки буржуазных либералов, республиканцев, демократов (создание в 1863 г. Всеобщего германского рабочего союза и т. д.). Особенно прогрессивным было тяготение рабочих разных стран к интернациональному единству, к совместным действиям в поддержку борцов за независимость и в защиту собственных интересов рабочего класса.

В то же время основоположники марксизма весьма реалистически подходили к состоянию тогдашнего рабочего движения, особенно к его идейному уровню. Они отчетливо сознавали, что среди рабочих еще широко распространены идеи различных течений мелкобуржуазного социализма, заражавшие пролетариат духом сектантства, догматизма и национальной замкнутости и отвлекавшие его внимание от подлинной революционной борьбы знахарскими рецептами решения социального вопроса. Эти сектантские течения, часто реформистского толка (прудонизм, лассальянство), а также либеральный тред-юнионизм препятствовали избавлению рабочих от идейного влияния буржуазии, подлинному классовому и интернациональному сплочению его сил.

Таким образом опыт предшествующего Интернационалу развития пролетарской борьбы показал, что одних про-

ложности своих классовых интересов интересам буржуазии. Пробуждение классового сознания нашло выражение в лозунге «освобождение рабочего класса есть дело самого рабочего класса», который особенно прозвучал после 1848 года. Осознание тождества интересов рабочих различных стран в их борьбе против буржуазии выразилось в стихийной тяге пролетариев, даже тех, кто еще ничего не знал о марксизме, к организации в интернациональном масштабе. Именно эта тяга создала почву для возникновения в 1864 г. первой массовой международной организации пролетариата — Первого Интернационала.

В стихийном процессе формирования классового сознания в известной мере обобщался, наряду с жизненным опытом каждого рабочего, также и опыт борьбы трудящихся прошлых поколений, отраженный в революционных традициях. В первую очередь воспринимался опыт локальный (Коммуна 1792 г. для парижских рабочих, лионские восстания 1831 и 1834 гг. для лионцев) или национальный, но также и общеевропейский в виде сохранившейся в народных массах памяти о великих исторических потрясениях (эпопея Великой французской революции XVIII века, наполеоновских войн). Разумеется, решающее воздействие оказали уроки — как положительные, так и отрицательные — недавних первых великих схваток европейских рабочих с господствующими классами — чартизма 40-х годов и июньских боев в Париже в 1848 году.

Передовые рабочие пытались осмыслить, обобщить этот опыт, искали ему «научное» выражение. Об этом свидетельствуют как публицистическая деятельность многих пролетарских революционеров, лишь позже нашедших или вообще не нашедших путь к марксизму, — И. Ф. Беккер, И. Дидген, Дж. Гарни, Э. Варлен, Э. Обри, Б. Малон, С. Де Пап — так и работа многочисленных рабочих кружков по изучению социального вопроса во Франции (Париж, Руан), Бельгии, Англии, Германии, США; это подтверждается также всей немарксистской рабочей и социалистической печатью 50-х и 60-х годов XIX века (прудонистской, кабетистской, оуэнистской, позже лассальянской, кооперативистской и т. п.). Наконец, это явствует из выступлений рабочих делегатов на местных съездах и общих конгрессах Интернационала.

Однако, достигнутые таким путем обобщения носили частный, локальный, ограниченный характер, в них

абсолютизировались отдельные стороны накопленного опыта, этим в определенной мере обуславливается сектантско-догматический характер предложенных в учениях Вейтлинга, Прудона, Бланки и др. панацей от всех социальных зол.

Критикуя различные подобные системы, Маркс подчеркивал их «ненаучный», «антинаучный», «псевдонаучный» характер, свойственные им черты: недialeктичность, эклектичность, игнорирование общих закономерностей развития общества. Эту стадию формирования классового сознания рабочих Маркс относил к первому этапу «борьбы пролетариата против буржуазии», носившему «характер сектантского движения»¹. Хотя развитие классовой борьбы ведет к преодолению этого этапа, однако и в дальнейшем по мере вовлечения новых территорий и новых слоев населения в современное общественное производство снова и снова возрождаются эти сектантские искания. «На каждом новом историческом этапе воскресают на короткое время старые ошибки...» — писал Маркс².

Однако в середине прошлого века общей тенденцией этих сектантских течений являлось выделение пролетарской струи из общедемократического потока. Это объективное содержание тогдашнего исторического процесса и определяет наше отношение к домарксовским формам социализма и рабочего движения как к продуктивной, необходимой, но обязательно подлежащей преодолению — путем перехода к марксизму — стадии в процессе формирования классового сознания пролетариата.

Констатируя в развитии общественного сознания трудящихся масс середины XIX в. в Западной Европе эту общую тенденцию, мы должны сразу же подчеркнуть не менее важный второй аспект, а именно: принадлежность рабочего класса, пролетариата, к народным массам. Если отвлечься от его специфического места в производстве, по материальным условиям жизни, по языку, обычаям, религиозным убеждениям и предрассудкам, по национальным (в том числе и революционным) традициям, — рабочий класс плоть от плоти и кровь от крови народных масс. Чувство этой нерасторжимой связи очень усложняет процесс формирования классового сознания и выработку правиль-

ной тактики; в определенной мере оно влечет за собой приверженность к мелкобуржуазным доктринам, «народнические иллюзии» со всеми вытекающими отсюда националистическими, реформистскими, «легалистскими», антицентрализаторскими и др., по существу, социально-реакционными заблуждениями. Выступающий впервые на арену истории новый класс искал и не находил в существующем идеологическом багаже адекватного выражения для своих собственных устремлений и задач.

Между тем, лишь осознав себя как особый класс, пролетариат может понять свою роль как составной, но самостоятельной, ведущей части общества, отнюдь не растворяющейся, не интегрирующейся в нем. Отсюда и роль партии и ее программы, охраняющих эту особую функцию пролетариата, обособляющих его от непролетарских масс.

Только марксизм решает это противоречие между обособленностью и слитностью в своей концепции революционного процесса и социалистической революции. Марксизм выработал такую платформу, в которой интересы пролетариата не отрываются от интересов непролетарских трудящихся масс, а борьба за демократию — от борьбы за социализм. Это особенно ясно выявляется в марксистском учении о союзниках пролетариата в революции.

Марксизм рассматривает вопрос о союзниках отнюдь не прагматически, только с точки зрения узких интересов рабочего движения («без союзников нельзя победить»), хотя на определенных этапах движения так, может быть, и следует ставить вопрос (подобно Энгельсу в предисловии к «Крестьянской войне в Германии»), а дает более широкое, философское, историко-материалистическое обоснование, провозглашая историческую миссию пролетариата не только как могильщика капитализма, но и как класса, который, освобождая себя, в то же время берет на себя ответственность за судьбы всех трудящихся и угнетенных и несет всем им избавление от всякой эксплуатации.

Марксизм как обобщение уже сложившихся к 40-м годам XIX в. особенностей рабочего класса и его движения, в силу своей всеобщности, содержал в себе предвидение, прогнозирование дальнейшего развития этих особенностей. Ближайшие задачи и конечные цели рабочего движения, различные формы его проявления и заложенные в них тенденции развития нашли в марксизме наиболее полное и универсальное выражение. Возникновение марксизма как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

научной теории пролетариата не просто шло параллельно, сопутствовало рассмотренному выше стихийному процессу становления классового сознания у рабочих наиболее развитых стран, но и опережало этот процесс. Раз возникшая теория, в полном соответствии с общими законами развития науки, начинает действовать как ускоритель развития изучаемого процесса, в данном случае — процесса организации пролетариата и формирования его сознания.

Марксизм как теория борющихся за свое освобождение трудящихся масс по природе своей не мог быть эзотерическим учением. Проблема его соединения с рабочим движением, и прежде всего проблема распространения марксизма, возникла одновременно с самим марксизмом, была сформулирована Марксом в 1844 г., Энгельсом в 1845 году. Отсюда пристальное внимание основоположников марксизма к средствам распространения их новых идей — к устной пропаганде, к печати, к переписке. Письма Маркса и Энгельса несут особую функцию — не только личную, частную, но и общественную: нередко трудно найти различие между письмом Маркса или Энгельса к друзьям, к соратникам и написанным ими обращением к корреспондентскому комитету или другой организации. При этом надо помнить, что задача, которую ставили перед собой Маркс и Энгельс, заключалась в том, чтобы вооружить пролетариат теорией и научить его пользоваться диалектико-материалистическим методом; отсюда и воспитательная задача, которую вожди пролетариата ни на минуту не упускали из виду. Первым этапом в распространении марксизма можно считать годы деятельности Союза коммунистов, в особенности период революции 1848—1849 гг. и издания «*Neue Rheinische Zeitung*», которая имела не только общегерманскую, но и международную сферу воздействия.

К 1852 г. уже была разработана марксистская стратегия и тактика пролетарской революции с полным учетом опыта революции 1848—1849 гг., включая учение о непрерывной революции и тактику пролетариата в период реакции. Это был шаг вперед в развитии теории, однако условий для широкого распространения марксизма в международном масштабе, и даже в масштабе отдельных стран, тогда еще не было. Период до 1864 г. характеризуется медленным ростом кадров пролетарских революционеров, сплочением отдельных групп сторонников Маркса вокруг бывших членов Союза коммунистов в различных странах

(Э. Джонс и некоторые из бывших чартистов в Англии, Ф. А. Зорге среди немецких эмигрантов в США, И. Ф. Беккер в Швейцарии, В. Либкнехт и ряд бывших членов Союза коммунистов в Германии).

Теоретические и публицистические произведения Маркса в защиту партии коммунистов и идей научного коммунизма («Обозрение «*Новой Рейнской газеты*»», «Разоблачение о кельнском процессе коммунистов», «К критике политической экономии», «Г-н Фогт» и др.), так же как и более ранние произведения («Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии»), тогда все еще были известны лишь узкому кругу единомышленников, хранивших традиции Союза коммунистов и «*Neue Rheinische Zeitung*». В первую очередь речь шла о немецких рабочих в самой Германии и в эмиграции.

Дальнейшим этапом распространения марксизма и решающим в процессе его соединения с рабочим движением были годы Первого Интернационала. С основанием Интернационала чрезвычайно расширился и приобрел более интернациональный характер круг деятелей рабочего движения, на которых непосредственно оказывал влияние Маркс в результате личного общения на заседаниях Генерального Совета, рабочих собраниях, заседаниях Лондонской конференции Интернационала в 1865 г., во время поездки в Германию в 1867 и 1869 гг., в Париж в 1869 г. и т. д. или в результате переписки, личной и официальной, в качестве секретаря-корреспондента для Германии, для Бельгии, Голландии, России.

В то же время историки Коммуны не должны забывать, что такие важнейшие документы, как «Манифест Коммунистической партии», «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», не были еще тогда переведены на французский язык и оставались доступными только рабочим, владевшим немецким языком. То же можно сказать о первом томе «*Капитала*», вышедшем на немецком языке в 1867 г. и изданном (отдельными выпусками) на французском языке только в 1872—1875 годах.

В силу этих обстоятельств в интересующий нас период главным каналом распространения идей марксизма во Франции, да и в ряде других стран, стали выходившие из-под пера Маркса программные документы Интернационала. Это были в первую очередь «Временный Устав Меж-

дународного Товарищества Рабочих», вводная часть к которому рассматривалась Марксом и Энгельсом как программа Интернационала, «Учредительный Манифест», рассматривавшийся как «комментарий» к ней, «Инструкция делегатам Генерального Совета» на Женевском конгрессе 1866 г., отдельные решения Лозаннского, Брюссельского, Базельского конгрессов и ряд заявлений общего характера, выпущенных Генеральным Советом.

В годы Интернационала широкий по тому времени круг рабочих (исчислявшийся десятками тысяч в различных странах Европы и Америки) был приобщен к важнейшим положениям марксизма опосредствованно, через документы Интернационала. Написанные на английском, немецком или французском языке эти документы распространялись в авторских или авторизованных переводах. Разумеется, бывали случаи переводов заведомо искаженных или не точных, допускавших различное толкование¹. Более того, в значительном количестве составленных не Марксом документов местных секций, съездов и конгрессов Интернационала идеи марксизма присутствовали лишь в виде общей тенденции и сочетались с чуждыми марксистскому концепциями, характерными для различных течений мелкобуржуазного социализма.

Документы Интернационала, вышедшие из-под пера Маркса, заметно выделялись среди других. Их и тогда отличали черты, особенно свойственные более поздним марксистско-ленинским партийным документам вообще. Через них практические уроки борьбы различных отрядов рабочего класса в отдельных странах становились достоянием международного пролетариата не только путем простой информации, но и в обобщенном виде. Научная лаборатория марксизма сразу перерабатывала поступающие новые данные, непрерывно расширяя и обогащая вечно живую теорию пролетариата. Составленные Марксом документы всегда расширяли теоретический кругозор и тактический арсенал членов Интернационала.

На каждом очередном конгрессе снова и снова фиксировалось соотношение двух идейных потоков — постепенно изживаемых домарксовских воззрений и основных положений марксизма, уже обогащенных практическим

¹ Например, первый французский перевод Временного Устава Товарищества, изданный в Париже в начале 1865 года.

опытом Интернационала и приобретавших все большее признание. Экономическая, социальная и политическая платформа Интернационала складывалась постепенно, от конгресса к конгрессу, отражая процесс соединения марксизма с рабочим движением, переход передовых представителей международного рабочего класса от мелкобуржуазного сектанства к пролетарской партийности.

Исключительное значение имели для ускорения этого процесса организованные под руководством Маркса массовые интернациональные кампании, в ходе которых осуществлялось единство действий, подводившее к идейному и организационному единству.

Не меньшее значение имел и процесс передачи идей марксизма в личном общении от рабочего к рабочему, процесс, который, раз начавшись, неизбежно протекал во все нарастающей прогрессии. На протяжении шести лет, с 1864 г. до кануна Коммуны, Интернационал в целом, его Генеральный Совет, национальные съезды и общие конгрессы, печать его местных секций действовали как огромная школа взаимного обучения и обмена опытом передовых рабочих Европы и Америки.

Платформа, которую в общем и главном отстаивали Генеральный Совет и организации Первого Интернационала в различных странах, являлась в 60-е годы наиболее прогрессивной и наиболее универсальной программой действия в области политических, экономических и социальных требований не только пролетариата, но и его потенциальных союзников, трудящихся масс, мелкой буржуазии города и деревни.

Особого внимания при анализе этой платформы заслуживают резолюции Женевского конгресса (1866 г.), принятые на основе составленной Марксом «Инструкции». Наряду с программой экономической борьбы рабочего класса (ближайшие требования рабочих в области законодательства и задачи профессиональных союзов), высоко оцененной впоследствии В. И. Лениным, «Инструкция» включала также и ряд общедемократических требований. Последние формально не вывели за рамки буржуазного строя, но их последовательное, бескомпромиссное претворение в жизнь пролетариатом неизбежно подорвало бы основы этого строя. «Инструкцию» и некоторые поясняющие ее решения следующих конгрессов можно рассматривать как программу-минимум Интернационала,

несмотря на то, что в ней как раз отсутствуют конкретные политические требования, характерные для других документов такого рода, вышедших из-под пера Маркса¹. Это обуславливалось невозможностью выдвинуть какие-либо конкретные политические требования в программе международной пролетарской организации, призванной существовать легально в странах с весьма различными, хотя, как правило, в основе своей буржуазными режимами. Максимум того, на что можно было пойти, явился параграф 7 утвержденного Женевским конгрессом Устава, вменявший в обязанность местным секциям Интернационала «использовать свое влияние и проявлять инициативу... во всех вопросах, касающихся общего прогрессивного развития общественной жизни...»². Толкуя этот параграф применительно к своим местным условиям, деятели Интернационала основали в Англии в 1865 г. Лигу реформы, в 1869 г. — Лигу земли и труда. Как будет показано дальше, и французские члены Интернационала нашли в свое время форму для конкретизации своих политических устремлений.

Наряду с программой-минимум в среде наиболее передовых членов Интернационала с 1867 г. начала складываться и программа-максимум, проведение в жизнь которой предполагало решительный отказ от принципа частной собственности, от самой капиталистической системы, признание социалистических основ будущего общества. Эта программа находила поддержку и со стороны некоторых последователей утопического, мелкобуржуазного социализма. Основные же ее формулировки, касавшиеся национализации земли и других важнейших средств производства и транспорта, осуществления кооперативного производства в национальном масштабе, национализации государственного долга и кредита исходили от Маркса и его

¹ Ср. «Требования Коммунистической партии в Германии» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 5, стр. 1—3); Программа Лиги земли и труда (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 602).

² Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1866—1868. М., 1963, стр. 196. В том же смысле высказался уже после Коммуны Женевский конгресс 1873 г., принявший следующую резолюцию, выдвинутую И. Ф. Беккером: «Рекомендуя рабочему классу участие в любом политическом действии, имеющем целью его освобождение, конгресс вместе с тем представляет товарищам в различных странах свободу действовать применительно к существующим условиям» (*La Première Internationale. Recueil. Vol. IV, Paris, 1971, p. 223*).

ближайших соратников в Генеральном Совете. Однако провозглашенная в революциях Брюссельского (1868 г.) и Базельского (1869 г.) конгрессов социалистическая программа не была еще сколько-нибудь детально разработана, а тем более усвоена массой членов Интернационала. В частности, не были до конца поняты отправные положения аграрной программы, выдвинутой Марксом. Хотя признание социализма как цели движения почти не оспаривалось, не было ясности в вопросе о социалистической революции.

Базельский конгресс 1869 г. подошел вплотную к вопросу о путях и средствах осуществления социалистической революции. Камнем преткновения становились разногласия о характере революции и ее движущих силах, о роли государства и о наилучших формах организации сил пролетариата. Прения на конгрессе показали, что назрело столкновение между анархистами, стоявшими на позициях федерализма, и централистами, основное ядро которых составляли пролетарские революционеры, воспринявшие идеи научного коммунизма. Делегаты Генерального Совета Эккартус и английский тред-юнионист Лекрафт прямо говорили на конгрессе о преобразовательной роли пролетарского государства, государства рабочих, имеющего целью установление справедливого социального строя. В их словах звучали отголоски выступлений Маркса в Генеральном Совете. Сам Маркс, который на конгрессе не присутствовал, по-видимому, не считал тогда своевременным вынесение этих проблем на международный форум. Он предпочел бы, чтобы дискуссия развернулась не по поводу общих деклараций и умозрительных рассуждений, а выросла из обсуждения конкретных мероприятий. Об этом свидетельствует выдвинутая им повестка дня Майнцкого конгресса, назначенного на сентябрь 1870 года. В ней фигурировали пункты об организации кооперации в национальном масштабе и ликвидации национального долга, которые непосредственно подвели бы к обсуждению возможных путей революции и проблемы завоевания рабочими государственной власти¹. Здесь, как и всегда в разговоре с рабочими, Маркс стремился поднять их от практических задач к теоретическим вопросам, опираясь на их классовое чутье и видя в них будущих управителей общественного производства. В связи с франко-прусской войной конгресс

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 456.

не был создан, и ожидаемое Марксом обсуждение не состоялось. Члены Интернационала, и в первую очередь его французские члены, оказались недостаточно подготовленными к решению важных задач, которые перед ними выдвинула история.

На основе общих идей Интернационала французские пролетарии самостоятельно искали решения своих проблем. Политические требования передовых парижских рабочих накануне событий 1870—1871 гг. нашли наиболее полное выражение в избирательной платформе, опубликованной в мае 1869 г. в швейцарских и бельгийских органах Интернационала¹. Появление этой платформы, в составлении которой руководители парижских секций Интернационала участвовали наряду с известными мелкобуржуазными социалистами и левыми республиканцами-антибонапартистами, свидетельствовало о преодолении французскими рабочими прудоновской догмы воздержания от политической борьбы. Естественно, что принятый в условиях Второй империи документ, не мог содержать непосредственного требования республики, однако его характер не оставлял никаких сомнений относительно политических устремлений его составителей. Платформа 1869 г. заключала в себе требования упразднения постоянных армий, отделения церкви от государства, выборности и сменяемости чиновников, их ответственности перед избирателями, свободы ассоциаций, собраний, печати, отмены косвенных налогов, национализации банков, путей сообщения и связи, рудников и коний, самоуправления муниципалитетов и др., т. е. в основных чертах совпадала с программой Интернационала.

Э. Варлен, находившийся в это время в тюрьме, писал по поводу этой платформы: «Мы вступили на избирательной арене в борьбу с буржуазными республиканцами всех оттенков для того, чтобы подчеркнуть разрыв народа с буржуазией»².

На своем заседании 4 мая 1869 г. Генеральный Совет оценил эту платформу как «основанную на принципах То-

¹ «Egalité» (Genève), 1. V. 1869; «Internationale» (Bruxelles), 9. V. 1869. См. Э. Желубовская. Крушение II Империи и возникновение III Республики. М., 1956, стр. 148—149.

² Письмо от 8 января 1869 г. Цит. по книге: Э. Желубовская. Цит. соч., стр. 147—148.

варищества»¹. В преамбуле к платформе была выдвинута задача «укрепления демократической и социалистической партии» путем соглашения между различными «социалистическими группами» для выработки общей программы. Даже эта еще расплывчатая формулировка показывает, что тенденция к консолидации рабочего класса в национальном масштабе, ясно выразившаяся в образовании в августе 1869 г. Эйзенхаусской партии, имела место не только в Германии, как это иногда считают, но проявлялась и в других странах. Эта тенденция была характерна для всего рассматриваемого здесь периода, и германский рабочий класс явился исключением лишь в том смысле, что ему удалось благодаря ряду обстоятельств наиболее успешно и быстро разрешить назревшую задачу. В свете новых данных о той решающей роли, которую сыграла платформа Интернационала для сплочения передовых немецких рабочих в марксистскую партию, особенно выпукло вырисовываются трудности, с которыми аналогичный процесс встречался во Франции.

Главным препятствием к созданию подлинно пролетарской партии во Франции была теоретическая неподготовленность французских рабочих². Несмотря на постоянное внимание, уделяемое этой задаче самими Марксом и Энгельсом, их ближайшими соратниками П. Лафаргом, Э. Дюпоном и другими, распространение среди французских рабочих идей марксизма и в особенности основ исторического материализма давалось с трудом. Оставаясь в плену идеалистических концепций мелкобуржуазных демократов и утопических социалистов, и прудонистов, и бланкисты в равной мере не понимали сущности государства как категории исторической и классовой. Анархистскому отрицанию государства (антигубернментализму) прудонистов бланкисты противопоставляли не менее утопическое учение о надклассовом государстве — слуге народа. При этом конструкции и тех, и других нередко приобретали узконациональный характер восхваления «прекрасной Франции — родины Революции».

Нащупывая организационные формы для партий рабочего класса, пролетарские деятели различных стран руко-

¹ Генеральный Совет. Протоколы. 1868—1870. М., 1964, стр. 53.

² Энгельс писал в июне 1872 г., что в теоретическом отношении французские рабочие отстали от своих немецких товарищей «лет на пятьдесят» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 227).

водствовались не только и не столько априорно выработанными принципами, сколько реально существовавшими условиями. Так, еще основатели первой в Англии легальной политической партии рабочего класса — Национальной чартистской ассоциации 1840 г. — вынуждены были, чтобы конституироваться в условиях двухпартийной системы, исключавшей представительство рабочего класса, создать новые организационные формы (индивидуальное членство с личными документами, взносами и т. п.), которые не были пужны тори и вигам, располагавшим для тех же целей государственным бюджетом и парламентским аппаратом¹.

В сложных полицейских условиях различных государств, входивших в Северогерманский союз, эйзенахцы в 1869 г. сумели разработать необычайно гибкую структуру, сочетавшую юридическую автономию отдельных социал-демократических избирательных союзов с внутренней дисциплиной, подчинявшей их решениям общегерманских партийных съездов.

Во Франции образование партии тормозилось — наряду со свойственной прудонистам недооценкой организационного момента — отсутствием идейного единства пролетариата. Между тем в ходе борьбы против бонапартистской империи совместное решение практических задач и защита непосредственных общих интересов трудящихся способствовали сближению представителей двух главных течений в рабочем классе. Перед ними открывался один путь: создание боевого союза для достижения ближайшей цели — свержения империи, как общего врага, воплощавшего всякое угнетение и эксплуатацию. Зафиксированные историками попытки создать на основе секций Интернационала такую боевую партию с антибонапартистской направленностью (в январе — марте 1870 г.) или для защиты Республики (в феврале 1871 г.) подтверждают универсальный характер программы Интернационала, и именно его программы-минимум, как платформы для сплочения в революционный период широких слоев трудящихся против власти эксплуататоров.

Первая из этих двух попыток консолидации пролетариата столицы, осуществленная путем создания Федеральной синдикальной палаты и Парижской федерации секций

¹ См. А. Резников. Первая классовая битва пролетариата. Англия, 1842 год. М., 1970, стр. 9.

Интернационала, в которую входили и бланкистские секции, была предпринята весьма успешно зимой 1869—1870 года. Образование антибонапартистского блока парижских рабочих с левыми республиканцами на базе ежедневной газеты «Marseillaise» в обстановке подъема массового движения породило тревогу правящих кругов, которые обрушили жестокие репрессии на рабочие организации¹. Два крупных политических процесса в июле 1870 г. пад парижскими членами Интернационала, а затем над бланкистами, обвиненными в заговоре против империи, нанесли жестокий удар рабочему движению, которое оказалось обезглавлено и дезорганизовано накануне революционного кризиса. Это привело к тому, что в момент падения империи, 4 сентября 1870 г., власть взяли в свои руки не передовые представители французского общества, а правые буржуазные республиканцы, ориентировавшиеся на быстрый мир с Пруссией и на реставрацию монархии.

Следует отметить, что французские члены Интернационала Варлен, Дюпон, Обри, также как бланкистские и прудонистские публицисты Тридон, Верморель, Мильер и многие другие на протяжении 60-х годов постоянно подчеркивали отличие своей позиции «красных» республиканцев, сторонников «социальной» республики, от позиции буржуазных республиканцев, «формалистов», видевших в республике лишь более прогрессивную форму правления буржуазии и вполне мирившихся с ответственным им положением официальной оппозиции в системе бонапартистской

¹ О второй попытке создать пролетарскую партию на базе парижских секций Интернационала стало известно сравнительно недавно, из опубликованных французскими историками коммунистами Ж. Дотри и Л. Шелером документов ЦК комитетов двадцати округов (J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Republicain des 20 arrondissements de Paris. Paris 1960). Речь идет об образовании в феврале 1871 г. руководителями парижских секций, синдикальных палат и окружных комитетов бдительности, своего рода пролетарско-социалистического центра. Совещания происходили в помещении, арендованном на площади Кордери еще в январе 1870 г. по инициативе Варлена, подпись которого стоит на арендном договоре. Центр, или как его обозначала пресса того времени, «комитет на площади Кордери», не успел закрепить за собой руководство массами и был оттеснен в марте 1871 г. Центральным комитетом национальной гвардии, который представлял собой в глазах парижан уже готовую «естественную форму политической организации граждан» («Mot d'Ordre», 13. II. 1871). См. Первый Интернационал. Ч. 2, М., 1965, стр. 72—74.

империи. Между тем в пароксизме борьбы, когда ненавистной, гниющей, одиозной Второй империи был противопоставлен ее антипод — республика, лозунг снова приобрел свой мифический ореол, потерялись оттенки, исчезла классовая дифференциация. Этот психологический момент Маркс учел уже в первом воззвании Генерального Совета о войне, разъярения французским рабочим грозившую им ошибку¹. Тем не менее основной массе рабочих не удалось избежать ослепления; понадобились тяжелые испытания осады столицы прусскими войсками, бездарное ведение войны, репрессии, обрушенные на рабочих, чтобы рассеялись всякие иллюзии и раскрылись глаза на подлинное лицо капитулянтского правительства «национальной обороны».

Обстановка, сложившаяся в стране в связи с поражением французской армии, прусским вторжением и предательством правительства Фавра-Тропю способствовала выработке классовой пролетарской тактики у парижских рабочих. Сами условия политической жизни и классовой борьбы толкали рабочие массы на определение своей активной самостоятельной позиции.

Неудовлетворенные политикой правительства национальной обороны, трудящиеся осажденной столицы вынуждены были проявлять инициативу по требовавшим безотлагательного решения вопросам вооружения, распределения продовольствия, обеспечения семей бойцов, предоставления жилья беженцам из обстреливаемых кварталов и т. д. Восполняя бездеятельность правительственных органов и окружных муниципалитетов (мэров и аппаратов мэрий), не всегда решавшихся прервать ограниченные полномочия, предоставленные им в свое время империей, республиканские комитеты бдительности, окружные и квартальные, фактически брали на себя административные функции.

В циркуляре, предназначенном секциям в провинции, Парижский федеральный совет Интернационала, сообщая об образовании сразу после 4 сентября этих комитетов, «призванных принимать энергичные меры против буржуазной и бонапартистской реакции» и укреплять оборону, определил их, как «зародыш будущих революционных коммун». Точно так же понимали свои задачи развернувшие широкую деятельность во время осады и накануне революции 18 марта «семейные советы» батальонов националь-

ной гвардии, секции Интернационала, вечерние клубы, Союз женщин и т. п.

Весьма примечательно, что те формы организации, которые рабочие Парижа нашли в этот ответственный момент, довольно точно соответствуют формам самостоятельности пролетариата, намеченным Марксом и Энгельсом в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850), для периода правления мелкобуржуазной демократии накануне пролетарской революции¹. Между тем этот важнейший документ марксизма, тайно распространявшийся в начале 50-х годов среди немецких членов Союза, едва ли мог быть известен французским рабочим. Но эти рабочие творчески решали задачу, поставленную перед ними историей и, естественно, обращались к политическому опыту своих отцов и дедов. Поскольку этот опыт вошел в обобщенном виде в выводы, сделанные Марксом в 1850 г., совпадение этих выводов с практикой парижан в 1870 г. было неизбежно. Оно является убедительным подтверждением правильности марксистской теории.

Опираясь на свои революционные традиции, в общенациональном кризисе 1870—1871 гг., парижские рабочие, воспитанные Интернационалом, пытались проводить в жизнь его программу, в которой сочетались уже зафиксированные положения марксизма с неизжитыми прудонистскими и бланкистскими воззрениями. Эти рабочие заслужили одобрение Маркса и Энгельса, совершая многие шаги, проводя многие мероприятия, которые отвечали требованиям марксистской теории.

При анализе общественного сознания участников первой пролетарской революции нельзя отрывать период осады Парижа, когда окончательно сформировались идейные предпосылки революции 18 марта, от периода самой Коммуны, когда эти идеи уже стали претворяться в жизнь. На это обстоятельство уже обращали внимание более вдумчивые современники событий. Левореспубликанский публицист Лиссагаре, сам участник Коммуны и автор книги, высоко оцененной Марксом², писал в газете «Action», что если бы империя продержалась дольше, движение Коммуны, которое является «порождением века... неизбежно и в самом скором времени вспыхнуло бы... притом — обязательно

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 263—264.

² P. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Bruxelles, 1876. Отзыв о пей см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 157—158.

но в Париже». Однако, отмечает Лиссагаре, «могучий взрыв данного движения объясняется некоторыми обстоятельствами случайного характера — вооружением всех граждан, их сплоченностью, лишениями, которые были их общим делом в долгие шесть месяцев осады, неспособностью правителей...»¹ Аналогичную оценку периода осады мы встречаем у многих парижских журналистов, пытавшихся в апреле 1871 г. осмыслить то, что произошло у них на глазах.

Можно сказать, что события на Монмартре лишь возвестили миру о том, что идеи, овладевавшие рабочим населением Парижа в течение осени и зимы 1870—1871 гг., уже превратились в материальную силу.

Рассматривая программные документы Парижской Коммуны, ее декреты и выступления ее участников, мы обнаружим в них, точно так же как и в материалах рабочих организаций накануне Коммуны, такие идеи и элементы таких тактических принципов, которые занимают первейшее место в системе марксизма. Речь пойдет об идеях, отчасти сложившихся самостоятельно в коллективном сознании парижского пролетариата, отчасти заимствованных им из платформы Интернационала, а также о практических шагах или определенных линиях поведения, подсказанных конкретной обстановкой и непосредственным опытом, при осуществлении которых коммунары, сами не зная того, действовали в соответствии с определенными положениями марксистской тактики. Однако при выявлении этих совпадений мы не должны упускать из виду, что, как бы отдельные суждения или действия коммунаров ни подходили близко к известным положениям марксизма, между теми и другими все же всегда остается качественное различие, отделяющее эмпирически найденное правильное, но изолированное, решение от системы взглядов, все части которой взаимно обусловлены и составляют единое целое.

В данном очерке нет необходимости подробно останавливаться на весьма сложной и противоречивой программе Парижской Коммуны или на всей ее практической деятельности. И та и другая будут рассматриваться лишь в той мере, в какой в них удается обнаружить совпадение с более или менее существенными положениями марксизма как революционной теории пролетариата.

При рассмотрении в этой связи взглядов коммунаров в первую очередь следует обратить внимание на мысль об исторической миссии пролетариата. Эта мысль, которую Ленин считал важнейшей в марксизме, в определенной степени присутствовала в сознании парижских рабочих в неразвернутом виде, без теоретического обоснования и дальнейших выводов, как аксиома.

Если марксизм пришел к этой мысли путем философского обобщения всего опыта буржуазных революций и освободительной борьбы пролетариата, то для парижских рабочих она вытекала из непосредственной практики борьбы; ее осуществление представлялось единственным выходом из сложившейся катастрофической ситуации. «Парижские пролетарии, видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами...»¹ Цитируя в начале третьей главы «Гражданской войны во Франции» эту передовую статью из «Journal officiel» от 21 марта 1871 г., Маркс с полным основанием рассматривает ее как обращение ЦК национальной гвардии, то есть революционного правительства, выражавшего настроения парижских пролетарских масс.

Представление о том, что господствующие классы Франции, то есть «те, кто в силу своего богатства, ума, политического положения были, казалось, призваны стать в первые ряды ее защитников», бросили ее на произвол судьбы, присутствует и в передовой газеты «Affranchi» от 2 апреля 1871 года. Автор, по-видимому, сам редактор П. Груссе, делегат Коммуны по иностранным делам, видел именно в этом причину успеха революции, благодаря которой «рабочий класс впервые вышел на политическую сцену».

Понимание своего общественного долга как единственной силы, способной спасти нацию от военного разгрома и порабощения, постепенно складывалось у парижских рабочих во время осады. Мы уже находим его четкую формулировку в программе, выдвинутой к выборам в Национальное собрание в феврале 1871 г. комитетом на площади Кордери, являвшимся в то время штабом пролетарского Парижа. В качестве гарантии социального характера республики в этой программе выдвинуты два пункта: «Приход к власти

¹ «Action», 9. IV. 1871.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

пролетариата» и «изгнание правящей олигархии промышленных феодалов»¹.

Широкое признание ведущей роли пролетариата обусловило появление к этому времени в политическом словаре французского языка соответствующего устойчивого словосочетания, носящего характер термина. Выражение «*avènement du prolétariat*» употребляется и в смысле — выход пролетариата на политическую арену, и в смысле — приход пролетариата к политической власти².

«Революция 18 марта, — писала прудонистская газета, — ознаменовала для пролетариата приход к политической власти, подобно тому как революция 1789 г. сделала это для буржуазии»³. Выражение прочно вошло в язык революционного Парижа, оно встречается не только в пролетарской, но и в демократической и социалистической печати. Повторяемое в качестве боевого лозунга, оно внушает страх контрреволюционным кругам и в этом аспекте проникает и в реакционную публицистику. «Настоящая революция определяется следующими словами: приход к власти пролетариата. Вот почему подняла такой вой вся стая версальцев», — писала 26 апреля революционно-демократическая газета «*Estafette*».

С пониманием исторической роли пролетариата связано у представителей этого класса высокое чувство ответственности за судьбы всей нации. Это чувство уже проявляется в воззвании парижских членов Интернационала в ноябре 1870 года. «В момент, когда Пруссия и ее вассалы вторглись на французскую землю, — говорится там, — когда будущее Республики поставлено под угрозу происками реакции, делегаты рабочих обществ и парижских секций Международного Товарищества Рабочих считают своим долгом высказаться по вопросам, касающимся спасения нации»⁴.

Это чувство свойственно не только передовым рабочим, оказавшимся у кормила власти. Оно характерно для граждан взятого в кольцо блокады первого пролетарского государства.

¹ Избирательная афиша с программой воспроизведена в книге Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсан. Парижская Коммуна 1871 года. М., 1964, стр. 111.

² *Avènement* — буквально воспарение, восшествие на престол, приход к высшей власти. См. J. Dubois. Le vocabulaire politique et social en France de 1869 à 1871. Paris, 1962.

³ «*Ami du peuple*», 24. IV. 1871.

⁴ «*Patrie en danger*», 26. XI. 1870.

«Мы призываем к активному содействию всех граждан, которые понимают, что спасение родины зависит от исхода этой борьбы», — читаем в извещении о собрании, созванном на 11 апреля 1871 г., — на предмет организации движения женщин для защиты Парижа, «в случае если реакция и жандармы попытаются его захватить»¹. Такого же рода призывы звучат на собраниях районных политических клубов, мелькают в газетных заметках, сохранились в строках переписки рядовых участников движения.

Пролетариат Парижа, взяв на себя общенациональную задачу, стал носителем общественной инициативы. И в этот решающий момент примыкавшие к рабочему классу слои городской мелкой буржуазии и трудящейся интеллигенции, признав верховенство пролетариата, восприняли его лозунги, заговорили его языком.

«Обстоятельства придали Коммуне общенациональный характер», — писала демократическая газета «*L'Homme libre*» 7 апреля по поводу нападения версальцев на Париж. «Она одна воплощает во Франции *право, умеренность, справедливость*. Если безумцы нарушили общественный договор, развязав гражданскую войну, она обязана встать на защиту народных прав». Отмечая, что в борьбе между Парижем и Версалем речь идет не о различных оттенках республиканских взглядов, та же газета делала вывод, что «борьба идет не на жизнь, а на смерть между республикой и монополией, между хозяйственностью и расточительством, между свободой и рабством. Коммуна — это обновление Франции, это — прогресс, великий голос человеческой совести, восставшей против тиранов и угнетателей».

Таким образом, вокруг Коммуны, как это замечено и Марксом, сплачивались лучшие силы нации. Известный революционный писатель-демократ Жюль Валлес, весьма чутко реагировавший на общественное настроение, писал в феврале 1871 г. по поводу заседания комитета на площади Кордери: «Вот новый парламент! Сама Революция заседает на этих скамьях... Революция в рабочей одежде... При желании она сумеет сплотить вокруг себя все, что есть честного, решительного, живого...»².

¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972, стр. 129—130.

² Это отрывок из передовой статьи «Рабочий парламент» газеты «*Cri du Peuple*», 27. II. 1871. Автор статьи впоследствии включил ее в свой роман о коммунарах «*Инсургент*».

Весьма различны были представления о масштабах революции 18 марта у непосредственных участников событий. Если Варлен считал, что в Париже произошла не более как муниципальная революция, примеру которой, правда, могли бы и должны были последовать другие города¹, то бланкисты мыслили революцию в общереспубликанском масштабе. Что же касается мелкобуржуазных социалистов типа Лефрансе, они ожидали в самом непосредственном будущем начала всемирной социалистической революции.

И вместе с тем, несмотря на чрезвычайную пестроту взглядов, касавшихся как наиболее общих, так и самых частных вопросов управления, характер Коммуны как политической, правительственной власти никем не оспаривался. «Обстоятельства заставили Коммуну выйти из рамок нормальных атрибуций муниципалитета... она вынуждена была взять на себя функции правительства», — отмечал Делеклюз в письме к редактору «*Reveil du Peuple*» (№ 1, 18 апреля) «Коммуна, в этом нет сомнения, получила *политический* мандат... она диктует Парижу декреты об отмене рекрутского набора, о квартирной плате, об упразднении церковного бюджета...» — подчеркивала газета «*L'Homme libre*» 7 апреля. Наконец, точку зрения передовых рабочих наиболее ярко выразил коммунист Франкель на заседании Коммуны 12 мая: «Мы не должны забывать, что революция 18 марта совершена исключительно рабочим классом. Если мы, чей принцип — социальное равенство, ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны»².

Все участники парижской революции видели ее задачу в «политическом и социальном обновлении»³ общества, в установлении справедливого строя, опирающегося на труд, общества не знающего ни каст, ни привилегий. Рабочее правительство, последовательно проводящее демократический принцип, молчаливо признавалось наиболее подходящим для решения этой задачи. Каждая черта нового общества рисовалась внутреннему взору отдельного коммунара как прямое отрицание какой-нибудь более всего ему нена-

вистой и вызывающей возмущение особенности режима бонапартистской империи. Наряду с личным опытом каждого в этом сказывался результат широкой антибонапартистской пропаганды, развернутой в 60-х годах левореспубликанскими публицистами, а также четкая антибонапартистская позиция, занятая секциями Интернационала и его Генеральным Советом под непосредственным воздействием Маркса.

В частности, решительным отрицанием милитаристской Второй империи был принцип пролетарского интернационализма, который Коммуна объявила своим. Внешняя политика Парижской Коммуны, в основу которой были положены идеи международного братства трудящихся и мира между народами, отражала прямое влияние конгрессов Интернационала и массовых антивоенных выступлений его секций.

Коммуна не раз открыто становилась под знамя Международного Товарищества Рабочих. Секции Интернационала, вместе с примыкавшей к Интернационалу Федерацией синдикальных палат¹, представляли собой значительную и наиболее активную часть рабочей массы Парижа, а для рабочего правительства Парижа естественной потребностью было общение с массами. Амуру считал, что Совет Коммуны «может обладать истинной силой только тогда, когда члены его посещают митинги»². Особое внимание уделялось учету высказанных рабочими пожеланий и жалоб. «Мы получаем ежедневно, устно и письменно, большое количество предложений, то индивидуальных, то принятых в клубах или секциях Интернационала. Это часто отличные предложения... Дело секретариата Коммуны учитывать их и делать их предметом доклада», — писал

¹ Учитывая полулегальное положение секций при Второй империи, парижские профессиональные общества, стоявшие на платформе Интернационала, лишь в редких случаях объявляли об этом в своих уставах и образовали в 1868 г. автономную Федерацию синдикальных палат, пользовавшуюся всеми легальными правами. После провозглашения республики 4 сентября 1870 г. юридическая необходимость в таком раздельном существовании отпала, и неоднократно возникала мысль о создании единой организации Интернационала. Эта мысль не была проведена в жизнь, отчасти, может быть, и потому, что в самой практической деятельности секций и синдикальных палат уже появилось укоренившееся впоследствии разделение функций, характерных для организаций двух типов — партийных и профсоюзных.

² Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 173.

¹ См. Первый Интернационал, ч. 2, стр. 82.

² Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 161.

³ Там же, стр. 164. Слова, в данном случае, взятые из Декларации «мощиства» Коммуны, встречаются в многочисленных заявлениях и статьях разных направлений.

секретарь Исполнительной комиссии Коммуны А. Бриссак, предлагая выделить особую комиссию для этого важного дела¹. Коммуна уже 31 марта обратилась к рабочим обществам с призывом «представить в письменном виде... в Комиссию труда и обмена свои соображения и все сведения» в связи с вопросом об отсрочке долговых обязательств². В тот же день было принято решение о создании в каждом округе «подкомиссии», связанной с Комиссией труда и обмена, «...в целях совместного принятия необходимых решений» о спросе и предложении труда³.

Обращаясь к Коммуне со своими предложениями, парижские рабочие видели в ней воплощение заветных чаяний своего класса. В манифесте Союза женщин для защиты Парижа говорится, что «Коммуна, являющаяся представительницей международных и революционных принципов народов, несет в себе зародыши социальной революции»⁴.

Встревоженные нерешительностью Коммуны в связи с ухудшением военного положения, члены Интернационала из секции Монруж писали: «Принимая во внимание момент наивысшей опасности, в которой находятся наши общественные учреждения... члены... секции обращаются к вам, своим избранникам, чтобы исправить это положение вещей...»⁵. Вскоре Федеральный совет Интернационала создал специальную комиссию для представления «на обсуждение и утверждение Коммуны решений, выработанных парижскими секциями»⁶.

Вера в Коммуну укреплялась тем, что ее программу отождествляли с программой Интернационала. Парижская секция каменоломен, направляя свои пожелания в Комиссию по просвещению, мотивировала свое обращение тем, что «Парижская Коммуна открыто вступила на путь политических и социальных реформ, указанных во введении к нашему Уставу»⁷.

Такого же мнения были члены объединенной секции Иври и Берси. Они писали в газете «Cri du Peuple» 20 мая 1871 г.: «Дело идет не о простой смене династии или орга-

низации чисто формальной, умеренной Республики с сохранением монархических учреждений — нет, теперь предстоит прочно установить политический порядок, при котором осуществились бы наши социальные требования»¹.

Когда произошел раскол между прудонистами, оказавшимися в меньшинстве, со сторонниками создания Комитета общественного спасения, Парижский федеральный совет Интернационала созвал чрезвычайное заседание 20 мая, на которое вызвал членов Коммуны, принадлежавших к Интернационалу. «Им предстоит дать ответ за свое поведение в ратуше и высказаться о причинах раскола, происшедшего внутри Коммуны»², — было сказано в повестке заседания, которое состоялось 20 мая. Выслушав объяснения членов Коммуны и «оценив безупречную честность мотивов, которые руководили их действиями», Совет призвал их «приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победы в борьбе...»³

Глубокая и неразрывная связь между первой пролетарской революцией и первой массовой международной организацией пролетариата с наибольшей убедительностью раскрывается при сопоставлении мероприятий Коммуны с программными документами Интернационала.

Если мы обратимся к резолюциям Женевского конгресса 1866 г., которые, как уже сказано, получили наибольшее распространение и могут рассматриваться как программный минимум Интернационала, то убедимся в непосредственном влиянии их на практическую деятельность Коммуны.

В духе Женевских резолюций решала Коммуна вопрос о кооперации, действуя при этом в теснейшем контакте с профессиональными объединениями — синдикальными палатами. Стоявший во главе Комиссии труда и обмена Лео Франкель, которого часто называют «единственным марксистом в Коммуне», в своей практической деятельности руководствовался теорией научного коммунизма. Именно он, по-видимому, явился автором декрета от 16 апреля о передаче бездействующих, брошенных хозяевами мастерских в руки кооперативных обществ рабочих этих мастерских. Предварительное обследование и выработка примерного устава кооператива, иначе говоря, проведение в жизнь данного декрета поручалось комиссии из представителей син-

¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 138.

² Там же, стр. 122.

³ Там же, стр. 123.

⁴ Там же, стр. 152. Среди подписей под документом стоит и имя

Елизаветы Томаповской.

⁵ Там же, стр. 155.

⁶ Там же, стр. 147.

⁷ Там же, стр. 155.

¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 168.

² Там же, стр. 167.

³ Там же, стр. 171.

дикальных палат. Возлагая на парижских рабочих такое поручение, сам Франкель исходил из той роли, которую марксизм отводит профсоюзам, как наиболее широкой массовой и классовой организации пролетариата. Но то полное понимание, которое его призыв встретил со стороны руководителей синдикальных палат и их членов, показывает, что резолюция Женевского конгресса была ими воспринята.

После опубликования декрета синдикальная палата портных обратилась ко всем рабочим данной профессии с призывом активно участвовать в обследовании и подчеркивала: «Никогда еще ни одно правительство не предоставляло рабочим столь благоприятных условий. Остаться в стороне означало бы предать дело освобождения пролетариата»¹. Руководитель синдикальной федерации Делаэ писал: «Нам, рабочим, представляется великая долгожданная возможность довести до конца наше конституирование, чтобы осуществить на практике результаты наших трудолюбивых исследований последних лет»².

Еще раз подчеркнем, что, таким образом, один из важнейших декретов Коммуны и единственный, имевший ярко выраженную социалистическую тенденцию, опирался на два пункта программы-минимум Интернационала — о кооперативном труде и о роли профессиональных союзов.

Коммуна не успела, как отмечал Ленин, принять общего декрета о сокращении рабочего дня. Но требование 8-часового рабочего дня все же прозвучало с ее трибуны и занесено в ее протоколы³. Отмена постоянной армии и замена ее народной милицией — одно из общедемократических требований, включенных Марксом в программу Женевского конгресса, — также были осуществлены Коммуной. Выступая за решение об упразднении постоянной армии на заседании ЦК национальной гвардии 21 марта, признанный руководитель французских секций Интернационала Варлен заявил: «Это соответствует нашим принципам»⁴.

У Коммуны не было ни времени, ни возможности провести коренную реформу налоговой системы, которая могла быть осуществлена лишь в рамках всей страны. Но в

пределах Парижа требование отмены косвенных налогов — второе общедемократическое требование, внесенное Марксом в Женевские резолюции, — казалось, могло быть осуществлено. Назначенный в Комиссию по финансам убежденный социалист Варлен конечно понимал желательность немедленной отмены ненавистного парижанам октруа — налога на ввоз продовольствия в столицу, который особенно тяжелым бременем ложился на плечи беднейшего населения. Однако насущная потребность пополнения финансов молодого пролетарского государства связывала руки комиссии. Тем не менее, в отдельных округах Парижа взимание октруа было, по-видимому, одно время прекращено явочным порядком¹.

Были также выполнены Коммуной пункты избирательной платформы 1869 г. об отделении церкви от государства, отзываемости депутатов, выборности судей, ответственности чиновников, местном самоуправлении. Осталось не выполненным одно лишь требование: национализация банков и железных дорог. Дошедшие до нас сведения о спорах вокруг вопроса о банке среди коммунаров показывают, что пролетарские деятели, которые, безусловно, напши бы в этом вопросе поддержку со стороны рабочих масс, все же не могли пойти на выполнение этого пункта своей программы 1869 г., не оттолкнув от себя значительной части своих союзников. Формально национализация банка выходила за рамки программы-минимум, пробивала брешь в капиталистических отношениях. Парижские мелкобуржуазные демократы и многие радикальные буржуа, видевшие в Коммуне оплот республики против монархистов, готовы были всячески поддерживать правительство рабочих, пока оно проводило в жизнь самые далеко идущие общедемократические требования, но не посягало на принцип частной собственности.

Здесь следует отметить, что, подчиняясь чувству ответственности за судьбу сограждан, оказавшим им доверие и поддержку, заботясь об их интересах, коммунары принимали меры, которые стихийно обеспечивали их союз с непролетарскими слоями трудящихся. Прения в Коммуне по вопросу об отсрочке квартирной платы и платежей по векселям, обсуждение проблемы ломбарда и обеспечения

¹ См. объявление в «Journal Officiel», 27. IV. 1871 об отмене беспошлинного ввоза в Париж продовольствия и других товаров ввиду тяжелого финансового положения Коммуны.

¹ «Réveil du Peuple», 19. IV. 1871.

² Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 142.

³ Заседание 12 мая 1871 г. Выступление Франкеля. См. Протоколы заседания Парижской Коммуны. Т. II. М., 1960, стр. 271.

⁴ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 108.

вдов и сирот национальных гвардейцев и др. свидетельствуют о том, что непосредственные потребности населения неизменно выдвигались на первый план. Однако заботу эту члены Коммуны проявляли почти исключительно по отношению к городским слоям, нужды и тревоги которых были у них перед глазами. Не вооруженные теорией, ограниченные в своем урбанистском кругозоре, лишь немногие из них смогли преодолеть традиционное предубеждение горожанина к сельскому населению, наемного рабочего к крестьянину-собственнику. Аграрная программа Интернационала, к разработке которой только приступили секции в Бельгии, Швейцарии и Германии, до французских членов Интернационала еще не дошла. Этим отчасти объясняется и неудача Коммуны в попытках добиться поддержки крестьянства.

Маркс высоко ценил чутье, с которым Коммуна оберегала союз рабочих с мелкой и отчасти средней буржуазией Парижа. «Мастерским ходом» назвал он известные декреты о квартирной плате и отсрочке платежей. По поводу декрета от 16 апреля он писал, что Коммуна, «действуя очень мудро», поручила выборной комиссии «определить способ передачи покинутых фабрик и мастерских кооперативным рабочим обществам, с уплатой некоторой компенсации бежавшим капиталистам...»¹. Подчеркивая ошибку, допущенную коммунарами в отношении Французского банка, Маркс, по-видимому, относил возможность его захвата к мерам совместимым с положением осажденного города, т. е. к мерам военной самообороны, а не к планомерному проведению в жизнь социалистической программы². В отношении крестьянских ипотек точно также уже можно считать доказанным, что Маркс рекомендовал Коммуне не их национализацию, как иногда предполагали, а лишь принятие особого декрета, гарантирующего отсрочку уплаты процентов³.

Приветствуя коммунаров как первопроходцев пути пролетарской революции, Маркс видел их подвиг в том, что они впервые на деле осуществили слом государственной машины буржуазии. Однако при этом они не исходили из каких-либо теоретических обобщений. Их творчество было

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 533.

² Там же, стр. 351; ср. письмо Маркса Домеле Ньюенгейсу 22 февраля 1881 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 132).

³ История Парижской Коммуны. М., 1971, стр. 559.

стихийным, в нем они отталкивались от ненавистной им действительности Второй империи. Чтобы исключить всякий возврат к прошлому, они стремились обрубить щупальца гигантского «государства-спрута», которые, как было показано в известной политической карикатуре, опутали все живое тело Франции. В связи с этим интересно отметить, что, несмотря на значительное влияние в Коммуне прудонистов, воспитанных в анархистских идеях, никто из них не пришел в голову декретировать, как это сделал Бакунин в Лионе 28 сентября 1870 г., упразднение государства¹.

ЦК национальной гвардии, действуя как первое революционное правительство Парижа, а затем Коммуна своими декретами наносили раз за разом удары по наиболее одиозным функциям бонапартистского государства. Упразднение постоянной армии, полиции, отделение церкви от государства, упразднение бюрократических sinecur, выборность, ответственность и отзываемость чиновников — имели именно такой смысл.

Но мы знаем также, что требование каждого из этих мероприятий уже неоднократно появлялось то в той, то в другой из демократических программ. Почти все они фигурируют и в рассмотренной выше платформе Интернационала. Коммунарам впервые в истории удалось осуществить все эти мероприятия в кратчайший срок и единым натиском, в результате чего на свет появилась новая форма политической организации общества — форма пролетарской государственности.

Ряд обстоятельств способствовал успеху коммунаров в этом деле: развал постоянной армии при наличии уже готовой, высоко организованной формы народной милиции — национальной гвардии, традиционный воинствующий антиклерикализм народных масс Парижа, бегство правительства в Версаль и связанное с этим дезертирство высших чиновников почти всех ведомств, бойкот и саботаж оставшихся в Париже бонапартистских должностных лиц, в результате чего назначение на их места новых лиц с низкими окладами почти не встретило противодействия. Упразднение политической полиции встретило одобрение даже со стороны многих честных буржуа, отнюдь не сочувствовавших рабочим. Фактически все ведомства — почта,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 16.

финансы, военные и иностранные дела, земледелие, торговля, просвещение, народное здравоохранение, культура и т. п. — были брошены на произвол судьбы и подлежали естественной реорганизации, которая проходила подчас вполне беспрепятственно. По-видимому, этим, отчасти, объясняются иллюзии парижских революционеров относительно возможности избежать гражданской войны и реорганизовать общество мирным путем.

Та практическая деятельность коммунаров, которую Маркс назвал сломом государственной машины, представлялась им самим лишь как цепь отдельных мероприятий, большая часть которых была предусмотрена их программой. Но Маркс уловил в этой деятельности универсальный принцип. Речь шла о целом комплексе законодательных и организационных мер, направленных на ликвидацию угнетательских функций буржуазного государства вообще. Различные элементы этого комплекса смогут изменяться, выдвигаться на первый план или исчезать, в зависимости от конкретных условий данной страны¹, но общий закон был выведен. Новое в опыте Коммуны заключалось не в магической силе того или другого мероприятия, а в их единовременном, массивном, революционном проведении в жизнь.

Выявление этой закономерности в практике первой пролетарской революции было научным открытием, которое позволило Марксу совершить дальнейший шаг в разработке марксистской теории о государстве.

¹ В традиционно католических странах, как Франция, отделение церкви от государства имело большее значение, чем там, где прошла реформация.

РАЗВИТИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА НА ОСНОВЕ ОПЫТА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Теоретическая разработка Марксом и Энгельсом нового мировоззрения всегда была теснейшим образом связана с революционной борьбой масс и опиралась на практику этой борьбы. И хотя они умели использовать частный опыт отдельных отрядов рабочего класса в относительно «мирные» периоды, обобщать его и вскрывать общие тенденции и закономерности развития, тем не менее, бесспорно, что для развития марксизма решающим было осмысление опыта всемирно-исторических революционных событий, переломных моментов освободительного движения народных масс.

Богатейший материал дала Парижская Коммуна 1871 года. Анализ ее уроков не ограничивался таким документом, как работа Маркса «Гражданская война во Франции». Последующие произведения и письма Маркса и Энгельса в той или иной мере, прямо или опосредствованно, связаны с Коммуной, с теми проблемами и мыслями, которые она породила. К революционному опыту парижских коммунаров Маркс и Энгельс обращались постоянно.

Коммуна открыла новый период всемирной истории. Развитие всех сторон общественной жизни, революционной деятельности пролетариата в новых условиях шло под ее неизгладимым воздействием. Естественно, что и дальнейшее развитие марксизма после Коммуны проходило под знаком обобщения этих порожденных Коммуной новых явлений, под их непосредственным влиянием. Конечно, были и внутренние, спонтанные закономерности развития революционной теории. Отметим лишь один момент кардинальной важности. Разработка экономической теории марксизма (50 — начало 60-х годов) давала новую основу и определяла новый уровень развития теории научного коммунизма в целом, теории государства в частности.

Завершение воссоединения Германии и Италии в основном исчерпало коренные нерешенные задачи буржуазных

преобразований в Западной Европе. В то же время Коммуна показала, что в основных странах Западной Европы чисто буржуазная революция, затрагивающая лишь сферу политических преобразований, уже невозможна, — она неизбежно перерастает в революцию социальную, по своему характеру революцию пролетарскую. Однако рабочий класс не был еще готов к тому, чтобы не только взять, но и удержать власть в своих руках. Наступил период относительно мирного развития, характеризуемый не только количественными, но и некоторыми качественными сдвигами в экономике и социальной структуре развитых капиталистических стран. Эти процессы и определяемые ими особенности развития рабочего движения, характерной чертой которого стало собирание сил рабочего класса, распространение марксизма вширь, создание массовых социалистических партий, оказывали свое влияние на развитие Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма. Жизнь все более выявляла активную роль надстройки, в особенности государства, значение классового сознания, партии в развитии революционной борьбы.

Включение в орбиту общего революционного процесса и капиталистического развития новых стран (в том числе и во все возрастающей степени России) ставило вопрос о более широкой географии применимости марксизма, о соотношении общего и особенного в теории и в исторической действительности. Все это объясняет особое внимание, которое Маркс и Энгельс после Коммуны уделяли материалистической диалектике, проблемам надстройки, роли субъективного фактора.

Выдвижение тех или иных сторон марксистской теории на первый план, то или иное направление развития марксистской мысли определяется в первую очередь особенностями обстановки, позитивными потребностями рабочего движения, а также характером тех противников, с которыми приходилось бороться. Марксизм был создан и развивался в острой идейной борьбе, каждый его успех вызывал изменение методов атаки на него. И в этом плане Коммуна также была исторической вехой. Старый домарксовый мелкобуржуазный социализм терпит крах и постепенно сходит со сцены. Это прежде всего относится к ортодоксальным прудонизму и лассальянству; серьезные изменения претерпевает бланкизм, заметно эволюционируя в сторону марксизма. Однако все эти течения не исчезали бес-

следно, они определенным образом отражались в реформистских взглядах внутри создававшихся в 70—80-х годах социал-демократических партий, в попытках создать эклектическую «социалистическую систему», примиряющую различные школы социализма (наиболее ярким представителем этого направления был Е. Дюринг). Известную опасность имело распространение анархистских взглядов, представлявших — особенно в первое десятилетие после Коммуны — серьезное препятствие для соединения марксизма с рабочим движением.

Коммуна ясно показала значение научной теории, умения творчески мыслить и оценивать события, способности преодолевать старые представления и вскрывать суть новых явлений.

Между тем усиливалась опасность догматизации и опошления марксизма, забвения его диалектического метода, вульгарной трактовки научного коммунизма в духе экономического материализма, его прямой фальсификации оппортунистами. Поэтому после Коммуны приобретала все большее значение борьба за овладение рабочими массами революционной теорией, за повышение их сознания, за создание подлинно революционных пролетарских партий.

Среди жгучих проблем, волновавших умы того времени, одной из главнейших была проблема путей социального образования общества. Со времени Великой французской революции все больше места по мере развития буржуазного общества и его институтов, осмысления опыта революций 1830 и 1848—1849 гг. и других более частных проявлений революционного процесса занимала проблема революционной власти, революционного государства и — в более частном аспекте — революционной диктатуры. Развитие борьбы пролетариата и деятельности социалистических партий, в особенности их участие в политических кампаниях, выборах, использование ими парламентской трибуны делали проблему государства актуальной с точки зрения практики. В этой связи вопрос об отношении к буржуазному государству, его формам и функциям, который уже несколько по-новому предстал при разработке экономической теории, требовал более детального и конкретного исследования. Здесь ярче всего выявлялось то новое, что дала Парижская Коммуна. Теория слома буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата, являясь, как это выявил В. И. Ленин, краеугольным

камнем марксизма, стала наиболее глубоким водоразделом между научным коммунизмом и всеми другими направлениями социалистической мысли. Развитие революционной теории всегда было непосредственно связано с практической революционной деятельностью. Задача теоретического обобщения опыта Коммуны для Маркса и Энгельса была теснейшим образом связана с другой задачей — превращения стихийного сочувствия к Коммуне в сознательное желание пролетарских масс продолжить и довести до конца ее дело. В реальной жизни это была двуединая и взаимообусловленная задача. И это сразу же чрезвычайно ярко выявилось в гениальном произведении Маркса «Гражданская война во Франции», явившемся в то же время и официальным документом Генерального Совета Интернационала.

«Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное мировоззрение, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня»¹, — писал В. И. Ленин. Здесь Ленин подчеркивает как значимость революционной теории, так и тесную объективную связь идейной борьбы вождей рабочего движения, его теоретиков, с развитием сознания масс. Работа Маркса над воззванием Генерального Совета, его выход в свет и распространение были составной частью и в то же время фактором общего революционного подъема, вершиной которого, но не единственным проявлением, и была Коммуна.

Маркс и Энгельс прекрасно понимали все значение немедленного публичного выступления руководящего органа Интернационала с изложением точки зрения на события в Париже. Уже в период самой Коммуны — в письмах соратникам, в сообщениях на заседаниях Генерального Совета — фиксировались первые результаты анализа событий в Париже. Прежде всего подчеркивался пролетарский характер революции, выявлялись некоторые ее характерные черты, отмечались особенности созданной парижским пролетариатом революционной власти. В известном письме Кугельману 12 апреля 1871 г. Маркс ярко показал всемирно-историческое значение революции в Париже. Он писал о том, что суть происходящих событий — в попытке «наших геройских парижских товарищей» сломать «бюрократически-военную машину», восхищался исторической ини-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 294.

циативой французского пролетариата¹. Письмо свидетельствует, что к этому времени сама суть событий была уже совершенно ясна Марксу.

С первых же дней революции в Париже Маркс приступил к сбору всего доступного материала, характеризующего деятельность коммунаров, а также происки реакции, как версальской, так и международной. Он делал обширные выписки, в основном из прессы, собирал интересующие его статьи из французских газет, которые можно было купить в Лондоне. Одним из чрезвычайно важных источников были письма соратников и рассказы людей, побывавших в Париже. Во второй половине апреля и до 10 мая Маркс сделал первое обобщение имевшегося материала. Это был так называемый первый набросок «Гражданской войны во Франции». Затем к середине мая он написал второй черновой вариант своего труда². Как признано всеми исследователями, наброски к «Гражданской войне» представляют самостоятельное значение. Они не только позволяют проследить ход мыслей Маркса, формулировку тех или иных положений, раскрыть метод его работы. Наброски делались для себя, для уяснения проблем, и в них содержится ряд важных мыслей, которые Маркс не включил затем в окончательный текст «Гражданской войны во Франции», как официального документа Международного Товарищества Рабочих, который был готов к 30 мая.

Наброски дают блестящее подтверждение сделанной в связи с работой Маркса «Критика Готской программы» оценки В. И. Лениным самого метода разработки Марксом теории. «У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество, — писал Ленин. — Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки»³.

В «Гражданской войне во Франции» дан развернутый анализ Парижской Коммуны, отличающийся скрупулезным изучением широкого круга разнообразных источников.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

² Этот второй набросок сохранился неполностью.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48. Надо сказать, что Ленин не имел возможности ознакомиться с набросками, поскольку они были изданы уже после его смерти.

тщательной отработкой каждого положения, каждого вывода¹.

Детальнейшее и пристальное изучение фактов, относящихся к в общем-то ясным для Маркса теоретическим проблемам, позволило ему дополнить и конкретизировать свою теорию.

Работа эта была написана для масс с целью воздействия на них. Она призвана была донести до членов Интернационала то важнейшее, что научный анализ извлек из опыта Коммуны. В то же время она должна была отразить и позицию революционного крыла Генерального Совета. В этом плане это также было мастерское произведение. Оно было написано не просто языком, доступным для масс, но языком самих масс. Маркс использовал ходячие, выдвинутые жизнью мысли и образы: многие положения «Гражданской войны» в том или ином виде высказывались самими коммунарами. Он сумел теоретически обобщить мысли, идеи, витавшие в воздухе, развернуть, углубить, дополнить их, привести в систему. Широта и глубина охвата проблем, их четкое раскрытие и, главное, подведение к коренным вопросам теории научного коммунизма создавали качественно новый, законченный анализ опыта масс на базе всего того положительного, к чему они пришли сами.

«Гражданская война во Франции» подводила итог многолетней борьбы Маркса и Энгельса за торжество революционных принципов в Интернационале, подлинно научной, революционной программы рабочего движения. Центральная проблема воззвания — проблема государства, уже возникала в Интернационале. О ней шла речь на Базельском конгрессе (1869 г.), ее выдвигал Генеральный Совет в повестку дня несостоявшегося из-за франко-прусской войны Майнцского конгресса.

«Гражданская война» — это чрезвычайно глубокий и своеобразный научный труд. Свообразие его в том, что он

¹ Клеветническим по существу является утверждение французского историка-социалиста Гияра, что Маркс не представлял долгое время Генеральному Совету текст воззвания, так как, «предвидя гибель Коммуны, не хотел связывать Интернационал с этой катастрофой» (*J. Guyard. La Commune. Questions pour un centenaire. «La Revue socialiste» № 22, avril 1971, p. 62*). Гияр не одинок в этом своем мнении. Оно ранее высказывалось также английскими историками Коллинзом, Абрамским, Харрисоном и рядом других авторов.

создан по горячим следам событий, буквально в ходе их свершения.

Шаг за шагом выявлялись, фиксировались политические и социальные мероприятия Коммуны, раскрывалась ее «сокровенная» сущность как государства рабочего класса. При этом получило развитие учение о переходном периоде от капитализма к социализму, об экономической политике пришедшего к власти пролетариата, его отношении к средним слоям и т. д.

Сам Маркс писал, что «обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи»¹. Эти слова верны и сейчас, через 100 лет после Коммуны. Но если сейчас они свидетельствуют об ограниченности мышления буржуазных историков, то в 1871 г., в дни, когда писалось воззвание, они говорили и об огромной трудности задачи. Найти новое там, где оно только начало проявляться, увидеть его за старыми формами, причем в самом ходе событий, — необычайно трудно. Надо было изложить вытекающие из этих явлений теоретические выводы ясно, доступно и сжато — то есть так, чтобы сам процесс исследования был скрыт за его результатами. В то же время эти результаты представляли не как логическое развитие теории, а как жизненные реалии, как развитие самих событий.

Коммуна лишь начала дело социального преобразования мира. Смысл ее мероприятий мог быть раскрыт лишь при выявлении их тенденций. И Маркс делал это гениально, подмечая крупницы нового в самой жизни.

Выявляя черты Коммуны как государства рабочего класса, Маркс детальнейшим образом анализирует историю развития государственных политических форм, начиная со времени Великой французской революции.

В «Гражданской войне во Франции» он выступает не только как теоретик, превосходящий своих противников силой аналитического мышления, но и как ученый, превосходящий их глубиной и обширностью конкретных исторических знаний. Это особенно рельефно предстает, если сравнить марксов анализ Коммуны с тем, что писали о ней представители других направлений общественной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 344.

мысли. Если отбросить откровенно враждебные нападки на Коммуну (до сих пор встречающиеся в исторической литературе), когда классовый инстинкт буржуа исключал даже видимость научного мышления, то надо сказать, что все (в том числе и анархистские) работы о Коммуне проходили мимо именно того нового, положительного, что она внесла в историю, не показывали результатов ее созидательной деятельности. Для всех авторов немарксистских работ старые формы деятельности масс, старый круг идей были альфой и омегой как исследования, так и выводов. В этой связи интересно замечание В. И. Ленина по поводу попыток анархистов, в первую очередь самого Бакунина, истолковать опыт Коммуны как выражение «отрицания государства» и утверждения анархического федерализма. Ленин писал: «анархисты.. не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал»¹.

Анализ революции в Париже, породивших ее причин, деятельности Коммуны дал Марксу возможность сделать важный шаг в развитии теории государства. Прежде всего это касается обоснования исторической необходимости социалистического государства и определения его основных черт. В то же время, и это характерно для творчества Маркса в целом, проблема государства рассматривается в различных аспектах, в широком комплексе.

Развивая учение о социалистическом государстве, Маркс и Энгельс касаются проблем государства как такового, как общественного института, его классовой природы, диалектики его развития, проблем слома буржуазной государственной машины. Они рассматривают специфику пролетарского государства, его структуру, суть его мероприятий. При этом все положения в каждом случае развиваются в связи с определенными конкретными обстоятельствами и задачами: выяснение специфических условий революции в Париже и ее исторического значения («Гражданская война во Франции»), борьба с анархизмом («Об авторитете»), критика мелкобуржуазного реформаторства («К жилищному вопросу»), критический анализ партий-

ных программ и т. д. Однако во всех произведениях, а также в многочисленных письмах, какова бы ни была их особенность и конкретная направленность, выделяются и формулируются общезначимые, принципиальные, теоретические положения.

Сами Маркс и Энгельс, а затем В. И. Ленин подчеркивали¹, что важнейшим историческим уроком Коммуны было подтверждение сформулированного Марксом еще в 1852 г. положения о необходимости слома буржуазной государственной машины. В предисловии 1872 г. к «Манифесту Коммунистической партии» Маркс и Энгельс сочли необходимым сделать такую оговорку: «.. ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, еще в большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, — писали они, — эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...»².

Парижская Коммуна показала несостоятельность всех анархистских концепций ликвидации или отмены государства. Парижские рабочие, не знакомые с идеями Маркса о государстве, самой жизнью были подведены и в ходе практической деятельности фактически начали осуществлять слом машины бонапартистского государства, но отнюдь не ликвидацию государства вообще. Наблюдая за развитием событий в Париже, Маркс уже 12 апреля 1871 г. в письме к Л. Кутельману³ подчеркнул, что слом бюрократически-военной буржуазной машины является предварительным условием «всякой действительной народной революции на континенте»⁴.

Как отмечал В. И. Ленин, Маркс констатировал тот факт, что слом государственной машины есть условие не только социалистической, но и последовательной демокра-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 37—38.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 90.

³ Маркс основывался на первых декретах Коммуны, собственно, санкционировавших мероприятия ЦК национальной гвардии: ликвидацию постоянной армии (декрет от 19 марта), отделение церкви от государства, декрет об оплате чиновников, введение единого подоходного налога, декретирование всеобщего народного образования.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 104.

тической, подлинно народной революции¹. Таким образом, хотя сам Маркс об этом прямо не писал, из высказанной им мысли следует, что разрушение буржуазной эксплуататорской машины происходит уже на первом этапе непрерывной революции, последующее развитие которой связано с осуществлением социалистических преобразований. Сразу же отметим, что анализ опыта Коммуны в «Гражданской войне» показал, что это двуединая задача. Взавший власть пролетариат в союзе и при поддержке средних слоев решает и общедемократические задачи и свои собственные классовые задачи. Слом старой государственной машины происходит параллельно и в ходе создания новой государственности.

С другой стороны, уже в упомянутом письме Кугельману, Маркс говорит, что речь идет о сломе «бюрократически-военной» буржуазной государственной машины. Впоследствии это положение в той или иной форме постоянно повторяется. Здесь совершенно отчетливо проявляется различие с анархистской идеологией: в противовес анархизму марксизм исходит из необходимости уничтожения *буржуазной* государственной машины, а не государства вообще. Далее Маркс, подчеркивая, что уничтожается «*бюрократически-военная*» государственная машина, еще конкретнее ставил вопрос. В «Гражданской войне», как и в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», проблема слома государственной машины связывалась Марксом с острой критикой бонапартистского режима. Действительно, парижские рабочие в 1871 г. уничтожили органы управления и подавления Второй империи. А анализ бонапартистской государственной машины показывал, что именно в ней суть буржуазной государственной машины выступала в то время в наиболее четком виде, приходила в самое вопиющее противоречие с интересами не только рабочего класса, но и большинства общества в целом.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс дал блестящий образец исторического исследования буржуазного государства. Раскрывая этапы и закономерности его развития, он подводит к выводу, что тот ненавистный народным массам, открыто антинародный характер, который приобрела государственная власть при Наполеоне III, есть закономерное и наиболее концентрированное выраже-

ние общих тенденций и сути эксплуататорской буржуазной машины. Образно, с большим художественным мастерством раскрывает Маркс чрезвычайно важное положение — бонапартистское государство противоречит интересам не только наиболее эксплуатируемого класса — пролетариата, но и большинства нации, национальным интересам Франции. Его выводы о том, что «официальная Франция... — гниющий труп»¹, что Францию «можно было спасти от полного падения и возродить к новой жизни только путем революционного разрушения политических и социальных условий, породивших Вторую империю и под ее покровительством дошедших до полного разложения»², базировались на анализе развития собственно государственных форм, классовой структуры французского общества, на раскрытии природы и сути классовых антагонизмов, природы буржуазии как правящего класса. Маркс убедительно развенчал мнимо надклассовый характер как Второй империи, так и всех форм буржуазного государства.

В своем анализе развития государственных форм Маркс ищет, особенно в набросках к «Гражданской войне во Франции», способы раскрытия и обоснования положения, что «истинной противоположностью *самой империи*, то есть государственной власти..., которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу, — была *Коммуна*»³. Он показывает исторический путь превращения буржуазного государства в «государство-паразит»⁴, в государство не только оторванное от общества и независимое от него⁵, но опутавшее, «как удав», живое гражданское общество⁶. Этот процесс отчуждения государственной власти и обособления правительственного аппарата от гражданского общества, являющийся выражением политического развития буржуазии как класса, порождает вопиющее противоречие между интересами огромного большинства нации, интересами поступательного развития страны и существующей формой государства. Поэтому слом такой государственной машины предстает как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 521.

² Там же, стр. 332.

³ Там же, стр. 546.

⁴ Там же, стр. 545.

⁵ Там же, стр. 547.

⁶ Там же, стр. 543.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39—40.

неизбежный и исторически закономерный этап развития самого государства. Таким образом, вывод о необходимости слома органически вытекает из всего развития марксистской теории государства, и является неотъемлемой ее частью. Положение это нашло полное подтверждение и в реальном историческом процессе.

С анализом бонапартизма связаны чрезвычайно интересные, на наш взгляд, выводы, которые сделаны Энгельсом в «Заметках о войне» и Марксом в «Гражданской войне во Франции». Рассматривая положение во Франции накануне революций 4 сентября и 18 марта, Энгельс и Маркс показывают развал, крах бонапартистского режима в целом и бонапартистской государственной машины, в особенности ее главной опоры — армии. Эти мысли еще не были обобщены в стройную теорию революционной ситуации (сама эта теория была создана В. И. Лениным), хотя здесь нащупывается один из ее важнейших элементов. Однако важен и иной аспект этого анализа, а именно констатация того, что слом буржуазной государственной машины, так же как и одновременное создание отдельных новых, подлинно демократических государственных органов нарождающейся новой власти (национальная гвардия, ЦК национальной гвардии Парижа), начался еще до пролетарской революции и явился логическим и неизбежным следствием разложения старой государственной системы.

Разумеется, было бы ошибкой утверждать, что вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины у Маркса и Энгельса был связан исключительно с анализом бонапартизма. В бонапартизме, как уже говорилось, они видели характерные черты буржуазного государства, как такового. Маркс и Энгельс после Коммуны, как и до нее, по-прежнему большое внимание уделяли анализу классовой природы всех видов эксплуататорского государства, разоблачали угнетательский характер всех его форм. В период работы над «Гражданской войной во Франции», ставя в центр своего критического анализа Вторую империю, Маркс дал четко классовую оценку и другим формам буржуазного государства. Он писал, например, что «республика была анонимным акционерным обществом объединившихся фракций буржуазии, всех эксплуататоров народа, сплотившихся воедино...»¹. В классово-эксплуата-

торской, угнетательской сущности буржуазной государственной машины заключалось главное общетеоретическое и историческое обоснование необходимости ее слома. Дейтельность Коммуны, ее подавление еще раз подтвердили это положение марксизма. Как подчеркнул Маркс, «после каждой революции... чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто»¹. Помимо того, что здесь формулируется важное положение о закономерности развития буржуазного государства в зависимости от развития классовой борьбы², здесь подчеркнута значимость исторического опыта Коммуны для масс.

В таких работах, как «Критика Готской программы», «К жилищному вопросу», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», и многих других Маркс и Энгельс продолжали разоблачение эксплуататорской сущности буржуазного государства. В этом отношении характерен новый глубокий вывод Энгельса о том, что буржуазное государство есть «совокупный капиталист». Конечно, эта чрезвычайно емкая мысль связана не только с Парижской Коммуной, а во многом и с развитием экономической теории научного коммунизма, однако она не случайно высказана была именно после Коммуны.

В связи с анализом Коммуны, а также в связи с борьбой против бакунистов, Маркс подвергает критике требование «свободного народного государства», выдвигавшееся немецкими социал-демократами, в том числе и Либкнехтом. В конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» он отмечает, что народное государство «вообще вздор, обращенный против Коммунистического манифеста...»³ Эти же мысли чрезвычайно ясно были развиты Энгельсом в знаменитом письме Бебелю по поводу проекта Готской программы⁴. «Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 340.

² См. там же, стр. 341.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 618.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 5, а также т. 34, стр. 103—104. Эти положения были высоко оценены В. И. Лениным (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 64).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 522.

превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный...»¹, — писал Маркс в «Критике Готской программы». Именно Коммуна особенно наглядно показала весь вред подобных по существу мелкобуржуазных иллюзий.

Не случайно в одной из своих последних работ, посвященных Коммуне, — во «Введении к «Гражданской войне во Франции»» — Энгельс решительно ополчается против суеверного почтения к буржуазному государству, получившего распространение и в среде социал-демократии, резко выступает против представления, «будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников»².

Слом государственной машины буржуазии является, по мысли Маркса и Энгельса, исторической закономерностью, вытекающей из природы и характера эволюции буржуазного государства, из процесса его возникновения и гибели. Маркс и Энгельс подчеркивали, что государственная машина является реальной силой в руках господствующего класса и что, если пролетариат хочет вести борьбу на реальной почве, он должен направить свои усилия на ликвидацию этой далеко не абстрактной, противостоящей его устремлениям силы.

Для своего освобождения, указывали они, пролетариат не может использовать государственную машину, созданную и развитую для его угнетения. В то же время сохранение этой машины было бы чрезвычайно опасным для рабочего класса, равносильным сохранению очага контрреволюции и опоры реставрации господства эксплуататоров. Логика классовой борьбы неизбежно выдвигала задачу уничтожения этой машины.

Анализ Марксом и Энгельсом Коммуны еще раз подтвердил вывод о международном, интернациональном характере освободительной борьбы рабочего класса, позволил конкретизировать этот вывод. Маркс убедительно показал, что перед лицом победившего пролетариата отходят на задний план все разногласия и конфликты буржуазных государств. «Классовое господство, — писал он, — уже не

может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства *едины* суть!»¹ В данном случае нас интересует следующий аспект марксовых мыслей. В «Гражданской войне» рельефно показано, что рабочий класс, даже победивший в одном городе, приступивший к слому национальной государственной машины, тем не менее творит всемирно-историческое дело. В тех условиях, когда капиталистический мир представлял уже единое целое, когда образовался мировой капиталистический рынок, разрушение государственной машины практически наносит удар прежде всего по всей системе международных отношений, созданных эксплуататорскими классами.

Коммуна дала возможность конкретизировать понимание самого процесса слома государственной машины буржуазии и перспектив, которые этот процесс открывал. Ликвидацию функций угнетения и функций защиты интересов эксплуатирующего меньшинства Маркс и Энгельс рассматривали как важный этап на пути исторического развития государственности, государства как общественного института.

В полемике с бакунистами, у которых идея слома буржуазной государственной машины выступила в карикатурно-абсурдной формуле всеобщего разрушения и отрицания всяких авторитетов², Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что речь идет отнюдь не о некоей волевой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 365.

² В «Государственности и анархии» Бакунин писал по поводу Коммуны: французские рабочие «провозгласили окончательное разрушение французского государства, расторжение государственного единства Франции...» (М. Бакунин. Государственность и анархия. Женева, 1873, стр. 27).

Критика анархистских теорий о немедленной отмене, уничтожении всякого государства дана в работах Энгельса «Об авторитете», «Бакунисты за работой», в произведении Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» и др. Сформулированные в них положения в обобщенном виде были воспроизведены в «Анти-Дюринге» Энгельса.

В «Бакунистах за работой» Энгельс указывал на «ультрареволюционные фразы об анархии и автономии, об уничтожении всякого авторитета, в особенности государственного...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 457). В «Альянсе» Маркс и Энгельс резко критиковали одну из бакунинских листовок, в которой содержался «в развернутой форме отданный в тайных статутах (Альянса.— Н. К.) приказ добиться того, чтобы «не осталось... камня на камне»» (там же, стр. 393).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 26.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 200.

акции «отмены» государства с сегодня на завтра, а о длительном естественноисторическом процессе его отмирания, постепенного превращения политического управления людьми в распоряжение вещами, и что начало этому процессу кладется разрушением эксплуататорского военно-бюрократического государственного аппарата. Необходимость в государственности остается и после революции. Лишь в ходе дальнейшего общественного развития, после утверждения социалистического способа производства необходимость в государственных функциях отпадет и государство как таковое исчезнет.

Самый слом государственной машины основоположники марксизма понимали не как единовременную ликвидацию абсолютно всех функций, выполняемых прежним государством, всех форм прежней государственности. На основании опыта Коммуны Маркс пришел к выводу, что слому, уничтожению подлежат прежде всего органы государственной власти, имеющие чисто угнетательский характер. Во втором наброске «Гражданской войны во Франции» Маркс подошел к проблеме слома буржуазной государственной машины гораздо более дифференцированно, чем когда-либо раньше. Он писал:

«Одно из нелепых утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции государственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции существовали бы, но выполняющие их лица не могли бы, как при старой государственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были выполняться коммунальными чиновниками и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные должности перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим ставленникам». Далее следует наиболее интересное высказывание: «Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломало бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих,

освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения, — все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков...

Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества¹.

Мы привели целиком это чрезвычайно важное рассуждение Маркса, поскольку оно дает представление, кроме всего прочего, и о логической последовательности хода его мысли. В окончательном тексте воззвания Маркс писал: «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества»².

Здесь нет необходимости останавливаться на известном положении Маркса, согласно которому любое государство выполняет помимо своих основных классовых функций, также функции, относящиеся к общим потребностям общества, осуществляет определенные «общие дела». Это положение нашло свое развитие и в последующих трудах Маркса и Энгельса. Для нас важно подчеркнуть, что Маркс ясно и четко говорит о необходимости отсечь «угнетательские органы» буржуазного государства, о том, что любая пролетарская революция в государственной области окажется перед решением задачи гораздо более сложной, чем простое разрушение всей буржуазной государственной машины. Однако сразу же после завоевания власти рабочий класс должен, как это стало особенно ясным после 1871 г., «устранить» (по выражению В. И. Ленина) старую армию, полицию, чиновнический аппарат³. В то же время органы, которые занимаются созидательной и необходимой всему обществу работой, должны быть преобразованы таким образом, чтобы в новых условиях и на новой основе выполнять свои позитивные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 602.

² Там же, стр. 344.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 225.

общественные функции. В 1883 г. Энгельс писал в одном из писем, излагая коренные принципы учения о государстве: «...класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому... Правда, это государство требует значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции»¹. Здесь, как мы видим, речь идет о коренных изменениях некоторых старых государственных учреждений.

Коммуна наглядно показала несостоятельность анархистских концепций, их оторванность от жизни. Анархистские догмы об отмене государства, как первом акте «социальной ликвидации», были известны французским рабочим в значительно большей степени, чем марксово учение о государстве (можно сказать, что в то время с последним были знакомы буквально единицы). В сентябре 1870 г. в Лионе сам Бакунин пытался их осуществить, что привело к бесславному исходу лионского восстания. Довольно широко были распространены и антигосударственные идеи Прудона. Однако в ходе революции парижские пролетарии не были в плену этих догм. Они вообще не ставили своей целью реализовать какие-то абстрактные рецепты. В ходе самой жизни, разрешая практические вопросы, ею поставленные, в процессе созидания новых форм социальной и политической организации общества, они отсекали, отбрасывали старые политические формы. Слом буржуазной государственной машины на практике стал *составной* частью созидательного процесса, как это было убедительно раскрыто Марксом в «Гражданской войне во Франции».

События в Париже, их анализ позволили Марксу показать, что несмотря на глубоко демократический характер слома бонапартистской государственной машины, в ликвидации которой были кровно заинтересованы самые широкие слои трудящихся, только рабочий класс способен последовательно претворить эту величайшую революционную акцию в жизнь. «Коммуна была решительным отрицанием этой государственной власти и потому началом социальной революции XIX века», — писал он. — «Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в борющейся Парижской Коммуне

это новое устремление»¹. И дело здесь прежде всего не только в том, что рабочему классу присуще негативное отношение к буржуазной государственности, но в том, что объективно он один обладает способностью создания государства нового типа — диктатуры пролетариата.

Наиболее значительный вклад на основе опыта Коммуны был сделан Марксом и Энгельсом в учение о диктатуре пролетариата. При этом следует подчеркнуть, что были развиты и конкретизированы не отдельные положения и мысли, а все учение в целом: обоснование необходимости диктатуры пролетариата, пути и средства ее установления, ее формы и функции, ее место в общиесторическом процессе развития государства.

Как уже говорилось, Марксу удалось увидеть в Коммуне государство нового типа — диктатуру пролетариата. В «Гражданской войне» он писал: «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего...»²

Коммуна наглядно продемонстрировала необходимость самого существования пролетарского государства, государства диктатуры пролетариата. Раскрывая эту сторону уроков Коммуны, Маркс обосновывал необходимость установления диктатуры пролетариата самой логикой развития классовой борьбы, доказал, что завоевание политической власти рабочим классом является ее прямым и необходимым следствием. Всесторонне обосновывая это положение в ходе полемики с анархистами, Маркс и Энгельс подчеркивали, что цель борьбы рабочего класса не может быть осуществлена без создания государственной системы господства рабочего класса и проведения ею «авторитарных» мероприятий.

Контрреволюционный мятеж версальцев, кровавая «майская неделя» подтверждали мысли Маркса и Энгельса, что пролетариату недостаточно сломать старую государственную машину, что он должен создать свою государ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 546—547.

² Там же, стр. 346.

В одном из своих последних произведений, написанных через 20 лет после «Гражданской войны», Энгельс писал: «Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 201). Эта оценка Коммуны является водоразделом марксистской и буржуазной историографии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 9.

ственную организацию, которая защитила бы его завоевания, была бы способна подавить контрреволюцию мерами достаточно «авторитетными». Трагический финал Коммуны дал рабочему классу наглядный урок того, что слабость, нерешительность созданных им органов власти в подавлении контрреволюции ведет к тяжелому поражению, к ужасам белого террора. Насилие над свергнутыми классами выступает как гуманный акт по отношению к огромному трудящемуся большинству нации. Анализируя в этом плане мероприятия Коммуны, критикуя ее непоследовательность, ее чрезмерную щепетильность, Маркс показал, как далеки и по своей сути, и по форме революционные насильственные меры рабочего правительства от контрреволюционного террора. Маркс подчеркнул, что пролетарская революция и возникшая в ее ходе Коммуна были свободны от актов насилия, «подобных тем, которыми избивают революции и особенно контрреволюции «высших классов»...»¹

Критикуя иллюзию о «свободном народном государстве», Энгельс указывал в 1875 г. в упомянутом письме А. Бебелю: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников...»²

Однако необходимость подавления сопротивления свергнутых классов, борьбы с «мятежом контрреволюционеров», потребность в отражении внешней опасности является важной, но не главной причиной, обуславливающей необходимость диктатуры пролетариата³.

Уже в «Манифесте Коммунистической партии», разрабатывая основы учения о диктатуре пролетариата, Маркс и Энгельс писали: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия

производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя (далее в английском издании 1888 г. Энгельс добавил: «делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй») и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»¹. Таким образом, здесь четко показано, что ликвидация старого общественного строя не является единовременным актом, что пролетариат должен использовать завоеванную им политическую власть для коренной перестройки общества, для насильственных мер по отношению к прежде господствовавшему классу. Положения о том, что революционное преобразование капиталистического способа производства займет определенный период и что политическая власть пролетариата явится в этом процессе необходимым рычагом его осуществления, развивались и конкретизировались Марксом и Энгельсом и позже, на опыте революции 1848—1849 годов. Решающую роль в научном обосновании и более полном и четком формулировании этих идей сыграла Парижская Коммуна.

Коммуна исторически подтвердила мысли Маркса и Энгельса, что преобразование общественных отношений является сложным и длительным процессом и составит определенный период развития. Пролетарская революция, установление политического господства рабочего класса не могут сразу устранить эксплуататорские классы и единовременным актом преобразовать отношения собственности. Наличие и после революции эксплуататорских классов обуславливает необходимость диктатуры пролетариата в период строительства социалистического общества. Решение задач, во-первых, ликвидации остатков эксплуататорских классов, во-вторых, преобразования мелкобуржуазной, прежде всего крестьянской, собственности происходит в обстановке классовой борьбы. Однако в условиях диктатуры пролетариата она приобретает новые формы. Маркс писал,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 333.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 5.

³ В этой связи нельзя не признать ограниченной интерпретацию Гюнтером Вагенленером мыслей Маркса, которые-де сводятся к тому, что задачи переходного периода «ограничиваются устранением буржуазно-капиталистического порядка» (*G. Wagenlehner. Staat oder Kommunismus. Lenins Entscheidung gegen die Kommunistische Gesellschaft. Stuttgart, 1970, S. 57*).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

что государство типа Коммуны «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем»¹.

Именно после Коммуны окончательно формируется и формулируется понятие переходного периода от капитализма к социализму. Уже в набросках к «Гражданской войне» Маркс зафиксировал положение, которое получило затем детальное развитие. Он писал, что создание новых форм общественного производства — процесс длительный и сложный. «...Эта работа возрождения, — писал он, — будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов»².

Социальные преобразования, которые только начала производить Коммуна, показали всю сложность самого приступа к переустройству общества и необходимость для его проведения пролетарского государства, диктатуры рабочего класса. Маркс подчеркивал, что Коммуна как прообраз диктатуры пролетариата была той политической формой, «при которой может совершиться экономическое освобождение труда», и именно для этого экономического освобождения труда и необходима эта новая политическая форма. А это должен быть достаточно длительный и сложный процесс. «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны, — писал Маркс. — Он не думает осуществлять *par décret du peuple* готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неустремимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей»³. В противовес волюнтаризму бакунистов и бланкистов, Маркс в опыте Коммуны нашел еще раз подтверждение того, что нельзя просто «декретировать» экономико-социальные преобразования общества. Эти преобразования отражают объективный ход развития, они займут целый исторический период, с ними связаны изменения как в области экономики, так и в сознании людей. Сразу же отметим, что высказанная в общей форме еще в «Немецкой

идеологии» мысль об изменении в ходе социалистической революции самих людей — ее творцов, после Коммуны привлекает все большее внимание Маркса и Энгельса, вливаясь в общее положение о роли субъективного фактора, роли сознательной деятельности по созданию нового общества.

Определенным связующим звеном между «Гражданской войной во Франции» и «Критикой Готской программы», показывающим, как развивались мысли Маркса и Энгельса о необходимости диктатуры пролетариата, является конспект Маркса книги Бакунина «Государственность и анархия». В ответ на риторический вопрос Бакунина о том, что значит пролетариат, «возведенный на степень господствующего класса», Маркс замечает: «Это значит, пока существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, пока пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия*, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»¹.

Далее Маркс вновь возвращается к этой мысли. Он пишет: «...ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы, более или менее соответствующие ему, — в этот период борьбы он не достиг еще своей окончательной организации и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут...»².

Здесь мы уже видим гораздо более ясное определение задач диктатуры пролетариата в течение переходного периода от капитализма к социализму.

Как известно, классическая формулировка этих задач дана Марксом в знаменитой «Критике Готской программы». «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 553.

² Там же, стр. 553—554.

³ Там же, стр. 347.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 611.

² Там же, стр. 618.

этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*¹.

Важнейший аспект одной из коренных проблем теории научного коммунизма, который был развит и уточнен Марксом и Энгельсом в связи с анализом Коммуны, касался исторического места диктатуры пролетариата в процессе эволюции государства. Как уже отмечалось, Маркс и Энгельс всегда подчеркивали, что диктатура рабочего класса по существу уже не является государством «в собственном смысле слова»². Раскрывая Коммуну как государственную форму, созданную победившим пролетариатом, доказывая *необходимость государства* диктатуры пролетариата, Маркс и Энгельс в то же время указывали, что установление этой государственной формы представляет собой начало естественноисторического процесса отмирания государства. В набросках «Гражданской войны во Франции» Маркс на основе анализа сущности мероприятий Коммуны, а также истории развития государственной власти и диалектики этого развития, делает чрезвычайно важные обобщения. Он пишет, что Коммуна «была революцией против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью»³. И далее: «Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабащивающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам... это политическая форма их социального освобождения, занявшая место искуственной силы общества...»⁴.

Мысль о том, что диктатура пролетариата является этапом в естественноисторическом процессе отмирания государства, не раз высказывалась Марксом и Энгельсом и в других произведениях. Так, в 1872 г. в «Мнимых расколах в Интернационале», полемизируя с бакунистами, Маркс и Энгельс писали, что «после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государ-

ственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции»¹.

В известной работе «Об авторитете» Энгельс, выступая против анархистов, указывал: «Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться... Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами»².

Отметим, что в этой работе очень четко выражена мысль о том, что необходимость исполнения в будущем обществе административно-хозяйственных функций обуславливается характером самого растущего общественного производства, его потребностями. При этом Энгельс подчеркивает коренное изменение этих общественных функций в будущем обществе (речь тут идет не о переходном периоде, а о сформировавшемся новом коммунистическом обществе) — функции эти не будут уже государственными.

В «Анти-Дюринге», подводя во многом итог размышлениям о государстве, Энгельс отмечал: «Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает... Государство не «отменяется», оно *отмирает*»³.

Из приведенных выше высказываний Маркса и Энгельса ясно, что, собственно, они имели в виду, когда писали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

² «Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова», — писал Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 5).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 546.

⁴ Там же, стр. 548.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 45.

² Там же, стр. 304—305.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 292.

о Коммуне как государстве «не в собственном смысле слова». В отличие от всех предшествовавших государственных форм, в том числе всех форм классового господства буржуазии, Коммуна явилась первым в истории государством, защищавшим интересы не меньшинства, а большинства нации, государством, с эволюцией которого на основе развития определяющего его общественного строя, функции подавления, чисто насильственные функции постепенно должны исчезнуть. Качественно новая подлинно демократическая сущность государства диктатуры пролетариата, достаточно явственно проявившаяся уже в Парижской Коммуне, определяет основу процесса отмирания насильственно-угнетательских функций государства, которые до этого времени всегда составляли его главную черту. В то же время, все большее значение приобретает другая сторона государства — руководящая хозяйственная деятельность. Неудивительно поэтому, что после Коммуны Маркс и Энгельс все больше внимания уделяют именно этой стороне государства как выразителя общих интересов данного конкретного общества — его определенным общественным функциям.

Касаясь судеб диктатуры пролетариата, Маркс и Энгельс показали, что, выступая как орудие создания бесклассового общества, государство диктатуры пролетариата само претерпевает изменения и создает условия своего собственного отмирания. В то же время они не раз подчеркивали, что это процесс сложный и длительный, что общество должно созреть для самоуправления. Отмирание государства вовсе не означает наступление царства анархии. Исследуя хозяйственно-экономические функции государства, Маркс и Энгельс видели их возрастающее значение. Эта потребность управления производством, координации и планирования не отмирает; с развитием общества, изменением его социальной структуры, ростом коммунистической сознательности масс меняется лишь характер и форма выполнения этих функций. Именно поэтому Маркс писал, что «когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...»¹, а Энгельс указывал, что в будущем коммунистическом обществе «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»². Коммунизм

в их представлении будет высоко организованным обществом, где все усложняющееся управление производством приобретает общественный характер. Маркс и Энгельс не касались деталей этого общего процесса развития, выявленного ими на основе глубокого изучения действительности. Пытались в деталях определить конкретные формы этого развития они считали в современных им условиях утопией. Поэтому в «Критике Готской программы» Маркс, рассматривая судьбы государства и процесс его отмирания, ограничился общей формулой о будущей государственности коммунистического общества¹.

Мысли Маркса и Энгельса об отмирании государства, о диалектическом характере этого процесса получили дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина.

В политической структуре и самой деятельности Коммуны Маркс и Энгельс сумели выделить те черты и формы, которые характерны именно для государства нового типа, для диктатуры пролетариата. Они прекрасно видели, что эти формы носили зародышевый характер, представляли собой не столько сложившиеся образцы, сколько предвосхищали тенденции развития, зачастую достаточно четкие и определенные. Характерные черты пролетарского государства выявлялись Марксом и Энгельсом как на основе конкретного материала, так и путем логических предвидений, исходя из опыта Коммуны как складывающегося государства нового типа.

В отличие от анархистов, увидевших в Коммуне лишь одну сторону, разрушение старой государственной машины, и истолковавших это как подтверждение своих идей отрицания государства вообще, Маркс и Энгельс акцентировали в деятельности Коммуны именно создание принципиально новой государственности.

Коммуна показала, отмечали Маркс и Энгельс, что пролетариат, устанавливая свою диктатуру, осуществляет подлинную демократизацию государственной власти. Характер выборов Коммуны, ее состав и мероприятия свидетельствовали, что впервые в истории было создано государство, отвечающее интересам и защищающее интересы широких трудящихся масс.

Исследуя природу Коммуны как пролетарского государства, Маркс вместе с тем подверг острой критике бур-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19, стр. 27.

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 616.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, стр. 292.

жуазный парламентаризм, показал ложнодемократический характер его институтов, его неспособность выражать нужды и чаяния всего народа, неприемлемость как государственной формы пролетарской власти. Он противопоставлял Коммуну буржуазному парламентскому государству, в котором парламенту отведена роль пустой говорильни при практически бесконтрольном всеилии исполнительной власти, подчиненной на деле богатой эксплуататорской верхушке общества. Коммуна была, подчеркивал Маркс, «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»¹. Только организация типа Коммуны, сочетающая законодательную и исполнительную власть, ответственная во всем перед избирателями, может обеспечить решение грандиозных революционных задач по переустройству общества. Резюмируя мысли Маркса, В. И. Ленин писал: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»².

Коммуна дала Марксу возможность конкретно раскрыть не только в общетеоретическом плане демократическую сущность диктатуры пролетариата, она дала живой конкретный материал, позволивший показать, как это проявляется в жизни, в новых государственных формах. Маркс подчеркивал, что Коммуна представляла по своему составу широкие слои трудящихся, была плотью от плоти трудового Парижа. Ее органы состояли «из рабочих или признанных представителей рабочего класса»³. Введение оплаты должностных лиц, не превышавшей оплату рабочих, их действительная ответственность перед избирателями устраняли возможность создания обособленной чиновничьей касты, создавали новые условия функционирования государственного аппарата. Органы Коммуны — коммиссии, вооруженные силы народной милиции, суды опирались в своей деятельности на самые широкие массы, и без их поддержки, без их вовлечения в решение всех, и

крупных, и мелких вопросов они были бы бессильны. Таким образом, те самые массы, которые при буржуазном государстве в любых его формах старательно отстранялись от управления, теперь имели правительство и систему правительственных учреждений, которые действовали в интересах и при посредстве этих масс. Коммуна не только по букве закона, но и на практике сделала народ, прежде всего рабочий класс, хозяином своей собственной судьбы, субъектом суверенной власти.

Маркс показал также, что эти новые учреждения были созданы в результате революционной инициативы масс, являлись результатом их творческой активности, направленной на решение проблем, поставленных самой жизнью. И хотя сами коммунары нередко пытались обосновать свои действия ссылками на старые законы и традиции, на деле новая власть и ее учреждения, ломая эти законы и традиции, опирались на авторитет и силу революционного народа.

Все эти положения были развиты Марксом на основе детальнейшего анализа деятельности Коммуны, причем он блестяще использовал метод противопоставления этой народной власти эксплуататорской сущности буржуазного государства.

Конкретное и наглядное сравнение деятельности Коммуны с деятельностью бонапартистского правительства и правительства «национальной обороны» позволило показать, что установление классового господства пролетариата отвечает национальным интересам Франции. Маркс писал о революции 18 марта, что «это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса...»¹ И далее: «Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда»².

Маркс показал, как бонапартистское правительство, а затем правительство Тьера предали национальные интересы, привели Францию к глубочайшему кризису. Рево-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 347—348; см. также стр. 559, где Маркс пишет, что «средний класс» увидел, что «единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!».

² Там же, стр. 348.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 342.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 47—48.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 342.

люция 18 марта была попыткой найти выход из этого кризиса. Впервые пролетариат не только почувствовал ответственность за судьбы нации, но и взял на себя эту ответственность. Характеризуя сложившуюся обстановку, реальное соотношение и позиции классов, Маркс писал: «Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены»¹. Сложившаяся ситуация убедительно и ярко продемонстрировала совпадение классовых интересов пролетариата с общенациональными задачами. Это диалектическое единство классовых и общенациональных задач выявляется Марксом как одна из важнейших характерных черт Коммуны.

Таким образом, Маркс подчеркивал, что создание правительства рабочего класса является условием спасения нации и, с другой стороны, что подлинно национальным может быть лишь правительство, которое «будет работать для освобождения рабочего класса...»². Это положение, возникшее на основе анализа конкретной ситуации, имеет общее значение и является определенным новым вкладом в развитие учения о гегемонии пролетариата. Роль пролетариата как представителя интересов страны в целом в условиях революционного кризиса становится затем характерной чертой его классового господства, его государства. Маркс отмечал, что в период Коммуны рабочие Парижа впервые посягнули на привилегию управления, управления страной в своих собственных интересах и в интересах нации в целом. Раскрытие классового характера Коммуны, сущности диктатуры пролетариата тесно переплеталось с пониманием роли пролетариата как гегемона революции. Эта идея была высказана Марксом и Энгельсом раньше в качестве вывода из анализа положения и роли рабочего класса в капиталистическом обществе, его места в революционном процессе. Парижская Коммуна на практике подтвердила правильность положения о руководящей роли рабочего класса в революции, которое из научно обос-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 321—322.

² Там же, стр. 563.

нованной гипотезы стало теорией, проверенной опытом классовой борьбы в Париже.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс подчеркнул еще один чрезвычайно важный момент, нашедший свое дальнейшее развитие позже, уже после Октябрьской революции в России, на основе опыта Советской власти,— интернациональный, международный характер Коммуны. Возникнув в исторически определенных условиях Франции, решая конкретные задачи и организовавшись лишь в масштабах Парижа, Коммуна имела в то же время интернациональный характер, поскольку приступила к великому делу освобождения труда, начала решать всемирно-историческую задачу. Тем самым Коммуна действовала «в своих собственных интересах и в интересах человечества»¹.

Конкретный анализ деятельности Коммуны позволил Марксу сделать вывод, что, «если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова»². Впервые в истории подлинно национальное правительство, решая свои национальные проблемы, решает и интернациональную задачу, выступает как представитель всего международного пролетариата.

Рассматривая Коммуну как прообраз диктатуры пролетариата, Маркс и Энгельс подчеркивали, что пролетарская государственная организация должна быть создана в национальных масштабах, должна сочетать в себе черты централизма и местной автономии.

Соотношение централизма и федерализма было одной из актуальных проблем первых двух третей XIX века. Федералистские идеи получили широкое распространение после французской революции конца XVIII в., в особенности в связи с проблемами объединения Германии и Италии — самыми жгучими проблемами, более чем полвека волновавшими умы. При этом федералистские идеи носили самый разнообразный характер, отражая различные социальные и идеологические факторы, которые их породили.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 554.

² Там же, стр. 350; см. также стр. 550.

Были и реакционно окрашенные федералистские идеи, возникшие как реакция на якобинскую диктатуру. Однако в основном эти идеи были присущи большинству мелкобуржуазных революционеров. Возникли они и как довольно естественная реакция на централизаторскую политику Первой и Второй империй, как протест мелкого буржуа против все усиливающейся центростремительной силы капиталистического развития. Для многих мелкобуржуазных идеологов федеративное устройство было адекватно демократии, поскольку наиболее полным образом могло бы, по их мысли, обеспечить свободу личности, ее независимость. Отношение Маркса и Энгельса ко всем этим, кроме всего прочего утопическим, теориям, их позиция, особенно в связи с объединением Германии, хорошо известны.

Вопрос о сочетании местного самоуправления с известной централизацией возник и в связи с деятельностью Коммуны.

Известно, что большинство современников трактовало Коммуну как чисто федералистское восстание; бакунисты, в частности, считали Коммуну прежде всего воплощением и подтверждением их концепции крайнего федерализма¹. Нельзя сказать, что такая оценка Коммуны совсем лишена оснований. Однако в ней очень ясно выступает поверхностность суждений, попытка подогнать новые явления, тенденции развития под старые, хорошо известные шаблоны и мерки. Лишь Марксу удалось в значительной мере по-новому раскрыть сущность Коммуны и в этом плане. Уже в набросках «Гражданской войны» он подчеркивал, что Коммуна — это не самоуправление на английский, т. е. на *буржуазный* лад. «Это не самоуправление городов,— писал он,— в которых хозяйничают чревоугодники-олигархи, стяжатели из числа членов приходских собраний и свирепые попечители работных домов. Это не самоуправление графств, в которых хозяйничают пустоголовые владельцы крупных поместий и толстых кошельков. Это не судебная мерзость «великих неоплачиваемых». Это не политическое самоуправление страны при помощи олигархического клуба и чтения газеты «Times». Это народ, дей-

ствующий сам и для самого себя»¹. В этом рассуждении ярко обнаруживается сущность марксова подхода к анализу общественных явлений — выявление их классовой природы. В самой «Гражданской войне во Франции» Маркс подчеркивал, что «антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации»². Маркс не отрицает, что Коммуна была отрицанием старой *чрезмерной* бюрократической централизации. И в этом смысле, раскрывая классовую природу Коммуны, он показывал, что это был первый шаг на пути отмирания государства вообще. Четкий классовый анализ и выявление закономерности развития (и отмирания) государства позволили Марксу вскрыть и содержание, и форму нового явления. Он писал, что Коммуна сделала попытку «заменить эту единую Францию, существующую вне французского общества, политическим объединением самого французского общества при помощи коммунальной организации»³. Иначе говоря, классовое господство пролетариата создает единство нации на принципиально новой основе. Государство диктатуры пролетариата представляет собой тот новый тип централизации, который основан на местном самоуправлении, на активной деятельности самих масс. В тексте «Гражданской войны» эта мысль выражена совершенно ясно: «Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей»⁴.

Анализируя опыт Коммуны с точки зрения того, какова возможная организация будущего общества диктатуры пролетариата, Маркс показал, что это не простое отрицание старой централизации. «Парижская Коммуна,— писал он,— разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 525.

² Там же, стр. 344.

³ Там же, стр. 567.

⁴ Там же, стр. 344.

¹ Характерно, что один из лидеров анархизма Гильом пытался доказать, что в «Гражданской войне во Франции» Маркс делает уступку федерализму (*J. Guillaume. Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878). T. II, Paris, 1907, p. 192.*)

уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции»¹.

Коммуна не успела разработать плана «национальной организации», она выявила только то, что нечто подобное ей должно стать «политической формой даже самой маленькой деревни...»². Однако опыт парижан вовсе не отрицал необходимости централизации, национального единства. Коммуна начала лишь нащупывать формы, обеспечивающие сочетание максимума местной инициативы с известной централизацией. Она наметила путь к демократической организации единства нации, отвечающей потребностям развития современного общественного производства и выполнения общественных функций демократическим путем, в интересах всего народа. Лишь последующий исторический опыт позволил марксистской мысли более детально и конкретно разрешить эту проблему.

При этом следует заметить, что исходными посылками для выводов Маркса в этом вопросе был не только опыт Коммуны, но и результаты его экономических исследований и прежде всего понимание необходимости планового производства в будущем обществе. Маркс связывал известную централизацию с потребностями экономического развития, с большой хозяйственной деятельностью пролетарского государства, которое призвано добиться «гармоничной национальной и международной координации общественных форм производства»³. Эта необходимость централизации с точки зрения интересов развития экономики нашла яркое обоснование и в статье Энгельса «Об авторитете».

В связи с проблемами организации будущего пролетарского государства в общенациональном масштабе Маркс высказал чрезвычайно интересную и весьма актуальную в наши дни мысль. Он писал, что «единство... у крупных наций... стало теперь могущественным фактором общественного производства», хотя оно было создано «первоначально политическим насилием»⁴. Интересно, что сходные мысли, хотя и не в такой ясной форме, присутствуют и в заметках Энгельса по истории Германии⁵.

Помимо рельефно выступающего здесь и впоследствии всесторонне развитого положения об обратном влиянии вторичных, надстроечных факторов на экономику, следует отметить ту важную роль, которую Маркс отводил национальному единству как мощному фактору развития общенационального производства. Этот фактор, подчеркивает он, сохранит свое значение в будущем обществе. Более того, его значение должно возрасти, поскольку крупное машинное производство после пролетарской революции будет все больше развиваться.

Многие из гениальных обобщений Маркса, сделанных на основе опыта Коммуны, приобрели особое значение и начинали звучать по-новому в ходе развития классовой борьбы, дальнейшего накопления опыта пролетарского движения. Известно, какое значение имели работы Маркса и Энгельса, синтезировавшие опыт Коммуны, для развития теории государства и революции В. И. Лениным. Его анализ работ Маркса и Энгельса применительно к другим историческим условиям по-новому раскрыл огромное идейное богатство таких произведений, как «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы», «К жилищному вопросу» и т. д.

Глубина марксового видения событий позволяет отметить ряд моментов, которые содержат в себе, как бы в зародыше, важные положения, полностью осознанные последующими марксистами, в основном в результате опыта революции в России 1905—1907 годов и 1917 года. Так, анализируя деятельность ЦК национальной гвардии как временного революционного правительства¹ и Коммуны, Маркс показал, что обе эти формы власти, по сути дела, были выражением диктатуры пролетариата, государства нового типа. Таким образом, по существу, здесь констатируется возможность различных форм диктатуры пролетариата. Эти формы, как то явствует из марксового анализа, создаются самими массами в ходе их борьбы, обусловлены потребностями этой борьбы, с одной стороны, и определенными историческими традициями, специфической обстановки — с другой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 343.

² Там же.

³ Там же, стр. 553.

⁴ Там же, стр. 344.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 574.

¹ «Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный Комитет», — писал Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 333). Такие же оценки ЦК давал Энгельс в выступлениях на Генеральном Совете.

Отметим еще один факт. ЦК национальной гвардии был создан до революции 18 марта в процессе развития революционной ситуации как орган отпора контрреволюционному заговору правящих классов и их стовору с внешним врагом, а после революции ЦК взял на себя функции временного правительства. Таким образом констатировалось, что новые органы власти создаются самими массами еще до революции, в обстановке революционного кризиса. И Маркс и Энгельс считали, что в сложившейся обстановке ЦК должен был дальше сохранять за собой правительственные функции, что выборы в Коммуны были преждевременны.

Раскрывая особенности нового, высшего исторического типа государства, прообразом которого была Коммуна, Маркс убедительно показал, что оно может функционировать лишь в результате *сознательной* деятельности масс. Одной и при этом самой слабой стороной Коммуны и причиной ее гибели было то, что она творила в силу *стихийно* пробудившейся творческой активности масс. Ее вожди — в основном бланкисты и прудонисты, — хотя и преодолели в годы Интернационала многие свои ошибочные воззрения, в целом не были вооружены подлинно научной теорией, пониманием коренных задач движения и средств их осуществления. Энгельс отмечал впоследствии, что «поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов»¹. Вынужденная решать конкретные, выдвинутые жизнью вопросы, Коммуна действовала вопреки теориям своих руководителей². Коммуна не только подтвердила правоту и жизненность самой научной теории, но и необходимость сознательной деятельности. Ошибки Коммуны, сама ее история убедительно свидетельствовали против анархистского и реформистского преклонения перед стихийностью, упования исключительно на революционный инстинкт масс. Для утверждения власти пролетариата, для проведения громадной положительной работы по переустройству общества одного революционного энтузиазма было недостаточно, стало необходимым, чтобы массами

«руководило знание». Коммуна много дала Марксу и Энгельсу для подтверждения их мыслей о повышении роли сознания в процессе социалистической революции и строительства коммунистического общества, о роли партии в этом процессе. Отсюда ясно, какое значение приобретала необходимость углубленной теоретической работы, создание политической партии рабочего класса, вооруженной научной теорией. Без этого невозможна сколько-нибудь прочная победа социальной революции пролетариата над силами старого эксплуататорского мира. Это был первый и самый важный *практический* урок Коммуны. Борьба за создание таких партий после героической попытки парижских рабочих «штурмовать небо» стала в повестку дня как наиболее важная и актуальная задача международного рабочего движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 197.

² «К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность», — писал Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 261).

РАЗВИТИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ
О ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Опыт Парижской Коммуны, как первой попытки осуществления пролетарской революции, имел первостепенное значение для углубления и конкретизации взглядов основоположников марксизма на сущность, функции, идейные и организационные основы пролетарской партии, на ее роль в радикальном преобразовании общества на социалистических началах.

Этот опыт сыграл исключительную роль в развитии Марксом и Энгельсом теории социалистической революции в целом. Он позволил окончательно выявить и четко охарактеризовать особые черты пролетарской революции, революции типа Коммуны, коренным образом отличающие ее от всех предшествующих революций. Начиная от «Гражданской войны во Франции» и вплоть до последнего печатного выступления Энгельса — «Введения к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»» основоположники марксизма много раз отмечали эти особенности, ссылаясь на опыт Коммуны. В первую очередь они подчеркивали следующее: пролетарская революция совершается в интересах большинства, в интересах трудящихся и эксплуатируемых масс. И ее успешное осуществление возможно лишь при самом широком участии этих масс, участии, которое не ограничивается борьбой за свержение капитализма и захват власти, но обязательно предполагает активную роль масс в проведении последующих глубоких социальных преобразований, в строительстве нового общества. Характеризуя роль масс в предшествующих, буржуазных революциях, Энгельс писал: «Если большинство и принимало в них участие, оно действовало — сознательно или бессознательно — лишь в интересах меньшинства; но именно это или даже просто пас-

сивное поведение большинства, отсутствие сопротивления с его стороны создавало видимость, будто это меньшинство является представителем всего народа»¹. Коммуна наглядно показала, что пролетарская революция может победить лишь в том случае, если массы будут не только активно выступать в качестве решающей силы в период революционных боев, но сознательно действовать в подлинно своих, классовых интересах. В этом плане пролетарская революция и будет действительной, настоящей «революцией большинства».

Анализ уроков Коммуны привел Маркса и Энгельса еще к одному глубокому теоретическому выводу, особенно важному для развития учения о партии, учения о соотношении объективного и субъективного факторов в пролетарской революции. Вывод этот заключался в выяснении исключительной, причем возрастающей, роли сознания, сознательной деятельности масс в радикальном преобразовании общества на социалистических началах в период непосредственной борьбы за власть, в переходный период, в период строительства нового общественного строя.

Таким образом, на примере Коммуны стала особенно ясной роль субъективного фактора для победы пролетарской революции. И в первую очередь, следовательно, роль пролетарской партии как орудия, инструмента революции, как силы, организующей и обеспечивающей подготовку масс к революции и ее успешное осуществление.

Анализ ошибок и причин крушения Коммуны подтверждал необходимость вооруженной научной теорией пролетарской партии как одного из важнейших условий победоносной революции пролетариата. При этом значение партии определялось теперь — и для этого вывода опыт Коммуны был особенно важен — ее ролью как организатора победы революции, в завоевании политической власти пролетариатом и ее деятельностью после этой победы, как организатора политических и социально-экономических мероприятий, закрепляющих победу и обеспечивающих проведение коренных общественных преобразований. В этом отношении опыт Коммуны был совершенно исключительным, не имевшим прецедента в истории прошлых революций.

И этот сравнительно небольшой опыт давал обильную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 534.

пищу для размышлений и выводов по поводу роли и места пролетарской партийной организации и значения ее марксистской программы при осуществлении во всех сферах общественной жизни таких мер, которые не только отвечали бы насущным требованиям народных масс, не только обеспечивали бы сохранение власти в руках трудящихся, но и были бы направлены на ликвидацию экономических устоев капитализма, на уничтожение частной собственности на основные средства производства, на создание новых общественных отношений. Таким образом, необходимость пролетарской партии диктовалась, как это следовало из опыта Коммуны, и задачами, встающими перед пролетариатом после завоевания им политической власти.

Изучение и анализ этого опыта позволили Марксу и Энгельсу углубить и расширить свое понимание особенностей и характерных черт пролетарской партии, ее роли и места в освободительной борьбе пролетариата.

До Коммуны Маркс и Энгельс, говоря о необходимости партии, рассматривали ее в первую очередь как организацию, призванную освободить рабочий класс от влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий, разъяснить ему его положение в обществе, его классовые цели, объединить передовых рабочих на основе теоретического понимания условий их освобождения. Основоположники марксизма постоянно подчеркивали классовый характер пролетарской партии, необходимость ее полной политической и организационной самостоятельности. Доказывая в ожесточенной борьбе с бакунизмом важность и абсолютную неизбежность участия пролетариата в политической деятельности, они, естественно, выдвигали на первый план значение партии с этой точки зрения. Наиболее ясно эта мысль была высказана Энгельсом всего за месяц до Коммуны в письме Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих 13 февраля 1871 года. «Опыт показал повсюду, — писал Энгельс, — что лучшим средством освободить рабочих от... господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как должна выражать условия освобождения рабочего класса»¹.

Маркс и Энгельс отмечали также и роль пролетарской

партии в политическом и социальном освобождении рабочего класса, в его подготовке к революционному свержению капитализма. Но до Коммуны пока не имелось никакого конкретного опыта такого переворота, об этой роли можно было говорить лишь в самой общей форме.

Коммуна поставила вопрос конкретно. Теперь нельзя было ограничиваться прежним тезисом о классовом характере партии. Вопрос следовало поставить шире: надо было раскрыть роль партии в пролетарской революции. Уже через несколько месяцев после Коммуны, выступая на Лондонской конференции по вопросу о политическом действии рабочего класса, Энгельс заявил об этом полным голосом. Он энергично обрушился на приверженцев Бакунина, продолжавших доказывать ненужность и «вредность» политической деятельности для рабочего класса. Указав, что «рабочая партия, как политическая партия, уже существует», Энгельс продолжал: «Революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства..., которые готовят революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурочены...»¹. Эту же мысль тогда повторил и Маркс в речи, посвященной семилетию Интернационала, 25 сентября 1871 г.: для устранения частной собственности на средства труда «необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата»². Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала (иными словами, пролетарской партии. — *Б. Т.*) — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы»³. Мысль о том, что политическая партия является организатором и авангардом революции, была четко выражена в решении Лондонской конференции и годом позже была включена Гаагским конгрессом Интернационала в его Устав. «Против объединенной власти имущих классов, — говорилось в этом документе, — рабочий класс может действовать как класс,

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 421.

² Нынешние китайские руководители неоднократно пытались использовать это место для обоснования идеи о главенствующей роли армии, а не партии в процессе революции. Не говоря уже о том, что это противоречит всему учению марксизма, ясно, что и в данном случае речь идет о пролетарской партии.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 438.

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 291.

только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами». И далее: «Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов»¹.

Какой же должна быть партия, чтобы стать способной к выполнению этих задач? И в какой степени опыт Коммуны отразился на разработке Марксом и Энгельсом учения о партии? Что нового дала Коммуна для понимания не только ее роли и значения, ее места в освободительной борьбе, но и ее идейных и организационных принципов, ее тактики и политической линии? Маркс и Энгельс в первую очередь подчеркивали значение идейного единства партии на основе научной теории. «Коммуна истощалась в бесплодной борьбе двух партий...»², из которых ни та, ни другая не знали, что надо было делать, писал Энгельс спустя почти четверть века после Коммуны. Ранее, до Коммуны, достижение идейного единства было, по существу, невозможно, или, во всяком случае, было сопряжено с огромными трудностями. Ведь та общая идейная база, на которой был всего несколькими годами ранее создан Интернационал, была очень широка. «Программа Интернационала, — писал Энгельс в 1888 г., — должна была быть достаточно широка для того, чтобы оказаться приемлемой и для английских тред-юнионов и для последователей Прудона во Франции, Бельгии, Италии и Испании, и для ласальянцев в Германии»³. От такой общей программы до подлинного идейного единства была еще довольно большая дистанция, тем более, что каждое из упомянутых направлений понимало содержание Учредительного манифеста по своему. Понадобились годы и годы напряженной борьбы, терпеливых разъяснений, ожесточенных дискуссий, понадобилась трагедия Коммуны, чтобы стало возможным принятие программы, которая являлась бы научным выражением цели и условий освободительной борьбы рабочего класса. Коммуна показала не только то, что идейное единство необходимо, она показала также, что установление его уже назрело.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 427; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 537.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 365.

Коммуна способствовала серьезным сдвигам в сознании активных участников освободительной борьбы, послужила для многих из них толчком к тому, чтобы усомниться в прудонистских и бланкистских догмах, ускорила их переход на позиции научного социализма. С другой стороны, Коммуна ускорила и процесс идейного размежевания пролетарского социализма с различными течениями мелкобуржуазного социализма. Это размежевание явилось неизбежным результатом развития международного рабочего движения и подъема его на новую ступень; в то же время оно служило обязательной предпосылкой установления идейного единства на основе научного социализма. А это предполагало признание не только необходимости обобщения средств производства и социалистических преобразований, но и необходимости ликвидации старого буржуазного государства, завоевания пролетариатом политической власти, т. е. установления революционной диктатуры пролетариата, как особой формы государства, выражающей интересы большинства народа.

То том, какое важное значение придавали Маркс и Энгельс идейному единству пролетарского движения, говорит выдвинутое Энгельсом вскоре после Коммуны знаменитое положение о трех формах классовой борьбы пролетариата. Силу немецкого рабочего класса и одну из причин того, почему центр рабочего движения после поражения коммунаров переместился в Германию, Энгельс видел прежде всего в том, что в Германии «впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом»¹. Подчеркивая, что Коммуна дала освободительной борьбе международного пролетариата «колоссальный толчок», Энгельс указывал в то же время на ее теоретическую слабость, на «смуту и шатания», вызванные влиянием прудонизма во французском рабочем движении, деятели которого к тому времени еще почти не были знакомы с научным социализмом. Это показывает, что опыт Коммуны и здесь играл первостепенную роль в развитии мысли основоположников марксизма.

Отводя столь важное место теоретической, идейной борьбе рабочего класса, Маркс и Энгельс указывали, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 499.

пролетарские партии должны иметь свою, четкую и определенную программу, отвечающую их подлинным классовым интересам и раскрывающую цели, перспективы и средства окончательного освобождения рабочего класса. Коммуна и другие события и процессы, происходившие в рабочем движении, решения Гаагского конгресса и Лондонской конференции создали основу для того, чтобы вновь создающиеся пролетарские партии получили такую программу. «События и перипетии борьбы против капитала, — писал Энгельс в 1890 г., — поражения еще больше, чем победы — не могли не показать борющимся всю несостоятельность тех всеисцеляющих средств, на которые они до того времени уповали, и сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих»¹.

Не рассматривая здесь конкретно как протекал в 70—90-е годы процесс создания социалистических партий и выработки ими своих программных документов, не вдаваясь в анализ самого содержания этих документов, рассмотрим лишь развитие взглядов Маркса и Энгельса на то, какой должна быть такая программа. При этом необходимо иметь в виду следующее. У Маркса и Энгельса можно найти немало высказываний относительно партийных программ, сделанных в разное время и по разным поводам. На первый взгляд некоторые из них противоречат друг другу. Но это только на первый взгляд. Основоположники марксизма всякий раз учитывали уровень, состояние, опыт того или иного национального отряда рабочего движения и соответственно определяли свои требования к его программным документам. Одно дело — рабочее движение Германии, выросшее, как подчеркивал Энгельс «на плечах английского и французского движения», имевшее возможность «обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать»², и, самое главное, обладавшее уже таким сильнейшим оружием, как теория научного социализма. Другое дело, скажем, рабочее движение США, страны, где даже спустя полтора десятка лет после Коммуны идейно-теоретический его уровень был еще крайне низок и сознание подавляющего большинства ра-

бочего класса не вышло еще за рамки буржуазного мировоззрения. Поэтому многие высказывания Маркса и Энгельса могут быть правильно поняты только при учете той конкретной обстановки, в которой они были сделаны. И, конечно, взгляды Маркса и Энгельса на характер и задачи программных документов пролетарских партий следует рассматривать в развитии и исходя из совокупности этих высказываний. При этом их отношение к программам партий стран с наиболее развитым рабочим движением должно быть изучено в первую очередь.

Необходимость программы, как документа, определяющего цели партии, ее классовый, пролетарский характер, Маркс и Энгельс подчеркивали постоянно¹. Вскоре после Коммуны, касаясь положения в английском рабочем движении, Энгельс указывал, что лучшим путем высвобождения рабочих из-под политического влияния либералов была бы организация «новой, сильной рабочей партии с ясно выраженной программой»². Говоря о передовой роли немецкого рабочего движения после разгрома Коммуны, Энгельс прежде всего отмечал свойственную тогда немецкой социал-демократической партии ясность программных целей: «Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства»³. А в работе «К жилищному вопросу» он обращал особое внимание на классовую политику, которую ведет германская социал-демократия, видя в этом одно из важнейших ее достоинств.

¹ «Когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия», — писал Энгельс в ноябре 1882 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 35, стр. 337).

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 478. В данном случае, поскольку речь шла конкретно об Англии, где теоретический уровень движения был весьма низок и господствовала тред-юнионистская, реформистская идеология, Энгельс имел в виду, очевидно, такую программу, в которой общие цели освободительной борьбы были бы сформулированы достаточно четко, но в форме, понятной рядовым ее участникам. Для нас же здесь важно отметить принципиальную оценку основоположниками марксизма значения партийной программы.

³ Там же, стр. 515.

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22, стр. 61.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 499.

Маркс и Энгельс потому и подвергли проект Готской программы 1875 г. такой суровой критике, что увидели в нем отступление от этих уже завоеванных и закрепленных в программе эйзенахской партии принципов¹. Не вдаваясь в существо этой критики, а также в анализ знаменитой марксовой работы, отметим лишь выдвинутые здесь основоположниками марксизма принципиальные положения о значении программ пролетарских партий. Возмущение Маркса и Энгельса вызвало не несовершенство проекта, а то, что допущенные в нем принципиальные теоретические ошибки были результатом уступок лассальянству, мелкобуржуазному в своей сути социалистическому направлению, отражавшему вчерашний день в развитии рабочего движения Германии. Эти уступки вели к отступлению от уже достигнутого теоретического уровня движения, а это Маркс и Энгельс считали абсолютно недопустимым. Следовало, — писал Энгельс, — «принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее исправленное издание, приуроченное к настоящему моменту»². «Программа, — продолжал он, — ни в коем случае не должна быть шагом назад»³. Тем более это было вредно теперь, после того, как международное рабочее движение располагало опытом Коммуны и замечательным обобщением этого опыта в «Гражданской войне во Франции» Маркса.

Критикуя проект, а затем и окончательный текст программы, принятой на объединительном съезде германской социал-демократии в Готе в мае 1875 г., Маркс и Энгельс руководствовались также тем, что германское рабочее движение рассматривалось тогда другими национальными отрядами международного пролетариата как образец, и принятая новая программа, как это и произошло на самом деле, неизбежно оказалась бы известным эталоном для рабочих партий других стран, где теоретический уровень руководителей движения не позволил бы им разобратся в ее ошибках. Исходя из этого, Маркс и Энгельс первоначально намеревались публично отмежеваться от новой программы, и не сделали этого только потому, что сами рабочие, как писал Энгельс, «истолковали ее в коммуни-

стическом смысле»¹. Но это не меняло отношения основоположников марксизма к этому документу. Они считали, что включение в программу расплывчатых и противоречащих теории научного коммунизма положений может нанести ущерб развитию движения, авторитету и влиянию партии. Ибо, указывал Маркс, «составляя... принципиальные программы...», воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного движения»².

Одной из таких веж явилась программа французской Рабочей партии, в выработке которой Маркс и Энгельс принимали непосредственное участие. Факт этот широко известен: Маркс сам продиктовал в мае 1880 г. одному из основателей партии Ж. Геду вводную теоретическую часть этой программы. Опыт Коммуны нашел здесь самое непосредственное отражение. Маркс не ограничился тем, что кратко, но с исключительной четкостью сформулировал конечную цель пролетариата — обобществление средств производства — и пути ее достижения, показав, что она «может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей, — или пролетариата, — организованного в самостоятельную политическую партию»³.

После Коммуны, которая убедительно показала, что ввиду контрреволюционности буржуазии пролетарской революции придется решать не только специфически пролетарские, но и общедемократические задачи, нельзя было составлять программу партии без учета этого обстоятельства. Поэтому в ней наряду с формулировкой конечной цели были записаны первоочередные требования, осуществление которых не означало уничтожение основ капитализма, но являлось бы важнейшим шагом в этом направлении. Здесь, таким образом, было заложено различие программы-максимум и программы-минимум, которое легло в дальнейшем в основу всех программ социалистических партий.

Теперь, когда партия французского рабочего класса имела свою революционную программу, основанную на принципах научного социализма, Маркс и Энгельс категорически настаивали на необходимости удержания достигнутых рубежей. В связи с расколом Рабочей партии в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 1—32; т. 34, стр. 125, 127, 128.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 100.

³ Там же, стр. 105.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 128.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 12.

³ Там же, стр. 246.

1882 г. и образованием оппортунистической партии possibilistов, которая фактически отказалась от этой программы, заменив ее, говоря словами Энгельса, «жиденькой пиццеской похлебкой своих мотивировочных положений без программы»¹, основоположники марксизма считали, что революционные социалисты, коллективисты (так их тогда называли) должны во что бы то ни стало сохранить уже достигнутые теоретические позиции. «Быть временно в меньшинстве... — писал тогда Энгельс, — все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников»².

Для понимания взглядов основоположников марксизма на то, какой должна быть программа пролетарской партии, огромный интерес представляют замечания Энгельса на проект программы Социал-демократической партии Германии 1891 года. Спустя два десятилетия после Коммуны, когда за плечами германской социал-демократии был уже длительный и разнообразный опыт революционной борьбы, а теоретический уровень ее тоже не шел ни в какое сравнение с тем, каким он был в период готского объединения, Энгельс мог предъявить к ее программе самую строгую мерку. Это было тем более важно, что в партии имелось немало носителей оппортунистических, реформистских тенденций, которых Энгельс называл социал-демократическими филистерами.

Прежде всего Энгельс требовал, чтобы программа строилась на марксистской основе, соответствующей тому уровню, которого достигла к тому времени революционная теория, «на основе современной науки»³. Программа, подчеркивал он, в ее окончательном виде не может служить материалом для дискуссии, она должна содержать положения, доказанные наукой. «Главное — чтобы в теоретическом отношении в ней не было ничего спорного»⁴, — писал он.

Энгельс возражал, далее, против того, чтобы в целях популярности изложения снижался теоретический уровень программы. Сознание передовых рабочих, подчеркивал он, достаточно высоко, и они не нуждаются в этом. Особенно важное значение придавал Энгельс форме, в ко-

торой будет составлена программа, требуя, чтобы она была «как можно более краткой и точной... Краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями»¹.

Он решительно критиковал «декламаторские фразы», неопределенность и расплывчатость некоторых формулировок первоначального проекта, требуя «кратко и четко сформулированных научных положений»², возражая против неуместного для такого рода документов излишне подробного комментирования, ненужных длиннот и т. п.

Предъявляя столь высокие требования к программным документам социалистических партий стран, где рабочее движение обладало уже достаточным теоретическим багажом, Энгельс подходил с иной меркой к рабочим организациям тех стран, где освободительная борьба пролетариата переживала более ранний этап своего развития, как в США, или тех, где идейный уровень оставался, несмотря на большой опыт экономической борьбы, крайне низким, как в Англии.

Еще в середине 80-х годов Энгельс видел главную задачу американских социалистов прежде всего в создании массовой политической организации рабочего класса «с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса»³. Здесь Энгельс исходил из тех же соображений, которые двумя десятилетиями ранее определяли линию Маркса при составлении программных документов Интернационала. Для тогдашнего уровня классового сознания американских, а в значительной мере и английских рабочих последовательная марксистская программа оставалась еще недоступной: об этом красноречиво свидетельствовал опыт Социалистической рабочей партии США, которая, хотя и имела программу марксистского характера (Энгельс сам говорил, что она «единственная рабочая организация в Америке, стоящая, в общем, на нашей платформе»⁴), оставалась сектантской группой, объединявшей главным образом немецких эмигрантов. Такое сектантство было свойственно и английской Социал-демократической

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 337.

² Там же, стр. 338.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 229.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 204.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 229.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 153.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 352.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 528.

федерации, которая, приняв ряд марксистских программных положений, рассматривала их догматически и не сумела пайти пути к завоеванию рабочих масс. Именно поэтому, подчеркивал Энгельс, нужно сделать хотя бы «первый шаг за пределы буржуазного мировоззрения»¹, то есть выдвинуть программу, понятную и близкую самым широким массам пролетариата, а не пытаться «доктринерски и догматически»² провозглашать лозунги и требования, содержание которых при всей их правильности, не могло еще быть воспринято рабочими. А применительно к Англии Энгельс в начале 90-х годов говорил, что предпосылкой создания там массовой социалистической партии должно стать освобождение рабочих организаций «от всевозможных унаследованных предрассудков, — буржуазных, старорюнионистских и даже доктринерски-социалистических, — чтобы иметь, наконец, возможность объединиться на общей для них всех почве»³.

Суммируя сказанное выше, еще раз подчеркнем, что анализ опыта Коммуны, ее первых шагов по пути переустройства общества, подтвердили мысли Маркса и Энгельса о значении ясной и четкой программы партии. В конкретных условиях создания самостоятельных пролетарских партий ими был высказан ряд положений, имеющих общее, принципиальное значение. Прежде всего, требование того, чтобы программы пролетарских партий не были абстрактными декларациями или чисто агитационными манифестами. Эти программы должны основываться на научном анализе конкретных условий борьбы тех или иных отрядов рабочего класса в сочетании с ясным пониманием общих, интернациональных задач движения⁴. После Коммуны рабочее движение достигло того уровня, когда в программных документах было можно и должно фиксировать принципы пролетарского интернационализма, Маркс и Энгельс разъясняли, что партийные программы призваны обеспечивать не только единство действий рабочего класса, но, прежде всего, и сами действия.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 297.

² Там же, стр. 269.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 340.

⁴ Это важнейшее положение, как известно, очень ярко изложено в «Критике Готской программы», на него неоднократно обращал внимание Энгельс в письмах к Лафаргу в период создания пролетарской партии во Франции.

И положительный и отрицательный опыт Коммуны достаточно ярко свидетельствовал о значении в этом плане четко сформулированных конкретных и общих требований, могущих стать основой действий на всех этапах развития борьбы пролетариата. Программные документы являются, по мысли Маркса и Энгельса, основой для достижения идейного единства движения, но, конечно, при этом не должны были носить сектантского или догматического характера, составляться вне зависимости от реального уровня движения и реальных условий революционной борьбы.

Конечно, в глазах Маркса и Энгельса идейное единство было, хотя весьма важной, но далеко не единственной чертой тех пролетарских партий, создание которых стало вскоре после Коммуны насущной задачей рабочего движения, содержанием и в то же время условием его дальнейшего развития. Если опыт Коммуны говорил о том, что пролетарская революция может победить только как «революция большинства», если условием ее успеха является сознательное участие широких масс, творящих революцию в своих собственных интересах, то ясно, что и инструмент, орудие, посредством которого осуществляется эта революция, партия рабочего класса, не может оставаться замкнутой, небольшой, узкой группой сознательного меньшинства, ведущей за собой бессознательное большинство. Напротив. Она должна, обязана стать подлинно массовой партией, включить в себя все передовые силы рабочего класса и постоянно пополнять свои ряды за счет роста таких сил. Реальную силу партии, степень ее боеготовности, ее роль в общественной жизни Маркс и Энгельс всегда ставили в зависимость от ее связей с массами, от ее умения работать среди масс, привлекать их на свою сторону. Именно в сознательной поддержке со стороны масс Маркс и Энгельс видели залог ее успеха.

В связи со стремлением к объединению эйзенахской партии с лассальянцами, с намерением лидеров эйзенахцев увеличить партию за счет вовлечения в нее отходящих от ортодоксального лассальянства организаций и отдельных лиц, а также в связи с тем, что эта сторона деятельности становилась доминирующей, Энгельс в письме к Бебелю 20 июня 1873 г. высказал ряд очень ценных соображений. Основная мысль этого известного письма — опасность преждевременного объединения с лассальянцами. В данном случае обратим внимание на следующее.

Энгельс подчеркивал, что важным направлением деятельности партии должно быть вовлечение в движение еще не охваченных организацией пролетариев, организация партийной пропаганды среди широких масс рабочего класса. «По нашему... мнению, подтвержденному многолетним опытом,— писал он,— правильная тактика в пропаганде состоит не в том, чтобы то тут, то там сминивать у противника отдельных лиц и отдельные группы членов организации, а в том, чтобы воздействовать на широкие, еще не вовлеченные в организацию массы»¹, в том, чтобы, как он образно писал, вырывать их из «первобытного состояния».

Маркс и Энгельс потому столь высоко ценили в 70—80-е годы деятельность германской социал-демократии, что она, находясь с 1878 г. по 1890 г. фактически на нелегальном положении, сумела не только сохранить свою организацию, но и еще более увеличить влияние среди немецких пролетариев. Несмотря на суровые условия исключительного закона неуклонно росло число ее избирателей, а после его отмены постоянно расширялись ее собственные ряды. Успех партии на парламентских выборах Энгельс рассматривал как показатель ее умения вести массовую агитацию, умения найти ключ к сердцам рабочих, он считал, что эти успехи имеют ценность прежде всего не сами по себе, а как свидетельство укрепления и готовности партии к решающим боям.

То значение, которое Маркс и Энгельс придавали борьбе партии за массы, объясняет и их резко отрицательное отношение к любым проявлениям сектантства в рабочем движении.

Борьбу с сектантством Маркс и Энгельс вели на протяжении многих лет и до Коммуны. После Коммуны, когда перед рабочим движением во весь рост встала задача создания пролетарских партий на национальной основе, особую важность приобрело разъяснение борющемуся пролетариату вреда и реакционной — с точки зрения перспектив освободительной борьбы — сущности сектантства. Первостепенное значение имела борьба против бакунизма, который представлял собой наиболее яркое выражение сектантства. Идеинный разгром анархизма, а затем и организационное размежевание с ним, преодоление сек-

тантских тенденций стали необходимым условием действительного прогресса движения, условием создания жизнеспособных самостоятельных политических партий пролетариата. Такие действительно массовые, действительно, а не на словах, революционные, действительно рабочие партии могли возникнуть только в результате самых решительных действий в отношении сект, само существование которых неизбежно порождало раздоры, ослаблявшие рабочее движение. И хотя поверхностным наблюдателям, в том числе и некоторым искренним, активным участникам освободительной борьбы, могло на первый взгляд показаться, что принципиальная позиция Маркса, Энгельса и их сторонников на Гаагском конгрессе нанесла ущерб Интернационалу, дальнейший ход событий уже очень скоро показал, насколько правильны и необходимы в интересах развития пролетарского движения были эти действия.

Разъясняя эту позицию, Энгельс писал Бебелю: «А если бы мы в Гааге выступали примиренчески, если бы мы помешали расколу произойти,— каковы бы были последствия? Сектанты, а именно бакунисты, получили бы в свое распоряжение лишней год времени, чтобы совершать от имени Интернационала еще гораздо большие глупости и мерзости; рабочие самых развитых стран отвернулись бы с отвращением;... и ближайший конгресс, на котором кризис все же должен был бы разразиться, превратился бы в скандал... Вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб от «единства!»¹.

Разумеется, понадобились годы, чтобы идейная победа марксизма, научного социализма, идеи массовых классовых партий над сектантскими идеями и попытками их практического воплощения сказались в полную силу. Успех пришел не сразу. Но образование партий на подлинно пролетарской основе, на базе научного, пролетарского социализма стало возможным только в результате преодоления сектантских представлений, свойственных домарксовскому, утопическому, мелкобуржуазному социализму.

Правда, и после идейной победы марксизма и несмотря на все более очевидное банкротство его противников внутри рабочего движения сектантство стало проявляться в иной, не менее вредной форме. И основоположники марк-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 494.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 495.

сизма, оказывая постоянную и повседневную помощь в создании и укреплении пролетарских партий, всегда разъяснял вред этого нового, так сказать, «марксистского» сектантства. Сущность этого явления была теперь другой. Оно коренилось в непонимании того, что при создании пролетарских партий в той или иной стране необходимо учитывать идейный и организационный уровень, которого достигло в ней реальное рабочее движение, учитывать, в какой мере готово оно к восприятию идей научного социализма и какими путями следует идти, чтобы возможно быстрее и эффективнее добиться этого восприятия. Это сектантство было теснейшим образом связано с догматическим пониманием марксизма как суммы раз навсегда данных, неизменных положений, с неумением применять марксистское учение в различных условиях. Догматизм, как неоднократно повторял Энгельс, неизбежно вел к превращению учения Маркса в «окаменелую ортодоксию», в «окаменелую догму правоверной секты»¹ и в результате к отрыву и изоляции от реального массового движения. Сектантство такого рода, наиболее активное в 80—90-е годы в англо-саксонских странах, создавало серьезные трудности для образования там массовых политических партий рабочего класса. Энгельс, которому пришлось столкнуться с этим явлением в сравнительно широких масштабах уже после смерти Маркса, всеми силами добивался отказа от такой чуждой подлинному марксизму линии.

На примере Социалистической рабочей партии США, а также английской Социал-демократической федерации Энгельс в 80-х годах разъяснял, что отказ от сотрудничества с массовыми рабочими организациями, стоящими на позициях, далеких от марксизма, неизбежно обрекает партию — какой бы теоретически правильной не была ее программа — на отрыв от реального рабочего движения. Партии следовало бы, — писал он в декабре 1886 г., — «участвовать во всяком действительно всеобщем движении рабочего класса, принимая его фактическую точку отправления такой, какова она есть, и постепенно поднимать его на уровень теории, указывая, что каждая допущенная ошибка, каждая неудача является неизбежным следствием неправильных теоретических положений первоначальной программы»². В попытках навязать рабочим «такие ве-

щи, которых они в данный момент не могут по-настоящему понять»¹, он видел прямое проявление сектантства. Партия, проводящая такую политику, сама лишает себя возможности воздействовать на рабочую массу с недостаточным еще уровнем классового сознания и тем самым «сама для себя исключает возможность когда бы то ни было стать чем-либо иным, кроме секты»².

По существу, такая сектантская политика не помогала, а мешала освобождению рабочих от буржуазных и мелкобуржуазных идейных влияний, служила препятствием на пути к образованию массовых политических партий рабочего класса. Разумеется, выдвигая в качестве главной задачи привлечение на сторону научного социализма широких масс пролетариата, воспитание сознательных борцов против капиталистической системы, Энгельс всегда предостерегал от опасности оказаться на поводу у масс, не обладающих еще развитым классовым сознанием. Напротив. «Вся наша практическая деятельность показала, — писал он в 1887 г., — что можно идти в ногу с общим движением рабочего класса на каждой стадии этого движения, не принося в жертву и не скрывая своей собственной четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию»³. Энгельс, следовательно, не призывал небольшие партии, стоящие на платформе научного социализма, растворяться в общей массе, а настаивал лишь на том, чтобы они поддерживали, укрепляли и расширяли свои связи с пролетарскими массами, постепенно поднимая их до своего уровня. Между тем сектантские, оторванные от действительного движения партии никак не могли стать силой, способной в решающий момент повести массы на борьбу за завоевание политической власти.

Начавшийся вскоре после Коммуны процесс создания пролетарских партий побудил Маркса и Энгельса более четко, чем прежде, определить место партии среди других организаций пролетариата. Коммуна дала мощный толчок развитию рабочего движения в целом, она способствовала не только этому процессу, но и росту других массовых организаций рабочего класса, прежде всего профсоюзов. В то же время именно Коммуна ускорила отход тред-юнионистских лидеров от Интернационала, поляризацию

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 498.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 360.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 505.

сил. До Коммуны Маркс и Энгельс еще считали возможным, что образование партий может, например, в специальных условиях Англии произойти через профессиональные союзы. После Коммуны и размежевания с лидерами тред-юнионов такой путь в общем стал маловероятным. Это доказало, в частности, и развитие рабочего движения во Франции, где после колоссального удара, нанесенного разгромом Коммуны, профессиональные организации в виде так называемых синдикальных палат начали организовываться раньше, чем создались основы для возрождения социалистического движения. Но эти палаты оказались, говоря словами Энгельса, «еще бесцветнее, чем... английские тред-юнионы»¹. Профсоюзы сами по себе, отмечал он, могут ограничивать свою задачу борьбой за высокую заработную плату и сокращение рабочего дня, т. е. за такие требования, которые могут быть удовлетворены при сохранении основ капиталистической системы. В еще большей степени это относится к другим пролетарским по своему составу организациям — просветительским обществам и т. п. Более того, в условиях, когда шла борьба за завоевание масс, когда процесс создания политических пролетарских партий только еще начинался, Маркс и Энгельс подчеркивали, что речь идет не о преобразовании профессиональных союзов в политические организации, ибо теперь, после Коммуны, это было совершенно нереально, а об образовании партий, которые по своей структуре, составу, целям представляли бы собой совершенно иной тип классовой организации пролетариата. Вскоре после Гаагского конгресса, разъясняя смысл его знаменитой резолюции, Энгельс писал: «Резолюция не вменяет в обязанность тред-юнионам и другим политически нейтральным организациям заниматься политической деятельностью. Она просто требует образования в каждой стране самостоятельной партии рабочего класса, которая противостояла бы всем буржуазным партиям»².

Таким образом, высказанная в общей форме еще в «Манифесте Коммунистической партии» идея о партии как особой форме политической организации пролетариата, объединяющей наиболее сознательных его представителей, выражающей его интересы как класса в целом и ведущей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 337.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 194

борьбу за его конечные цели, эта идея получила после Коммуны, на основании ее опыта и опыта Интернационала дальнейшее развитие. Спустя десять лет после Коммуны, разъясняя английским рабочим необходимость создания своей политической партии, Энгельс говорил, что «наряду с союзами отдельных профессий или *над ними* должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого»¹. (Курсив наш.— Б. Т.)

Труднее проследить непосредственное влияние Коммуны на развитие взглядов Маркса и Энгельса на организационные принципы пролетарской партии, хотя в общем влияние это не подлежит сомнению. Наибольшее значение имел здесь опыт Интернационала, а затем первых социалистических рабочих партий. Но все развитие рабочего движения после 1871 г. до такой степени проникнуто воздействием Коммуны, что это не могло не сказаться и на этой стороне учения о партии.

Коммуна со всей очевидностью показала, что успех будущей революции в огромной мере будет зависеть от того, как будет организована партия. И отнюдь не случайно, что основные ее организационные принципы — в значительно большей степени, чем прежде — получили свое развитие именно после Коммуны. Конечно, это было связано и с тем, что именно тогда процесс образования партий впервые принял широкие масштабы, и каждый год приносил новый опыт, так или иначе влиявший на разработку принципов, которые должны были быть положены в основу организации подлинно пролетарской партии.

Основные организационные принципы пролетарской политической партии были разработаны уже в годы, предшествовавшие Коммуне. Однако только после революции 1871 г. и под воздействием ее уроков произошло закрепление некоторых важнейших из этих принципов в документах Интернационала. Уже на Лондонской конференции были приняты решения, направленные на усиление роли Генерального Совета, на ликвидацию сектантских группировок, на укрепление дисциплины в Интернационале. Усиление роли Генерального Совета и, следовательно, принципа централизации было в значительной степени результатом борьбы с попытками Бакунина и его сторон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 268.

ников разложить Интернационал изнутри. Однако необходимость осуществления этого принципа диктовалась общими задачами движения, во весь рост вставшими после Коммуны. Именно на Лондонской конференции было выдвинуто положение о праве Генерального Совета «исключать из Интернационала любую секцию на время до очередного конгресса»¹, а также разрешать конфликты, возникающие между секциями внутри каждой страны или в международном масштабе. Эту же цель преследовало и решение конференции о запрещении «всем отделениям, секциям и группам... впредь именоваться сектантскими названиями... или создавать сепаратистские организации... претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества»².

Ведя борьбу за укрепление дисциплины в Интернационале, за последовательное проведение принципа демократического централизма, Маркс и Энгельс все время подчеркивали, что этот принцип не имеет ничего общего с отношениями внутри тайных заговорщических обществ. Успехи Интернационала, говорил Энгельс в начале 1872 г., «стали возможны только благодаря той особой организационной структуре нашего Товарищества, которая предоставляет каждой национальной или местной федерации полную свободу действий, а центральным его органам предоставляет полномочия лишь в пределах, безусловно необходимых для того, чтобы позволить этим органам успешно бороться за единство программы и общие интересы...»³. В то же время основоположники научного социализма считали абсолютно недопустимым создание внутри Интернационала каких-либо автономных организаций, основанных на принципах, несовместимых с принципами Товарищества. «Интернационал, — писал Энгельс, — не может иметь секции двух категорий: одни, которые принимают общие законы, и другие, которые их отвергают»⁴.

Новым шагом в развитии организационных принципов пролетарских партий явились решения Гаагского конгресса. Исключение из Интернационала Бакунина и Гильома, подтверждение конгрессом решений Генерального Со-

вета об исключении ряда секций, действия которых противоречили программным документам Интернационала, некоторые уточнения, внесенные в положения Организационного Регламента относительно полномочий Генерального Совета, — все это свидетельствовало о том, что Конгресс одобряет организационные принципы, которые были выработаны Марксом и Энгельсом и получили дальнейшее развитие с учетом опыта Коммуны¹.

Эти принципы сводились к следующему: признание необходимости подчинения меньшинства большинству, существование центрального руководящего органа, избранного высшим форумом организации и осуществляющего — в промежутках между этими форумами — общее руководство организацией, включая вопросы исключения и приема, признание необходимости самостоятельных действий местных организаций, обусловленных особенностями их деятельности, — но при том, что их действия не противоречат программным документам и совместно принятым решениям. Критикуя бакунистское требование полной автономии секций, Энгельс писал: «Там, где существует организация, там неизбежно приходится жертвовать частью автономии во имя единства действий»².

К тому времени, когда Интернационал сошел с исторической сцены, его организационные принципы, не в последнюю очередь благодаря усвоению уроков Коммуны, в общем стали уже достоянием передовых участников движения; это, правда, в различной степени, получило отражение в процессе образования политических партий пролетариата на национальной почве.

Обеспечение победы революции, совершаемой в интересах пролетариата и широких масс трудящихся, требует от партии рабочего класса — и вся деятельность Коммуны показала это с полной очевидностью — принципиально иной по сравнению с буржуазными партиями организации, иной структуры, иных норм партийной жизни. И в последующие годы Маркс и Энгельс всемерно добивались

¹ Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1870—1871. М., 1965, стр. 363.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 423.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 67.

¹ Весьма характерно, что наиболее решительными сторонниками Маркса и Энгельса в вопросе о создании пролетарских партий были на конгрессе как раз активные участники Коммуны. (См. Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970, стр. 129—130, 132, 150—152 (подробнее см. в следующей главе).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 171.

понимания этого передовыми деятелями рабочего движения.

Исключительно велико было воздействие Коммуны на развитие стратегии и тактики освободительной борьбы рабочего класса. Опыт первой в мире пролетарской революции имел здесь поистине огромное значение. В ходе первой в мире пролетарской революции многие вопросы, на которые раньше мог быть дан лишь самый общий ответ, основанный главным образом на теоретических доказательствах, встали более выпукло и получили новое, конкретное содержание. Анализ деятельности Коммуны, причин ее возникновения и ее поражения дал Марксу и Энгельсу возможность развить и углубить важнейшее теоретическое положение о необходимости определенных объективных и субъективных условий для успешного осуществления пролетарской революции. Как уже говорилось, особое место в анализе уроков Коммуны заняли проблемы субъективного фактора. В то же время Коммуна показала, что во Франции 1871 г. не было еще и объективных условий для пролетарской революции. Показала она и то, что в развитых капиталистических странах «уже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской»¹, но время для нее еще не настало. Следовательно, стратегия рабочего движения должна исходить из неизбежности и необходимости относительно длительного исторического периода, в течение которого рабочий класс и его авангард, объединенный в партию, должны подготовить себя, чтобы во всеоружии встретить решающий момент.

Но здесь необходимо сделать известную оговорку. Для Маркса и Энгельса этот вывод отнюдь не означал признание того, что рабочий класс должен неопределенное время пребывать в состоянии терпеливого ожидания, пока не возникнут условия, дающие стопроцентную гарантию успеха революции. Такой схематический, кабинетный, антидиалектический подход был им глубоко чужд. Их уверенность в исторической неизбежности победы рабочего класса не имела ничего общего с фатализмом, они всегда готовы были встретить самые неожиданные повороты истории. Подлинными революционерами, Маркс и Энгельс учитывали возможность того, что пролетариат той или иной страны может при известных обстоятельствах оказаться перед не-

обходимостью решительного выступления, сопряженного со значительной долей риска, и, следовательно, взяв на себя историческую инициативу, ускорить события.

Известно также, что Маркс, исследуя причины возникновения Коммуны и состояние рабочего движения того времени, высказал важные мысли о том, что в определенных условиях отступление того или иного отряда пролетариата без боя может принести больший ущерб рабочему движению в целом, чем поражение этого отряда.

В чем же, однако, должна заключаться тактика пролетарских партий в период подготовки революции? Какими путями следует добиваться того, чтобы рабочий класс, широкие трудящиеся массы пришли к революции с пониманием ее целей и задач? Что нужно сделать, чтобы обеспечить их сплочение вокруг пролетарской партии? Дать ответ на все эти вопросы было невозможно без учета опыта и уроков Коммуны.

Именно этот опыт позволил Марксу и Энгельсу развить их идеи о политике пролетариата по отношению к крестьянству. Как известно, о необходимости союза с крестьянством, как одним из основных условий победы революции, Маркс и Энгельс не раз высказывались и до Коммуны. Однако тогда эта идея обосновывалась главным образом теоретическими умозаключениями. Коммуна не только подтвердила верность этих рассуждений, но и дала богатейший материал для их дальнейшего обоснования и развития. Уже в «Гражданской войне во Франции» и набросках к этой работе Маркс убедительно доказал, что Коммуна являлась подлинным выразителем интересов трудящегося крестьянства. Этим интересам в первую очередь, — отмечал он, — отвечало заявление Центрального Комитета национальной гвардии о том, что основная тяжесть выплаты военной контрибуции должна лечь на плечи виновников войны, Маркс указывал далее, что ликвидация постоянной армии освободит крестьян от рекрутского набора, этого «налога кровью»¹. Он говорил о глубокой заинтересованности — как материальной, так и моральной — французского крестьянина в ликвидации государственной машины подавления, в уничтожении паразитарной армии чиновничества². Он подчеркивал и эконо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 537.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 348—349, 554—555.

² Там же, стр. 349, 555.

номическую заинтересованность крестьянина в победе пролетарской революции: «Коммуна... является единственной властью, которая может... немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий... она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда...»¹

Из этого анализа прямо следовало, что по своему характеру Коммуна представляла такую власть, в которой французское крестьянство было кровно заинтересовано, и что объективно она могла привлечь крестьян на свою сторону. Маркс не без оснований предполагал, что если бы программа Коммуны дошла до крестьян, то их поддержка была бы обеспечена, что если бы Париж коммунаров мог свободно сообщаться с провинцией, «то через какие-нибудь три месяца» вспыхнуло бы «всеобщее крестьянское восстание»². Этого не произошло, и при тогдашнем уровне сознания крестьянской массы вряд ли могло произойти. Но, во всяком случае, опыт Коммуны учил необходимости работы среди крестьянства, он не оставлял сомнений в том, что без опоры на этот — самый многочисленный тогда — класс французского общества трудно рассчитывать на возможность победы рабочего класса. Развитие этих мыслей мы находим в известной работе Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», написанной в конце 1894 г. и основанной в первую очередь на историческом опыте Франции.

Естественным союзником пролетариата могло быть не только крестьянство. Будучи выразителем чаяний рабочего класса, Коммуна в то же время отражала и интересы широких слоев мелкой буржуазии. «Впервые в истории, — писал Маркс, — мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции и провозгласили ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции!»³ И дело не только в том, что Коммуна осуществила целый ряд мер, направленный на защиту этих слоев. В решающий момент французской истории единственной силой, способной сплотить вокруг себя все здоровые силы нации и отстаивать ее под-

линно национальные интересы, оказался рабочий класс. Коммуна окончательно утвердила Маркса и Энгельса в той мысли, что доведение до конца демократических преобразований под силу только пролетарской революции. Ибо буржуазия, перестав быть исторически прогрессивным классом, оказавшись перед лицом самостоятельно выступившего на политическую арену пролетариата, нуждается в сохранении тех элементов общественной жизни, устранения которых она сама требовала ранее. Следовательно, на долю пролетарской революции и выпадает решение не только специфически пролетарских, но и общедемократических задач. И именно это составляет объективную основу для объединения вокруг пролетариата и под его руководством не только непролетарских слоев трудящихся, но и мелкой и даже — на определенном этапе — средней буржуазии.

Этот важнейший вывод о сочетании борьбы за классовые цели пролетариата с борьбой за демократию как одним из основных условий победы революции был подкреплён опытом Коммуны. Она показала, как в реальных исторических условиях происходило переплетение и взаимопроникновение тех и других задач, она не только подтвердила необходимость их комплексного решения, но и начала их решать.

Отсюда, как и вообще из признания невозможности немедленного осуществления победоносной пролетарской революции, непосредственно вытекала необходимость определения тех тактических средств, при помощи которых можно было бы привлечь на сторону пролетариата его потенциальных союзников, тех средств, которые способствовали бы пробуждению классового сознания и вовлечению в активную борьбу отсталых слоев рабочего класса. И здесь наряду со средствами, которые составляли органическую часть самого движения (экономическая борьба, стачки и т. д.), важнейшее значение приобретало использование рабочим движением легальных средств борьбы в условиях парламентских режимов, установившихся после 1871 г. в большинстве государств Западной Европы. На одно из первых мест выдвигались парламентские средства борьбы.

Пролетарские партии в Западной Европе создавались, как правило, уже в условиях парламентских республик или конституционных монархий, когда, следовательно, для них

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 557.

² Там же, стр. 350.

³ Там же, стр. 558.

само признание необходимости участия рабочего класса в политической жизни включало в себя его участие в избирательных кампаниях, борьбу за привлечение голосов избирателей, деятельность внутри парламентов и т. п. Опыт Парижской Коммуны позволил Марксу и Энгельсу развить и углубить критику всех форм буржуазного государства, включая его внешне наиболее демократическую форму — парламентскую республику. С другой стороны, объективно неизбежное поражение Коммуны и вставшие в связи с этим перед рабочим движением задачи собирания сил для будущих решающих боев требовали максимального использования всех тех средств, которые давали пролетариату завоеванные при его участии буржуазно-демократические свободы: избирательное право, легальные партии, возможность иметь свои органы печати и т. д. Всего через несколько месяцев после Коммуны Энгельс, возражая бакунистам, противникам участия пролетариата в политической деятельности, говорил на Лондонской конференции, что если буржуазный строй «дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка»¹.

Принципиально вопрос о необходимости политического представительства рабочего класса в буржуазных парламентах был ясен Марксу и Энгельсу задолго до Коммуны; при этом имелось в виду, разумеется, что рабочие депутаты будут проводить совершенно самостоятельную, классовую, принципиально отличную от всех буржуазных партий, политику.

А условием этого было существование самостоятельной политической пролетарской партии. Правда, первые в истории организованного рабочего движения пролетарские депутаты — Бебель и Либкнехт — были избраны в состав северогерманского рейхстага в 1867 г., еще до образования эйзенахской партии, однако их деятельность с самого начала — и в еще большей мере после того, как партия была создана, — была направлена на защиту интересов рабочего класса и проникнута духом пролетарского интернационализма. Их блистательные выступления с разоблачениями милитаристско-шовинистской политики правящих кругов Пруссии и немецкой буржуазии во время франко-прусской войны и в защиту Парижской Коммуны

в огромной мере способствовали росту влияния социал-демократии среди немецких рабочих и ее международного авторитета. Действия Бебеля и Либкнехта в рейхстаге послужили для Маркса и Энгельса одним из важнейших практических доводов в борьбе против бакунистской доктрины воздержания от участия в политической жизни. Этот опыт — наряду с уроками Коммуны — еще раз доказал важнейшее значение парламентской трибуны для отстаивания принципов самостоятельного рабочего движения. Энгельс писал в марте 1872 года: «Мы считаем очень важным, чтобы рабочие, принадлежащие к Интернационалу, заседали во всех парламентах и чтобы Бебель, который до сих пор один пользовался этой честью, получил поддержку повсюду»¹.

Маркс и Энгельс считали участие самостоятельных рабочих партий в избирательной борьбе одним из основных критериев их политического влияния. Когда немецким социал-демократам удалось на выборах 1874 г. провести в рейхстаг 9 своих представителей, Энгельс характеризовал это как событие первостепенной важности, которое ставит «немецкий пролетариат во главе европейского рабочего движения»; он особенно подчеркивал значение того, что «рабочие всей массой выбирают своих собственных людей, выступают как самостоятельная партия...»². А результаты выборов 1877 г., когда за социал-демократов проголосовало более шестисот тысяч человек, он назвал «одной из крупнейших побед, когда-либо одержанных рабочими»³.

С другой стороны, имея в виду, в частности, опыт английского рабочего движения, пошедшего по реформистскому пути, анализируя весь механизм выборов в Англии, Энгельс решительно выступал против превращения рабочих кандидатов в буржуазных кандидатов, выступающих «с высшего начальственного соизволения буржуазии»⁴. Он резко осуждал любые проявления «парламентского кретинизма», стремления оппортунистов изображать парламентскую деятельность в качестве важнейшего средства борьбы рабочего класса, которому должны быть подчинены все другие ее формы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 351—352.

² Там же, стр. 516.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 127.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 479.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 422.

Участие в избирательных кампаниях, не раз говорил он, дает пролетарским партиям широкие возможности для агитационной работы в массах, для пропаганды своих программных требований, для разоблачения правительственных кругов и буржуазных партий. Результаты же выборов — особенно в тех странах, где в той или иной форме существовало всеобщее избирательное право, — позволяют партиям наглядно определить степень своего влияния в массах и динамику роста (или падения) этого влияния, причем не только по стране в целом, но и по отдельным ее районам, то есть в какой-то мере установить действительность своей агитации среди различных групп населения. Применительно к Германии середины 80-х годов, которая тогда была единственной страной, где социал-демократическая партия располагала сравнительно большой фракцией в парламенте, Энгельс называл выборы генеральной проверкой наших сил¹.

Но он отнюдь не сводил значение парламентской деятельности к такого рода проверке и подчеркивал, что парламентская трибуна служит социалистическим депутатам весьма эффективным средством пропаганды своих воззрений и разоблачения политики правящих классов. Участие в парламентах позволяло также при благоприятных обстоятельствах добиваться некоторых реальных уступок в интересах рабочего класса и вообще трудящихся: законодательного ограничения рабочего дня, введения охраны труда и т. д. Энгельс считал допустимым, а в ряде случаев и необходимым, чтобы социалистические депутаты голосовали за выгодные и полезные трудящимся законопроекты, вносимые депутатами других оппозиционных партий. Однако при этом он предупреждал об опасности быть втянутыми — вольно или невольно — в парламентские комбинации буржуазных партий и призывал к осторожности и бдительности. Самостоятельное выдвижение социалистическими фракциями своих собственных законопроектов он считал важнейшей составной частью их парламентской борьбы, имея в виду в первую очередь агитационное значение таких действий.

Важнейшим и самым главным условием парламентской деятельности социалистических партий Энгельс всегда

считал полную политическую и организационную самостоятельность их депутатов. Он рассматривал это как абсолютно необходимое требование при всяком, пусть самом кратковременном и частном, соглашении с другими партиями или их фракциями.

С ростом и укреплением социалистических партий, с увеличением их роли в общественной жизни, с усилением их влияния и соответственно влияния их парламентских представителей среди деятелей движения появились тенденции к абсолютизации парламентской деятельности, к превращению ее в основное средство борьбы за власть. К середине 90-х годов, когда Энгельс писал свою последнюю работу («Введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции»»), эти тенденции получили довольно большое распространение в ряде стран. Возник вопрос о том, не является ли главным путем к завоеванию пролетариатом политической власти завоевание большинства в парламенте. Появление этой работы Энгельса было непосредственно связано с развитием подобных тенденций. Оно было вызвано также необходимостью проанализировать на основе опыта Коммуны и рабочего движения на протяжении последующей четверти века действительные тенденции и возможности, открывшиеся перед пролетарскими партиями в результате мощных успехов освободительной борьбы рабочего класса.

Речь шла о соотношении мирных и немирных средств борьбы за революционное преобразование общественного строя. И тут опыт Коммуны опять-таки играл первостепенную роль.

Уже в «Набросках к «Гражданской войне во Франции»» Маркс развивал мысль о возможности мирного в основном течения революции. Ведь и само установление Коммуны произошло по существу мирным путем, без сколько-нибудь серьезных вооруженных столкновений и жертв. Рассуждая по поводу того, какие формы могло бы принять развитие событий во Франции в случае действительной поддержки Коммуны со стороны других городов страны, Маркс писал: «Если бы коммунальная организация прочно установилась в национальном масштабе, то катастрофами, которые ей возможно пришлось бы пережить, были бы спорадические мятежи рабовладельцев, которые, прерывая на какой-то момент дело мирного прогресса, только ускорили бы движение, вложив меч в руки Соци-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 36, стр. 184.

альной Революции»¹. Маркс считал, следовательно, практически возможным такой ход развития революции во Франции, когда она могла бы укрепиться в общем мирными средствами, однако это зависело бы в первую очередь от поведения лишенных своего политического господства эксплуататорских классов².

Однако вся история Коммуны показала с исключительной ясностью, что вероятнее всего буржуазия, если она еще будет обладать достаточной для этих действий реальной силой, прибегнет к насильственным действиям для сохранения своей власти. А в таком случае пролетариат окажется втянутым в гражданскую войну и будет вынужден применить все средства революционного насилия. Всего через несколько месяцев после падения Коммуны, в речи по поводу семилетия Интернационала, Маркс выразил это в следующих словах: «Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы»³. А год спустя, подводя итоги Гаагского конгресса, он сказал: «В большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда»⁴. При этом Маркс добавлял — эту мысль и он, и Энгельс впоследствии повторяли не раз, — что в тех странах, где военно-бюрократический аппарат насилия не приобрел колоссального развития, нельзя исключить и того, что «рабочие могут добиться своей цели мирными средствами»⁵. Маркс прямо называл такие страны: Америка, Англия, может быть, Голландия. Но подобный ход

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 553.

² Мы не останавливаемся здесь на чрезвычайно глубокой мысли Маркса, выраженной в этом же отрывке — о том, что контрреволюционные действия буржуазии ускорили бы осуществление социальных преобразований, причем в насильственной форме.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 438.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 154. Вскоре после разгрома Коммуны в беседе с корреспондентом нью-йоркской газеты «World» Маркс говорил: «В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь проявить свою политическую мощь. Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем. Во Франции множество репрессивных законов и смертельный антагонизм между классами делают, по-видимому, неизбежным насильственную развязку социальной войны. Но выбрать, каким способом добиться развязки, должен сам рабочий класс этой страны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 635).

событий уже тогда рассматривался им и Энгельсом как исключение, как правило же, считали они, победивший пролетариат вынужден будет прибегнуть к насилию. «И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий,— писал Энгельс в статье «Об авторитете» (1873 г.),— она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»¹. Опыт Коммуны доказал это с полной убедительностью.

В общем, данную точку зрения Маркс и Энгельс последовательно проводили и в последующие годы. В 1880 г. Маркс вновь говорил о том, что в такой стране, как Англия, где рабочий класс составляет значительную часть населения, существуют буржуазно-демократические институты и в то же время отсутствует — во всяком случае, в таких масштабах, как в странах европейского континента, — аппарат насилия, имеется возможность ненасильственного пути революции. Но, отмечал он, «английский рабочий класс не знает, как пользоваться своей силой и использовать свои свободы, которые предоставлены ему законом»².

Но и здесь Маркс говорил скорее о возможностях, существующих, так сказать, теоретически, чем о реальных и практически осуществимых уже в то время путях преобразования британского общества. Он подчеркивал недостаточный уровень классового сознания и политической организованности английского пролетариата, не пмевшего массовой социалистической партии. В конце 80-х годов, Энгельс писал в известном письме датскому социалисту Герсону Триру: «Пролетариат не может завоевать политическое господство — единственную дверь в новое общество — без насильственной революции»³.

Насильственные действия со стороны пролетариата он считал неизбежными постольку, поскольку неизбежными представлялись ему насильственные действия со стороны цепляющейся за свое господство буржуазии. В начале 90-х годов, критикуя полуанархистскую группу «молодых» в германской социал-демократии, выступавшую за принципиальное применение насильственных средств во всех случаях, Энгельс писал: «Когда нет реакционного насилия,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 305.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 383.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 275.

против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии; ведь нельзя же совершать революцию против того, что даже нет необходимости свергать»¹. Иначе говоря, Энгельс допускал, что при известных обстоятельствах в результате развития внутриполитического кризиса в той или иной стране ее правящие классы попросту не способны будут сколько-нибудь серьезно сопротивляться переходу политической власти в руки рабочего класса.

Но для этого необходимо было одно условие, о котором Энгельс упоминал неоднократно. Опыт Парижской Коммуны — а другим опытом пролетарской или вообще народной, массовой революции Энгельс до 1895 г. воспользоваться не мог — свидетельствовал, в частности, о том, что, если реакционные силы сохраняют свое влияние над регулярной армией, если революции не удается привлечь на свою сторону солдатскую массу или хотя бы значительную часть ее, это в огромной мере уменьшает шансы на успех революции и уж во всяком случае делает невозможным мирное ее развитие. В наиболее ясной и четкой форме Энгельс высказал эту мысль в уже много раз цитировавшемся последнем своем произведении, но она присутствовала в его работах и особенно письмах и раньше. Еще до Коммуны, в ноябре 1868 г., анализируя возможности и перспективы антибонапартистского восстания во Франции, Энгельс — в полном согласии с Марксом — пришел к выводу об отсутствии каких-либо шансов на успех без поддержки со стороны армейских частей. «Без восстания в войсках тут ничего не поделаешь»², — писал он. А в 1884 г. в одном из писем Лафаргу Энгельс говорил о том, что «при современном уровне военной техники (скорострельные ружья и т. п.) революция должна начаться в армии»³. Этот же тезис он тогда развивал и в ряде писем Бебелю: «Против современной армии невооруженный народ в военном отношении — ничтожная величина»⁴; «при нынешнем положении с армией мы не пойдем в бой, пока вооруженная сила против нас. Мы можем подождать, пока сама вооруженная сила не перестанет быть силой против нас»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 419—420.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 167.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 218.

⁵ Там же, стр. 207.

А в одном из писем Зорге, где речь шла о попытках парижской полиции спровоцировать неподготовленное выступление рабочих во время демонстрации, посвященной памяти Парижской Коммуны, 24 мая 1885 г., он, прямо ссылаясь на опыт 1871 г., писал: «Так как национальной гвардии не существует, то достать оружие невозможно, и всякий путч обречен на поражение»¹.

Эти чрезвычайно важные для понимания последней работы Энгельса соображения имеют прямую связь и с опытом Коммуны, и с опытом развития революционного движения последующих лет. Использование всеобщего избирательного права в условиях, когда благодаря военным реформам, проведенным в большинстве европейских стран после 1871 г., армии стали массовыми и значительная часть мужской молодежи, прежде всего из числа рабочих и крестьян, должна была отбывать определенное время военную службу, имело и еще одну сторону. Анализируя крупные успехи, достигнутые германской социал-демократией на выборах 1890 г., Энгельс придавал особое значение завоеванию на сторону партии широких масс сельскохозяйственных рабочих восточных провинций Пруссии не в последнюю очередь потому, что из их среды рекрутировалась основная часть солдат. «В течение трех лет, — писал он в марте 1890 г., — мы можем завоевать сельскохозяйственных рабочих, и тогда в наших руках будут образцовые полки прусской армии»². Таким образом, Энгельс видел одно из главных условий победы революции пролетариата в привлечении на его сторону армии. Если не удастся поколебать дух армии, писал он, основываясь на опыте революций XIX века, «то на стороне войск, даже при меньшей их численности (по сравнению с поднявшимися на революционное восстание. — Б. Т.), сказываются преимущества лучшего вооружения и обучения, единого командования, планомерного применения боевых сил и соблюдение дисциплины»³.

Эти рассуждения Энгельса и легли в основу выводов, сделанных в его последней работе. В течение десятилетий, прошедших с 1848 г., «условия... стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 279.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 309.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 540—541.

гораздо более благоприятными для войск»¹. Это показал и опыт первой в мире пролетарской революции: «Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои никогда, надо полагать, не объединятся все без исключения пролетариата так, чтобы сплотившаяся вокруг буржуазии реакционная партия почти исчезла»². Для успеха восстания, следовательно, необходимо, чтобы это «невыгодное соотношение» было «уравновешено другими моментами»³, т. е. в первую очередь большей подготовленностью масс, более крупными силами восставших, наконец, благоприятной по отношению к ним позицией войск, если не в целом, то по крайней мере значительных групп армий. Вот почему Энгельс в течение ряда лет постоянно предупреждал социалистов Германии и других стран от всякой попытки неподготовленного, почти не имеющего шансов на успех восстания. Он настаивал на необходимости тщательно следить за всеми попытками правящих классов спровоцировать пролетариат на выступление, которое легко было подавить и тем самым «задержать и даже отбросить на некоторое время назад непрерывный рост социалистических боевых сил в Германии»⁴. В данном конкретном случае он имел в виду именно Германию, но из всех его высказываний вытекает, что это замечание имело гораздо более широкий характер.

С этим неразрывно связан и другой вывод, сделанный в этой работе Энгельса: «терпеливая пропагандистская работа и парламентская деятельность»⁵ — вот какова должна быть ближайшая задача западноевропейских социалистических партий. Именно для того, чтобы обеспечить максимально благоприятное соотношение сил в тот момент, когда наступит необходимость решающего выступления, решающей битвы, Энгельс и призывал партии положить пока во главу угла легальные средства борьбы, прежде всего то, что дает им всеобщее избирательное право, не выходящее за рамки законности, пока правящие классы сами не нарушат эту законность. А тогда пролетариат использует свое «право на революцию», право, от которого, под-

гаты выразили благодарность Парижской Коммуне, «как передовому борцу пролетариата»¹.

Под лозунгом «Коммуна умерла — да здравствует Коммуна!» выходили социалистические газеты Швейцарии, Австрии и других стран. На митингах и собраниях рабочие заявляли о своей готовности разделить ответственность с преследуемыми борцами Коммуны. «Трудящиеся! — гласила резолюция митинга миланских рабочих, принятая 18 июня 1871 г. — Принципы Коммуны — наши принципы; мы принимаем на себя ответственность за ее действия...»²

Эти выступления отражали умонастроение широких рабочих масс, свидетельствовали о том влиянии, которое оказала Коммуна, об определенных качественных изменениях в сознании рабочего класса. Эти сдвиги проявлялись по-разному в разных странах. От идейного уровня и степени организованности рабочего класса зависели глубина понимания событий в Париже и выводы, которые сделал для себя борющийся пролетариат той или иной страны.

Движение солидарности с Парижской Коммуной способствовало выделению в ряде стран пролетарского крыла из общего потока буржуазно-демократического республиканского движения. Это ясно прослеживалось в Англии, в которой движение рабочих за социальную республику ведет свое начало с марта 1871 года. В отличие от буржуазных республиканцев рабочие, в первую очередь члены входившей в Интернационал Лиги земли и труда, требовали установления «социальной красной республики», «такой же, как в Париже». Подобные процессы происходили в Испании и Италии.

Под революционным воздействием Коммуны в Европе и в США обострились стачечные бои. Забастовки носили теперь более длительный и упорный характер, возросло число их участников, обнаружилась явная тенденция перерастания экономических стачек в политические.

Революция во Франции показала широким кругам рабочих наивность веры в единство интересов буржуазии и пролетариата. Ранее скрытый для большинства рабочих смысл классовой борьбы, понятный только сравнительно небольшой группе пролетарских революционеров, становился благодаря Коммуне ясным значительно более широ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 543.

² Там же, стр. 542—543.

³ Там же, стр. 543.

⁴ Там же, стр. 546.

⁵ Там же, стр. 544—545.

¹ См. Первый Интернационал, ч. 2, стр. 223—224.

² Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 395.

ким кругам рабочего класса. Коммуна помогла осознать непримиримость противоречий между трудом и капиталом, осознать, что рабочие должны сами освободить себя от капиталистического гнета. Пролетариат на практике классовой борьбы постигал смысл основного положения Устава Интернационала: «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом...»¹.

Рост классового самосознания рабочих в первую очередь проявлялся в усилении их интереса к социалистической пропаганде. Венская газета «*Volkswille*» уже в сентябре 1871 г. писала: «Социалистическое движение во всей Европе делает невиданные успехи... Такое развитие можно было предвидеть с марта этого года»².

Воздействие Парижской Коммуны на международное рабочее движение сказалось в росте популярности и авторитета Интернационала. В действиях парижских коммунаров международный пролетариат видел осуществление идей Международного Товарищества Рабочих. Влияние Интернационала стало проникать в новые страны — в Восточную Европу, Южную Америку, Австралию. Происходил численный рост организаций Товарищества, создавались его новые секции и федерации³.

«После величественной борьбы Парижской Коммуны, — писал Североамериканский комитет Интернационала Лондонской конференции, — наиболее сознательные рабочие с пылом обратили свои взоры в сторону Международного Товарищества Рабочих»⁴. Благодаря Коммуне Интернационал стал в Европе моральной силой⁵.

Сложилась благоприятная условия для пропаганды идей научного коммунизма. Передовая часть международного пролетариата самым ходом событий, всей предшествующей деятельностью Интернационала была подготовлена к восприятию марксизма, к восприятию уроков Парижской Коммуны.

Одним из важнейших средств пропаганды уроков Коммуны и идей марксизма стало распространение воззва-

используя эту дату для пропаганды уроков Коммуны в их марксистском понимании, была поддержана и закреплена затем революционным крылом всего международного социалистического движения.

*

Важнейшим завоеванием рабочего класса в XIX в. было создание в масштабах отдельного государства массовых партий, ставящих перед собой социалистические цели. Прежде чем рабочие смогли осознать неотложную необходимость самостоятельной политической организации, потребовались долгие годы острой классовой борьбы, деятельность Первого Интернационала, руководимого Марксом, систематическая и неустанная пропаганда идей научного коммунизма. Выработанная в Международном Товариществе Рабочих программа, опирающаяся на принципы марксизма и воплотившая опыт первой пролетарской революции, создала необходимый теоретический фундамент для построения революционных пролетарских партий. Решение этой задачи было значительно ускорено Парижской Коммуной.

Революция 1871 г., открыв дорогу марксизму в рабочие массы, положила начало нового этапа в соединении революционной теории с пролетарским движением. Рабочий класс, совершивший свою собственную революцию, не мог уже удовлетворяться различными догмами мелкобуржуазного социализма, предлагавшего ему утопические пути освобождения от социального и политического гнета. Рабочие искали ответа на вопросы, которые ставила перед ними жизнь, они «стали добираться до Маркса» (Ленин).

С 70-х годов значительно усиливается спрос на марксистскую литературу. Широкое распространение «Манифеста Коммунистической партии», «Нищеты философии», «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», «Гражданской войны во Франции» и других произведений Маркса и Энгельса было показателем тех сдвигов, которые происходили в сознании рабочих масс. И наконец, передовая часть рабочих и представителей демократической интеллигенции берет за изучение «Библии пролетариата» — первого тома «Капитала».

Глубокую внутреннюю связь между влиянием Парижской Коммуны и восприятием марксизма можно проследить на политической эволюции ряда виднейших предста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 12.

² Цит. по сб. Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 311, 312.

³ См. Первый Интернационал, ч. 2, гл. 4.

⁴ Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г. М., 1936, стр. 166.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 538.

вителей рабочего и демократического движения после 1871 года¹.

Порывает с анархизмом французский социалист Жюль Гед, который объяснял это «следствием событий марта — мая 1871 года»². Последующее знакомство с жизнью и борьбой рабочих Милана, где он находился в эмиграции, и сближение с итальянскими социалистами, группировавшимися вокруг газеты «Plebe», подготовили окончательный переход Гед к марксизму. Но решающим для него стало изучение «Капитала» Маркса. В 1878 г. Гед уже писал Марксу о согласии с его взглядами³.

На позиции социализма в Италии переходят анархист Коста, Ньюки-Вианни и др.⁴ В Англии приходят к марксизму представители демократической интеллигенции Генри Гайдман, Белфорт Бакс, Уильям Моррис — активные участники социалистического движения в начале 80-х годов. «Мой путь к революционному социализму начался с Коммуны»⁵, — говорил Моррис.

«Мое первое внимание к социализму было привлечено Коммуной, затем я прочитал в 1879 г. Маркса («Капитал».— В. К.) и практически вступил в социалистическое движение»⁶ — так отвечал Бакс на вопрос: как он стал социалистом? Также и Гайдман взялся за изучение «Капитала» и пришел к признанию принципов марксизма.

Под непосредственным воздействием революционных уроков 1871 г. и личного общения с Марксом и Энгельсом проникся идеями социализма генерал Коммуны польский революционер Валерий Врублевский. Участие в острой борьбе в Интернационале, в которой он поддерживал Маркса и Энгельса, закрепило его социалистические убеждения. Врублевский пришел к выводу, что знаменем, под которым должна проходить борьба поляков за освобождение, может быть только социал-демократическое зна-

¹ Об эволюции взглядов Вайяна, Тейса, Камелины и других бланкистов и левых прудонистов уже было сказано раньше.

² J. Guesde. Essai de Cathéchisme socialiste. Paris, 1912, p. 3.

³ См. И. Д. Белкин. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952. «Le Combat marxiste», Paris, 1935, № 19, mai.

⁴ См. Г. Манакорда. Итальянское рабочее движение (1853—1892). М., 1955. Гл. IV.

⁵ См. E. P. Thompson. William Morris. London, 1955.

⁶ «How I became a socialist», London, [1896], p. 9.

мя¹. На митингах, созывавшихся в Лондоне польской революционной эмиграцией, он заявлял, что «будущность имеет один социализм, для всех народов путь к социальному освобождению есть единственный»².

Влияние Парижской Коммуны сблизило с марксизмом и лучших представителей русской революционной эмиграции, в их числе Петра Лавровича Лаврова. В своих оценках характера революции 1871 г. он близок к Марксу. Когда на Интернационал и лично на автора «Гражданской войны во Франции» обрушились потоки клеветы, Лавров смело писал: «Можно только приветствовать заявление Карла Маркса... Этим заявлением Генеральный Совет поставил себя во главе исторического движения, которое еще невозможно достойно оценить»³. В газете «Вперед!» и в выступлениях на митингах Лавров доказывал, что во Франции произошла *первая революция пролетариата*.

«Революция 1871 г. в первый раз в истории репелась с самого начала поставить в своей главе «неизвестных людей» из народа. Парижская Коммуна 1871 г. была первой организацией общества, во главе которого стояли Франкелли, Варлены, Тейсы, Пенди, Клеманы и другие работники физического труда...».

«Теперь можно повторить на основании опыта то, что можно было прежде сказать лишь на основании логических соображений... Парижская Коммуна 1871 г. провозгласила на весь мир грозную для старого общества весть: рабочий пролетариат созрел для управления своими делами...»⁴.

В вышедшей в 1880 г. в Женеве книге «Парижская коммуна 18 марта 1871 года» Лавров обильно цитирует «Гражданскую войну во Франции» и подкрепляет свои выводы доводами Маркса. Он тоже придает большое значение декрету Коммуны от 16 апреля, отмечая, что этим декретом она указала путь трудящимся к освобождению от капиталистического гнета. Для Лаврова идеи Коммуны и идеи революционного социализма были понятием одно-

¹ См. «Вперед!», 31 (19). XII. 1875 г., стр. 758—759.

² Исследования по истории польского общественного движения. XIX — начало XX века. М., 1971, стр. 341.

³ Эта статья Лаврова, предназначавшаяся для бельгийской газеты «Liberté», впервые публикуется в сборнике: «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 402—404.

⁴ «Вперед!», 15 (3) III. 1875, № 5, стр. 132.

значным, хотя эклектизм его мировоззрения, формировавшегося в условиях отстававшей от капиталистического Запада России, мешал ему окончательно прийти к революционному социализму. Но тот шаг, который он сделал в это время в данном направлении, способствовал приобщению к социализму нового поколения русской революционной молодежи, распространению в России идей марксизма.

Коммуна оказала большое влияние на русских революционеров. Не сразу они приходят к подлинному пониманию ее уроков; на многих висит еще груз утопических народнических представлений.

Под влиянием Парижской Коммуны происходит эволюция и самого народничества. Степняк-Кравчинский писал: «С Парижской Коммуной, грозный взрыв которой потряс весь цивилизованный мир, русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские!»¹.

Влияние революционизирующих идей Коммуны испытывали и русские рабочие — члены первых пролетарских организаций. В программе «Северного союза русских рабочих» было сказано: «Наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов, и нам остается только примкнуть к ним...». Члены «Южно-российского союза рабочих» изучали историю Интернационала и историю Коммуны. Большое влияние оказала революция во Франции на формирование взглядов первых русских марксистов — Плеханова, Засулич, Дейча и других.

Переход лучших представителей рабочего и демократического движения под влиянием Коммуны на позиции марксизма или приближение к нему был одним из показателей эволюции, происходившей в домарксовых социалистических течениях в целом. Это был также один из показателей тех качественных сдвигов, которые происходили в европейском рабочем движении в целом.

¹ С. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. М., 1960, стр. 26. «Наступает 1871 год, — писал Степняк-Кравчинский. — ...И вот перед юношей возникает картина громадного города, восставшего на защиту народных прав... За что умирают эти люди? Они умирают за освобождение рабочего, — за великую социальную идею нашей эпохи... Юноша знает теперь, что ему делать. Он протянет крепкую свою руку...» (там же, стр. 24).

Революционная социалистическая мысль неуклонно пробивала себе дорогу в рабочие массы, несмотря на сохранявшееся давление мелкобуржуазной психологии и идеологии. И важнейшим фактором этого процесса продолжало оставаться революционизирующее влияние Парижской Коммуны. Убедительным примером, подтверждающим сказанное, служат результаты международного конгресса социалистов, созванного в 1877 г. в Генте.

Здесь не было ни Маркса, ни Энгельса. Марксисты были представлены только В. Либкнехтом и Л. Франкелем, но именно за ними пошло большинство делегатов. В центре внимания конгресса оказались те же вопросы, что и пять лет назад на конгрессе Интернационала в Гааге: о политической борьбе рабочего класса, необходимости установления его политического господства и перехода в его руки собственности на средства производства, о пролетарской партии. Вокруг этих проблем в Генте, также как и в Гааге, развернулась острая борьба с представителями анархизма.

В процессе дискуссии делегаты конгресса, представлявшие революционное крыло рабочего движения, ссылались на исторический опыт революции 1871 года¹.

Несмотря на попытки представителей анархизма доказать, что «авторитарный» социализм несовместим с индивидуальной свободой, что всякое государство «есть орудие угнетения трудящихся масс» и т. п., была принята резолюция о передаче государству, которое представляет народ, всех средств производства².

Потерпели поражение анархисты также и при обсуждении вопроса об отношении пролетариата к политическим партиям и об участии в политической борьбе. Здесь большую роль сыграли выступления Вильгельма Либкнехта,

¹ При обсуждении вопроса о том, кому же должна принадлежать собственность на средства производства, бельгийский социалист Де Пап, отвечая на вопрос: что стали бы делать гентцы, если бы средства труда оказались в их руках? — заявил, что они назначили бы комитет из грамотных рабочих, и образовали бы Коммуну (La Première Internationale. T. IV, p. 564).

После конгресса Де Пап писал Малону, что присутствие Франкеля, который представлял одновременно и Парижскую Коммуну и венгерскую социалистическую партию имело большое значение (там же, стр. 587).

² «Vorwärts», 16. X. 1877. См. также История Второго Интернационала. М., 1965, Т. 1, стр. 111.

представлявшего партию, за которой уже шло более полу-миллиона избирателей. Позицию анархистов, которые обвиняли германских социалистов «в сговоре с германской буржуазией», Либкнехт расценил как удар в спину борющегося пролетариата.

Резолюция о партии гласила: «Принимая во внимание, что социальное освобождение неотделимо от политического, конгресс заявляет, что пролетариат, организованный как самостоятельная партия, противостоящая всем прочим партиям господствующих классов, должен использовать все политические средства, ведущие к социальному освобождению всех пролетариев»¹.

В целом решения Гентского конгресса социалистов отражали поступательное развитие рабочего движения за годы, истекшие после Коммуны. Они были свидетельством того, что движение развивается в направлении, указанном Первым Интернационалом. Энгельс писал по этому поводу: «Политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями»².

Итоги конгресса свидетельствовали о том, что анархизм теряет свою массовую базу в рабочем движении.

Постановление Гентского конгресса по вопросу о пролетарской партии отражало те реальные изменения, которые уже происходили в рабочем движении Европы и США. К началу 1878 г. рабочие Бельгии, Франции, Швейцарии, Венгрии, Австрии, Чехии, Дании, Португалии, части Италии и Испании, США и других стран встали на путь образования своих массовых партий. Внимательно наблюдавший за ходом этого процесса Маркс отметил его особенность: партии «образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянным обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями»³.

Этот процесс являлся показателем того, что передовая часть рабочих поднялась до усвоения этой задачи, поставленной марксистами в Гааге, до усвоения важнейшего урока Парижской Коммуны.

¹ «Die Tagwacht», 29. IX. 1877.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 132.

Зорге писал Марксу: конгресс в Генте начал с того, чем мы кончили в Гааге (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2141).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 156.

Пролетарские социалистические партии возникали в острой идейной борьбе с мелкобуржуазным социализмом, влиянием либеральной буржуазии, идеологией анархизма и реформизма. С самого начала борьба велась за теоретические основы, на которых должны были строиться партии рабочего класса. Существовала опасность искажения теоретических и практических принципов революционного социалистического движения. С этим раньше всех столкнулись германские социал-демократы.

Объединение лассальянцев и эйзенахцев в единую социал-демократическую партию было вызвано практической потребностью самого рабочего движения Германии. Важным стимулом к объединению послужило движение солидарности с Парижской Коммуной. Совместные выступления эйзенахцев и лассальянцев в поддержку коммунаров способствовали преодолению обособленности, а также изжитию сектантских воззрений теми рабочими, которые еще находились в плену лассальянских догм.

Но программа единой социал-демократической партии, принятая в 1875 г. объединительным съездом в Готе, была в известной мере отступлением от программы Первого Интернационала и от тех выводов, которые сделали передовые социалисты, включая и самих лидеров эйзенахской партии, из опыта Коммуны.

Программа 1875 г. отражала лассальянское непонимание подлинных путей освобождения рабочего класса. В ней не было определения исторической миссии пролетариата, отсутствовало утверждение необходимости пролетарской революции, завоевания рабочим классом политической власти и установления пролетарской государственности, не были определены подлинные задачи пролетарской партии. Требование завоевания политической власти рабочим классом заменялось требованием «свободного народного государства». Лидеры эйзенахцев пошли за лассальянцами в определении методов решения «социального вопроса». Вместо требования введения революционным путем коллективной собственности на средства производства и установления политического господства рабочего класса вводилась лассальянская формула об учреждении с помощью существующего юнкерско-буржуазного государства производительных товариществ рабочих. Вместо уничтожения антагонистических классов, как конечной цели борьбы,

было выдвинуто требование «устранения всякого социального и политического неравенства» всеми законными средствами «свободного государства». Принятие *после* Коммуны партийной программы, состоявшей из эклектической смеси отдельных положений «Манифеста Коммунистической партии» и лассальянских догм, являлось безусловным шагом назад.

Критика Марксом и Энгельсом проекта этой программы в определенной мере была вызвана тем, что она не отвечала *новому* уровню рабочего движения.

Готская программа свидетельствовала о том, что лидеры революционной социал-демократии недооценили значение теории. Это подчеркнули Маркс и Энгельс в своих письмах к Бебелю, Бракке, Либкнехту, содержавших обстоятельную критику ошибочных формулировок программы.

Но в то же время теоретические уступки эйзенахцев в момент объединения отнюдь не означали, что они отказались от революционных целей, отреклись от революционного наследия Парижской Коммуны. И в период подготовки и созыва Готского съезда революционное крыло германской социал-демократии не подвергало сомнению основное положение марксизма о завоевании пролетариатом политической власти¹. Немецкая революционная социал-демократия всегда считала себя «плотью от плоти, кровью от крови Парижской Коммуны»².

На несравненно более высоком уровне была разработана программа Рабочей партии Франции, принятая в 1880 году. В ее вводной части, записанной Гедом и Лафаргом со слов Маркса, получил отражение опыт Парижской Коммуны. Теоретическая часть программы опиралась на марксистские решения Гаагского конгресса Интернационала. В ясной и сжатой форме в ней содержались важнейшие положения научного коммунизма о пролетарской революции и задачах пролетарского государства. По сло-

вам Маркса и Энгельса, — задачам Рабочей партии было дано «коммунистическое обоснование»¹.

Конкретные требования программы, составленные в основном Гедом, по духу и смыслу опирались на опыт самой классовой борьбы и в значительной части обосновывались ссылками на соответствующие декреты Коммуны². Это были те требования, которые «действительно выросли непосредственно из самого рабочего движения»³.

Формировалось ядро социалистических партий и в тех странах, где еще не было изжито влияние анархизма. В феврале 1877 г. на съезде Верхнеитальянской социалистической федерации в Милане (группа «Plebe») была принята резолюция, гласившая, что «для торжества социализма необходимо использовать все средства борьбы, начиная с экономической; нужно создать свою независимую социалистическую партию»⁴. Энгельс высоко оценил это решение: «Политическая борьба, организация политической партии и разрыв с анархистами. Этими резолюциями Верхнеитальянская федерация окончательно отреклась от бакунистской секты и встала на общую почву великого европейского рабочего движения»⁵.

С углублением классовой борьбы росла зрелость сознания рабочего класса, его движение подтягивалось постепенно к уровню его передовых отрядов. Изживались лассальянские ошибки, первоначально содержащиеся в программах социалистических партий Австрии, Чехии, Швеции и других стран. В 1887 г. на съезде в Брно была принята программа Чехославянской партии, требовавшая передачи всех средств производства исключительно в собственность общества; хотя еще сохранялся заимствованный у лассальянцев тезис «об уничтожении социального и политического неравенства» вместо требования уничтожения классов. Программа указывала, что осуществление

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 378; т. 35, стр. 311.

² «Égalité», 20. VII. 1880.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 378.

Лафарг, защищая программу Рабочей партии от реформистских нападок, заявил, что Парижская Коммуна уже начала осуществлять первый декрет будущей пролетарской революции — возвращение частной собственности в собственность общественную.

⁴ См. Г. Манакорда. Итальянское рабочее движение, стр. 132 и др.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 104.

¹ На диспуте в Лейпциге в 1876 г. относительно характера Парижской Коммуны Август Бебель заявил по поводу ее декрета от 16 апреля: «Коммуна осуществила бы эту меру в полном масштабе, если бы имела в своих руках необходимую власть... Мы поступили бы таким же образом, если бы могли...» (Цит. по сб. Первый Интернационал и Парижская Коммуна, стр. 285).

² F. Mehring. Ein proletarischer Gedenktag. «Die Neue Zeit». Bd. 1, 1911, S. 794.

этого требования может добиться «лишь политическая опытная рабочая партия, сознающая свои силы»¹.

Через год, на съезде в Гайнфельде 110 делегатов от разных частей империи, включая Чехию, Галицию, Силезию, Каринтию, Моравию, приняли новую программу, разработке которой помогал Энгельс. Эта программа, в значительной мере очищенная от лассальянских формулировок, утверждала, что всемирно-исторической задачей пролетариата является преобразование современного экономического строя, и средством этого преобразования является классовая борьба, которая должна привести к установлению коллективной собственности на средства производства. В декларации съезда подчеркивалась роль рабочего класса, интернациональность состава партии (пункт, имевший огромное значение для этой партии), выдвигалось требование ликвидации постоянной армии. Особо формулировались задачи партии: политически организовать пролетариат, помочь ему осознать свое положение и свои задачи, защищать его классовые интересы.

В Англии в 1884 г. социалисты, входившие в Демократическую федерацию, добились ее преобразования в Социал-демократическую федерацию и провозгласили марксизм своим теоретическим кредо. Социал-демократическая федерация признала открыто «нашу теорию», говорил Энгельс; наша программа «почти полностью совпадает с программой английской Социал-демократической федерации...». Но Энгельс при этом всегда подчеркивал, что марксистская программа Федерации будет иметь значение только в том случае, если Федерация сумеет возглавить массовое рабочее движение и «направит его к социализму»².

В Швеции в 1886 г. газета «Social-demokraten», отражая рост революционной тенденции в рабочем движении, предложила программу борьбы «за совершенно новое мировоззрение, базирующееся на строго научной основе», за коллективную собственность, за социалистическую революцию, которая уничтожит классовые различия³, т. е. прямо

противоположную лассальянским установкам предыдущей программы Шведской рабочей партии.

В Испании социалистическая партия, возникшая на базе Новой Мадридской федерации, приняла в 1888 г. на съезде в Барселоне программу, в которой содержалось требование преобразования индивидуальной собственности в собственность общественную, как необходимое средство для освобождения труда. Завоевание рабочим классом политической власти провозглашалось в ней необходимым предварительным условием. Эта программа «во многих отношениях очень хороша»¹, — заметил Энгельс.

В январе 1888 г. Энгельс писал румынскому социалисту Иоану Нэежде: «К большому моему удовлетворению я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы... теории..., созданной моим покойным другом Карлом Марксом»².

Трудный путь прошло итальянское социалистическое движение, освобождавшееся от влияния господствовавшего в течение многих лет анархизма. Решения Генуэзского съезда Партии итальянских трудящихся в 1892 г. означали разрыв с анархизмом. Генуэзская программа содержала требование обобществления средств производства и завоевания политической власти рабочими. И хотя в программе еще сказывалось влияние мелкобуржуазной идеологии, но главное значение съезда заключалось в создании социалистической рабочей партии, размежевавшейся с анархистами³.

Под влиянием идей научного коммунизма складывалась программа первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». Написанный Плехановым проект программы определял исторические задачи рабочего класса, требовал освобождения труда от гнета капитала путем перехода средств и предметов производства в общественную собственность. Неизбежным предварительным условием коренного переустройства общественных отношений является захват политической власти рабочим классом⁴.

Ленин отмечал, что эта программа группы «Освобождение

¹ См. *З. Шолле*. Рабочее движение в чешских землях в конце XIX в. М., 1954, стр. 103—104.

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 566, 567.

³ См. *Кн. Бекстрем*. История рабочего движения в Швеции. М., 1961, стр. 180—181.

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 241.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 4.

³ История Второго Интернационала, ч. I, стр. 209.

⁴ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1, М., 1964, стр. 140.

ние труда» в общем и целом находилась вполне на уровне социал-демократической теории того времени¹. Одновременно с созданием за границей группы «Освобождение труда» в ряде городов России возникли марксистские кружки и группы. «С появлением первых марксистских организаций российская социал-демократия становилась органической частью международного социалистического рабочего движения»².

В 1882 г. польская партия «Пролетариат» включила в программу положение о коллективной собственности на средства производства. Ее конкретные требования обосновывались практикой Парижской Коммуны³. Программа призывала крестьян к совместной борьбе с рабочими, утверждала принцип пролетарского интернационализма, заявляла, что только социальный переворот приведет к ликвидации национального гнета. Следующий шаг был сделан польскими социалистами в 1889 г., когда вместо прекратившей существование партии «Пролетариат» был основан под руководством Мархлевского «Союз польских рабочих». Этот союз, писала Роза Люксембург, «с самого начала и по существу был продуктом массового движения, действительной классовой борьбы в широком непосредственном значении этого слова, он открыл дорогу социализму в Польше — новую широкую дорогу развития»⁴.

Большое значение для формирования программ европейских социалистических партий имело принятие в 1891 г. новой программы германской социал-демократии.

После длительного, почти полугодового обсуждения, в процессе острых споров и дискуссий, в которых ведущее место принадлежало Энгельсу, была принята программа, свободная от лассальянских ошибок. «В Эрфурте все прошло очень хорошо, ... — писал Энгельс Зорге по поводу этого события в жизни партии, — проект, поддержанный Бебелем и мной, был положен в основу новой программы, ее теоретической части. К нашему удовлетворению, марксова критика возымела полное действие. Устранены и последние остатки лассальянства»⁵.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 216—217.

² История КПСС. Т. 1, стр. 141.

³ См. Н. Пухлов. Из истории польской социал-демократической партии. М., 1968, стр. 19—20.

⁴ Там же, стр. 41—42.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 157.

В Эрфуртской программе с марксистских позиций рассматривались закономерности развития капитализма, неизбежно ведущие к его гибели и замене социалистической формацией. Утверждая необходимость превращения капиталистической собственности в общественную, программа выдвигала требование завоевания политической власти рабочими. Были определены и задачи социалистической партии — придать сознательный характер политической борьбе рабочего класса и поднять его на борьбу за завоевание политического господства. Отмечая общность интересов пролетариев всех стран, программа провозглашала интернациональную солидарность германской социал-демократии с социалистическими партиями других государств. Конкретные положения программы определялись спецификой условий Германии, но по ряду вопросов они совпадали с практическими мероприятиями коммунаров. Одним из важнейших было требование отмены постоянной армии и вооружение народа. В Эрфуртской программе обнаруживались явные оппортунистические тенденции, отсутствовало основное требование марксизма — требование диктатуры пролетариата, чем в дальнейшем воспользуются правые оппортунисты, но в целом германская социал-демократия сделала большой шаг вперед.

В целом программы значительной части европейских социалистических партий, принятые их съездами в 80-х — начале 90-х годов, отражали дальнейшие сдвиги в сознании передовой части рабочих в сторону марксизма, укрепление революционного направления социалистического движения. Это позволило Энгельсу еще в 1887 г. писать о том, что «главное требование Маркса — захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, добившимся безраздельного политического господства, — стало теперь требованием всего революционного рабочего класса...»¹.

В 1889 г. было основано новое международное объединение пролетариата, унаследовавшее революционные традиции Первого Интернационала, — Второй Интернационал. Его первый конгресс в Париже открыл коммунары Эдуар Вайян. Французские социалисты приветствовали делегатов конгресса «от имени Парижа июньских дней 1848 г.,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 336.

марта, апреля и май 1871 г., от имени Франции Бабефа, Бланки и Варлена».

Конгресс призвал к завоеванию политической власти, экспроприации капиталистической собственности на средства производства и превращению ее в собственность коллективную. Было принято решение требовать замены постоянных армий вооруженным народом, который сам будет стоять на страже мира и демократии¹. Опыт коммунаров и здесь служил неоспоримым аргументом.

Между решениями Гаагского конгресса Международного Товарищества Рабочих и решениями Парижского конгресса Второго Интернационала существовала прямая преемственность, идейную основу которой составляла теория научного коммунизма.

Решения первых конгрессов Второго Интернационала показывали, что, независимо от разнообразия условий, в которых развивалось рабочее движение, у передовой части пролетариата уже существовало понимание единства задач и общности средств, которые необходимо применить для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом.

Революционное социалистическое движение приходило к этому пониманию в острой идейной борьбе как внутри отдельных отрядов рабочего класса, так и на международной арене. Главным противником теперь уже был не старый домарксовый социализм, а возникший внутри социалистического движения правый оппортунизм — социал-реформизм.

Выхолащивая революционную суть учения Маркса и Энгельса, социал-реформисты пытались приспособить его к буржуазному либерализму («пропитать либерализм социализмом» — говорили британские фабианцы). «Теоретики» реформизма, стремясь утвердить поколебленный революцией 1871 г. свой тезис о неизбежности буржуазного общества, либо абсолютизировали ошибки Коммуны, либо объясняли ее возникновение и политику «исключительностью условий» Франции, «несчастливым стечением обстоятельств», возникших в результате Франко-прусской войны. Широко распространялась мысль о том, что в ходе самой революции была искажена «подлинная идея Коммуны». Об этом, в частности, писали французские пос-

сибилиты, заявлявшие, что «правильное развитие» Коммуны должно было привести к установлению во Франции муниципального социализма. Примерно ту же мысль пытались «доказать» и английские фабианцы. Излюбленной темой реформистской печати было утверждение, что если бы парижские рабочие пошли «законным путем» и пришли бы к соглашению с буржуазией, добываясь только приемлемых для последней уступок, то можно было бы избежать «трагических последствий 18 марта». Из такого «анализа» вытекало прямое отрицание международного характера Коммуны, а следовательно, и интернациональных обязанностей рабочего класса, противопоставление его интернациональных задач национальным.

Такой же характер носили выступления германских правых социал-демократов. В конце 70-х годов Шрамм, Бернштейн, Хёхберг — «цюрихская тройка» — обвинили Бебеля, Либкнехта, Бракке, а вместе с ними Маркса и Энгельса в том, что они «чересчур демонстративно» заявляли о своей солидарности с Парижской Коммуной, и тем самым причиняют вред германскому рабочему классу, поскольку обостряют его отношения с буржуазией. Подобное выступление в защиту революции «оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило ненависть к нам буржуазии...»¹. Об этом же писали правые оппортунисты и в 90-х годах. Их признанный лидер Фольмар утверждал, что осуждение немецкими социалистами в годы Франко-прусской войны и Парижской Коммуны аннексионистской политики Бисмарка являлось изменой общенациональным интересам². Так, уже тогда реформисты подготовили идейную основу измены германских правых социал-демократов во время первой мировой войны и их предательского отношения к молодой Советской России.

«Цюрихская тройка», Фольмар и прочие, обвинявшие революционное крыло германской социал-демократии в франкофильстве, фактически смыкались с буржуазией, которая со своей стороны утверждала, что Маркс «направляет немецких рабочих против их отечества».

Отношение правых к пролетарской революции 1871 г.

¹ Цит. по К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 319.

² См. Н. Овчаренко. В борьбе за революционный марксизм. М., 1967, стр. 224—225.

¹ См. История Второго Интернационала. Ч. 1, стр. 143—156.

позволяет выявить черты, свойственные реформизму в целом. Независимо от национальной принадлежности, социал-реформизм выступал, по существу, с единой концепцией по вопросам о характере политической борьбы пролетариата, революции, государстве и пролетарской партии, отрицал классовую борьбу и пролетарскую революцию, необходимость завоевания рабочим классом политической власти и экспроприации средств производства. Этому основному требованию научного коммунизма противоставлялась аморфная формула «участия рабочих в управлении государством». Тезис о мирном вращении капитализма в социализм лежал в основе социал-реформистских воззрений правых оппортунистов разных стран. Общим для них было также и сведение функций социалистических партий исключительно к борьбе за отдельные реформы, которые должны были, в конечном счете, лишь укрепить буржуазное общество.

Сокрушительные удары правому оппортунизму были нанесены Марксом, Энгельсом и их сторонниками. Борьба с реформизмом сосредоточивалась вокруг вопросов о судьбах государства, о завоевании власти рабочим классом, о характере пролетарской партии, — то есть вокруг всех проблем, поставленных Парижской Коммуной и марксистскими решениями Первого Интернационала. Упорная борьба, которую Маркс и Энгельс вели против оппортунистических шатаний в германской социал-демократии, в частности критика ими Готской программы и разоблачение в 1879 г. реформистских воззрений «цюрихской тройки», а также французских POSSИБИЛИСТОВ, британских фабианцев и т. п., была в то же время и формой пропаганды и защиты революционных уроков Парижской Коммуны.

После смерти Маркса, когда Энгельсу пришлось взять на себя труд двоих, он с неослабеваемой энергией подлинного вождя революционного пролетариата учил рабочий класс науке побеждать, предостерегал лидеров молодых социалистических партий от неверных шагов, требовал от них проведения твердой и принципиальной политики. Энгельс учил их строго учитывать реальность обстановки, уровень самого рабочего движения.

Для Энгельса критерием революционности социалистических партий в целом и их отдельных представителей являлось прежде всего отношение к вопросам революции,

государства и задачам пролетарской партии. С этим критерием Энгельс подошел к оценке программы ведущей партии европейского пролетариата — германской социал-демократии. В начале 1891 г. благодаря усилиям Энгельса впервые увидела свет «Критика Готской программы» Маркса. Почти одновременно Энгельс опубликовал специально написанное для нового немецкого издания «Гражданской войны во Франции» обширное введение, а летом того же года направил в адрес Правления германской социал-демократии обстоятельные замечания на проект Эрфуртской программы. Все это вместе (включая и некоторые другие его статьи и письма того же времени) составило цикл теоретических выступлений Энгельса против реформизма по основным вопросам марксистской теории: о переходе от капитализма к социализму, задачах пролетарского государства, роли пролетарской партии в ходе революции и после прихода рабочих к политической власти.

Во «Введении к «Гражданской войне во Франции»», являвшемся фактически самостоятельной работой, Энгельс дал «замечательно рельефную сводку уроков Коммуны»¹. Реформистским попыткам фальсифицировать эти уроки и тем самым лишить пролетариат правильного понимания путей, ведущих к его освобождению, Энгельс противопоставил марксов анализ Коммуны. Он снова обращал внимание на значение, которое Маркс придавал «самому важному декрету Коммуны» — декрету от 16 апреля об организации рабочих производственных объединений. «Такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в «Гражданской войне», — писал Энгельс, — в конечном счете должна была вести к коммунизму...»². Опытом 1871 г. Энгельс обосновывал основную идею марксизма об исторической неизбежности диктатуры пролетариата. Свою работу он заканчивал утверждением: Коммуна и была диктатурой пролетариата³. Во «Введении к «Гражданской войне во Франции»» Энгельс доказал, что в основе признания абсолютной необходимости завоевания рабочим классом политической власти и перехода к нему в руки всех средств производства лежит

¹ В И Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 75

² К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 22, стр. 198

³ См. там же, стр. 201.

правильно понятый опыт пролетарских революционеров — участников Парижской Коммуны.

В замечаниях Энгельса на проект Эрфуртской программы большое место заняли критика «теории вращающегося общества» старого общества в общество социалистическое, пропаганда и защита учения Маркса о пролетарской революции и пролетарском государстве.

Для воспитания рабочих в духе подлинного пролетарского интернационализма и утверждения принципов марксизма в рабочем движении, для отпора реформизму, большое значение имела заботливо поддерживавшаяся революционным крылом социалистов ряда стран традиция отмечать ежегодно память Парижской Коммуны. Активным участником собраний, посвященных памяти Коммуны, оставался до самой своей смерти Энгельс. Руководствуясь тем, что о революционных выступлениях «следует напоминать массам как можно чаще»¹, он добивался, чтобы память о Коммуне сохранялась в рабочем классе, чтобы не были забыты ее уроки и опыт.

Энгельс систематически выступал в начале 90-х годов на торжественных собраниях, созываемых лондонскими социалистами. Обращая внимание на актуальность уроков революции 1871 г., он призывал бороться «с сегодняшними Оджерами и Лекрафтами»², не забывать великий урок Коммуны о необходимости создания политической партии рабочего класса³. В этом же духе устно и письменно выступали ведущие представители международной революционной социал-демократии. В дни 20-летия Коммуны Лафарг, повторяя слова марксовой резолюции, принятой на первом митинге памяти Коммуны в Лондоне 18 марта 1872 г., писал о ней как о заре социальной революции⁴.

Гедисты использовали юбилейные даты для пропаганды марксистских оценок характера Коммуны и ее уроков. Они широко пропагандировали мысль о том, что Коммуна была первой в истории революцией, поставившей у власти рабочий класс, и тем самым указавшей всему меж-

дународному пролетариату способ освобождения от капиталистического угнетения. В статье «18 марта 1871 — 18 марта 1892» Гед писал: «Вся история революции 18 марта заключается в том факте, что парижский пролетариат взял власть в свои руки»¹. В письме, написанном по просьбе Абердинского социалистического общества (Англия) митингу, собравшемуся 18 марта 1893 г., Гед снова развивал это положение: «Пролетариат действительно будет способен освободить себя сам, но только если он становится хозяином государства и возьмет в свои руки средства социального преобразования», в настоящее время, продолжал он, рабочие всего мира объединяются для этой цели в независимую политическую партию².

В Англии социалисты, как и социалисты ряда других стран, установили традицию отмечать в марте одновременно с памятью Коммуны и память Карла Маркса, подчеркивая тем самым единство идей великого пролетарского революционера и героических парижских борцов³.

Много сил отдал сохранению этой традиции Петр Лавров⁴. В выступлениях перед русской революционной молодежью — эмигрантами в Западной Европе он анализировал характер международного социалистического движения и положения в России для определения задач, которые стоят перед русскими борцами против царизма. В марте 1879 г. Лавров говорил об уроках, которые надо извлечь из Коммуны и последующих событий, и указывал на ошибки, которые погубили самоотверженных борцов Коммуны. На собрании в Париже 19 марта 1887 г., созванном, «чтобы вместе вспомнить о замечательных днях Парижской Коммуны 1871 года», Лавров начал речь словами Маркса: «старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей»⁵. Лавров призывал русскую молодежь не падать духом перед лицом господ-

¹ Jules Guesde. La Commune de 1871. Paris. 1936, p. 45.

² «The Labour Elector», 25. III. 1893.

³ Редакция абердинского «The Labour Elector», опубликованная 25 марта 1893 г. письмо Геда и изложение упоминавшейся уже речи Энгельса на собрании в Лондоне, писала: «Мы рады сообщить, что английские рабочие продолжают отмечать годовщину Парижской Коммуны».

⁴ См. В. В. Альтман. П. Л. Лавров и парижские коммунары. «Европа в Новое и Новейшее время», стр. 275—292.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 347.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 285.

² Энгельс имел в виду тех английских тред-юнионистов, которые в 1871 г. отказались от солидарности с Коммуной и порвали на этом основании с Интернационалом.

³ См. «The Labour Elector», 25. III. 1893.

⁴ П. Лафарг. Соч., т. 1. М., 1925, стр. 123.

ствующей в России реакции. Свою речь Лавров закончил словами: «Русские социалисты могли черпать полезные для них уроки из истории Коммуны тогда, когда их надежды были велики. Они могут черпать из нее столь же важные уроки и в настоящую минуту...»¹.

В марте 1895 г. Энгельс с полным основанием заявил: «День годовщины Парижской Коммуны стал первым общим праздником для всего пролетариата»².

*

К двадцатипятилетию Парижской Коммуны международный пролетариат пришел с новыми большими успехами. Его передовая часть усвоила важнейшее положение марксизма о необходимости создания самостоятельной пролетарской партии, целью которой является завоевание рабочим классом политической власти и передача всех средств производства в руки общества, начала претворять в жизнь этот важнейший урок революции 1871 года.

В 1891 г. Брюссельский конгресс Второго Интернационала как бы подвел итог двадцатилетней борьбы против анархизма и реформизма. Поражение анархистов в Брюсселе и последующее их исключение из Интернационала было свидетельством преемственности развития революционного направления в международном рабочем движении. «Старый Интернационал этим закончил, новый — с этого начинается, — писал Энгельс. — Тем самым спустя девятнадцать лет просто-напросто подтверждены решения Гаагского конгресса»³.

Другие постановления конгресса, в первую очередь об отношении рабочих к милитаризму, были направлены против правого оппортунизма. В целом решения конгресса в Брюсселе означали победу марксистов как в теоретических, так и в тактических вопросах. Это было свидетельством того, что международное социалистическое движение поднялось на новую ступень.

Подъем социалистического движения первой половины 90-х гг. проходил под знаком явного преобладания марксизма. Авангард рабочего класса подходил к восприятию

идеи диктатуры пролетариата и роли пролетарской партии в ее завоевании. Однако эти кардинальные положения марксизма не были в то время усвоены. Даже ведущие деятели социалистического движения не понимали необходимости изложить эти основные требования научного коммунизма в программных документах своих партий. В программах социалистических партий содержались явные уступки правому оппортунизму, а в руководящих кругах социалистического движения складывалось примиренческое отношение к нему.

Важнейший урок первой пролетарской революции о необходимости установления диктатуры пролетариата смогли полностью творчески усвоить только пролетарские партии *нового типа*. Созданная в начале XX в. великая ленинская партия, партия большевиков, до конца восприняла это кардинальное положение теории марксизма-ленинизма и впервые в истории международного рабочего движения сделала борьбу за осуществление диктатуры пролетариата программой своих практических революционных действий.

«Впервые пролетариат получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение»¹.

¹ П. Л. Лавров. Две речи. Женева. 1887, стр. 31.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 538.

³ Там же, стр. 244.

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, стр. 11.

В. И. ЛЕНИН И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

ЛЕНИН КАК ИСТОРИК ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Тема Парижской Коммуны вызвала у В. И. Ленина живейший интерес, ей посвятил он многие страницы своих исследований.

19 июля 1920 г. в день открытия II конгресса Коминтерна Ленин вместе с делегатами братских коммунистических и рабочих партий принял участие в закладке на Дворцовой площади в Петрограде памятника коммунарам. На многотысячном митинге, посвященном приближающейся пятидесятой годовщине Парижской Коммуны, Владимир Ильич выступил с яркой речью. «Сегодня, — говорил он, — закладывают памятник борцам за коммунизм, которые 50 лет тому назад подняли знамя восстания в Париже, взяли власть в свои руки и приступили к строению социалистического общества. Их постигло поражение. Немецкие войска империалистов в союзе с французской буржуазией раздавили рабочих в Париже. Несмотря, однако, на это поражение, мы видим, что их дело не умерло. Мы успешно продолжаем строить Советскую республику в России»¹. Это было последнее выступление Ленина о Парижской Коммуне.

История хранит память о многочисленных выступлениях Владимира Ильича в период эмиграции на интернациональных митингах и собраниях, посвященных годовщинам Парижской Коммуны, в Лондоне и Париже, в Женеве и Цюрихе и ряде других городов. Об одном из них, проходившем в Женеве 9 (22) марта 1904 г., вспоминает М. М. Эссен: «Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое

значение... Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская Коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас»¹.

Об опыте Коммуны, ее уроках и значении не раз упоминал Ленин и в своих выступлениях после победы Октября.

Им написаны десятки работ, в которых разбирались бессмертные уроки Парижской Коммуны. Это и специально посвященные Коммуне статьи, «Уроки Коммуны» и «Памяти Коммуны», и такие основополагающие работы, как «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в которых Ленин всесторонне исследует опыт Парижской Коммуны. Ленинские оценки Коммуны встречаются во многих других его книгах, статьях, заметках.

Ленин глубоко и всесторонне исследовал историю борьбы парижских коммунаров. Он изучил большое количество исторических и социологических работ на эту тему, а многие из них законспектировал. Однако во всех своих исследованиях он опирался прежде всего на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, которые первыми показали всемирно-историческое значение Коммуны и с исчерпывающей полнотой проанализировали события 1871 года.

Особенно часто обращался Владимир Ильич к работе Маркса «Гражданская война во Франции». Эту работу Ленин подробно разбирает в III главе своей книги «Государство и революция», специально посвященной опыту Коммуны².

В. И. Ленин высоко ценил и много раз обращался к предисловию Энгельса 1891 г. к «Гражданской войне» и к письмам К. Маркса к Л. Кугельману, представляющим «выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма»³. Особо выделял Ленин знаменитое письмо от 12 апреля 1871 г., в котором Маркс воспеваает великий подвиг Парижской Коммуны⁴. В. И. Ле-

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, 1969, стр. 114—115.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36—56.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 372.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172—173.

¹ «Деревенская Коммуна» № 159 от 21 июля 1920 года.

нин написал специальное предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману, где дал «краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс»¹ в этих письмах. Сохранился экземпляр брошюры с пометками Владимира Ильича, показывающий, с каким пристальным вниманием изучал он эти письма².

В работе Ленина «Марксизм о государстве», являющейся по сути дела подготовительным материалом к книге «Государство и революция», собраны все важнейшие высказывания Маркса и Энгельса о государстве и диктатуре пролетариата. Парижской Коммуне в них уделено весьма значительное место. В начале этой работы Владимир Ильич написал оглавление, в которое входит около двух десятков произведений Маркса и Энгельса³.

Перечень законспектированных Лениным работ показывает, что он не оставил без внимания ни одного произведения основоположников марксизма, имеющих отношение к этой теме.

В. И. Ленин тщательно изучал труды различных историков о Парижской Коммуне и прежде всего современников и участников событий весны 1871 года.

К Парижской Коммуне, ее опыту, ее истории обращался Ленин уже с первых шагов своей революционной деятельности. Примечательно, что еще в 1895 г., когда он впервые приехал за границу и, находясь в Париже, работал в Национальной библиотеке, его внимание привлекла книга члена Парижской Коммуны Г. Лефрансе «Очерк движения парижских коммунаров в 1871 году» — одна из первых книг по истории Коммуны. Владимир Ильич тщательно конспектирует первую часть этой книги, где излагаются события, предшествующие рождению первого пролетарского государства⁴. Критически оценивая идейные позиции прудониста Лефрансе, Ленин использует фактическую сторону книги для характеристики революционного движения Франции накануне событий 18 марта и выяснения обстоятельств, способствовавших провозглашению Коммуны.

Хорошо знал Ленин и работу другого участника Коммуны — П. Лиссагаре — «Историю Коммуны 1871 года», которая, по отзыву Маркса, была «первой *достоверной* историей Коммуны». На книгу Лиссагаре Ленин ссылается в ряде своих работ¹.

Известна была Владимиру Ильичу и книга Ж. Вейля «История социального движения во Франции». В частности, Ленин использовал приведенные в ней письма секретаря-корреспондента Генерального Совета Интернационала П. Дюпона и другой фактический материал².

В связи с революционными событиями в России в 1905 г., Ленин тщательно изучал мемуары генерала Коммуны Г. Кюзере. По инициативе Ленина, в 1905 г. в большевистской газете «Вперед» был напечатан отрывок из этой книги. Текст перевода, сделанного В. В. Флатовым (Северцевым), был отредактирован Лениным³.

Внимание Владимира Ильича привлек также трехтомный труд Э. Лепеллетье, вышедший накануне первой мировой войны⁴, и лекции итальянского социалиста А. Лабриолы⁵, прочитанные им в «Социальной школе» Итальянской социалистической партии.

Сохранился ленинский конспект книги крупного французского историка и архивиста Г. Аното «История современной Франции». Эту книгу Ленин использовал при разработке плана своего доклада, прочитанного им 5 (18) марта 1905 г. в Женеве⁶.

Февральская революция в России застала В. И. Ленина в Цюрихе. Стремясь как можно скорее вернуться на родину, чтобы там непосредственно включиться в революционную борьбу, Ленин не прекращает своих исследований и в это напряженное время: буквально за несколько дней до отъезда в Россию в письме С. Н. Равич⁷ просит достать ему брошюру М. А. Бакунина «Парижская Комму-

¹ См., напр., В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330; т. 28, стр. 574.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 492; т. 9, стр. 329—330.

³ Ленинский сборник XXVI, стр. 355—365.

⁴ E. Lepelletier. Histoire de la Commune de 1871. T. I—III. Paris, 1911—1913.

⁵ A. Labriola. La «Commune» di Parigi. Raccolta di otto Conferenze. Lugano. 1906.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 328—329.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 393.

на и понятие о государственности», изданную на русском и французском языках.

Приведенные примеры отнюдь не исчерпывают списка использованной Лениным литературы при разработке настоящей темы, но тем не менее дают представление о той фундаментальной историографической базе, на которую опирался Владимир Ильич в своих исследованиях по истории Парижской Коммуны.

*

Труды В. И. Ленина вместе с работами Маркса и Энгельса заложили фундамент марксистских исследований по истории Коммуны. Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин внимательно рассматривает все события первой пролетарской революции, показывает роль и место Парижской Коммуны в истории французского рабочего движения, в развитии мирового революционного процесса. Ленин впервые поднимает такие важнейшие темы, как Парижская Коммуна и российское революционное движение, Парижская Коммуна и первая русская революция, Парижская Коммуна и проблемы социально-экономического развития эпохи империализма, Парижская Коммуна и Великий Октябрь, Парижская Коммуна и опыт социалистического строительства в Советской стране.

Что самое характерное для Ленина как историка Парижской Коммуны? Это, пожалуй, его необыкновенное умение последовательно и неуклонно применять марксистский метод как инструмент исследования к освещению всех фактов истории Парижской Коммуны, к раскрытию всех сторон этой обширной темы.

В изучении истории Парижской Коммуны Ленин опирался на анализ общих социально-экономических условий, породивших ее, искал основные причины успехов и неудач первой пролетарской революции в уровне развития производительных сил и производственных отношений, организации и сознательности рабочего класса. Ленин очень четко ставил эти вопросы, конкретно характеризуя особенности французского капитализма той поры, общее состояние экономики Франции, структуру ее промышленности, социальное лицо трудового населения страны, расстановку классовых сил.

Так, в конспектах доклада о Парижской Коммуне в 1904 г. Ленин выделял в качестве одного из исходных

пунктов «быстрое промышленное развитие» страны, а следующим вопросом ставил развитие рабочего движения во Франции¹. Более подробно раскрывая эту тему в 1908 г. в статье «Памяти Коммуны», Владимир Ильич особенно подчеркивал, что для победоносного исхода социальной революции необходимы по крайней мере два условия: достаточно высокое развитие производительных сил страны и подготовленность пролетариата к решительным революционным действиям.

Ленин отмечал, что к началу 70-х годов во Франции фактически отсутствовали объективные предпосылки успешного завершения пролетарской революции: «Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)»².

В своем анализе событий Парижской Коммуны Ленин никогда не упускал из виду этого конкретного экономического уровня развития страны, предопределившего многие особенности первой пролетарской революции.

Характерным для ленинского исследования всех событий Парижской Коммуны было выяснение взаимоотношений классов во французском обществе до и во время Коммуны. Ленин анализирует совокупность классовых антагонизмов (основных и второстепенных), различных социальных сил, которые проявились по-разному в исторический 1871 г. и обусловленно претерпевали свою эволюцию в ходе развития событий. Ленин конкретно показывает социальный состав коммунаров в начальный период и в конце борьбы. Он характеризует и лагерь контрреволюции, вскрывает социальную суть бонапартизма, внимательно рассматривает партийный состав Национального собрания³ и т. д. За пестрым переплетением разнородных классовых элементов Ленин четко выделяет основную классовую силу, рабочий класс, которая и определила характер мероприятий Коммуны⁴.

Ленин отмечал, что «метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483, 489.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483—488; т. 9, стр. 328—330.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218—219.

конкретной обстановке...»¹. Это требование лежит в основе марксистского принципа историзма исследования, и Ленин постоянно напоминал о необходимости конкретно-исторического подхода к каждому явлению, рассмотрению его в развитии и во взаимосвязи с другими явлениями.

В письме И. Ф. Арманд от 30 ноября 1916 г. он сжато формулирует главное методологическое требование исторического исследования, суть которого в том, чтобы каждое положение рассматривать «(α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»².

Именно так исследует Владимир Ильич историю Парижской Коммуны. Все три названных требования историзма постоянно присутствуют в его работах.

В своем анализе событий Парижской Коммуны Ленин неуклонно следует историческому принципу. Для него здесь, как и в любом социальном исследовании, самое важное «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³. Ленин показывает революцию 1871 г. на фоне общей истории Франции, он постоянно напоминает о событиях, предшествовавших восстанию коммунаров, проводит исторические параллели с другими французскими революциями, показывая их качественные различия и отмечая схожие черты.

Характерно, что свои рефераты о Парижской Коммуне Владимир Ильич обычно начинал с общего исторического очерка. Франция при Наполеоне III — таков первый пункт ленинского доклада о Парижской Коммуне в 1904 г.⁴, словами «исторический очерк Коммуны» открывается его «План чтения о Коммуне» 1905 г.⁵, а в известной статье «Уроки Коммуны» Ленин начинает свою тему с революции 1848 г., а затем вспоминает и Великую революцию XVIII века⁶.

Ленинское требование рассматривать каждое положение «*лишь в связи с другими*» хорошо иллюстрируется исследованием непосредственных событий жизни Парижской Коммуны в связи с общим положением в стране, в отдельных ее провинциях, а также в зависимости от общей международной обстановки и хода военных операций на фронте, политики Бисмарка и т. д. На всех этих внутренних и внешних связях Владимир Ильич подробно останавливается почти в каждой своей работе о Парижской Коммуне¹.

Также неукоснительно следует Ленин требованию рассматривать явления «*лишь в связи с конкретным опытом истории*»². Этому принципу в освещении истории Парижской Коммуны Ленин отводит первостепенное значение.

Призывая глубоко изучать опыт Коммуны, Ленин постоянно предостерегал от опасности некритического использования этого опыта, когда забывались конкретно-исторические и национально-особенные условия развития страны и тем нарушался принцип историзма. Он учил творчески подходить к урокам революции 1871 года. Внимательно изучать борьбу парижских коммунаров, учил Владимир Ильич, — это значит «не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России»³.

В связи с опытом Парижской Коммуны К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин часто останавливались на программном требовании пролетариата добиться всеобщего вооружения народа. Так в общем виде ставилась проблема защиты революционных завоеваний победившего рабочего класса. Но определить, в какие конкретно формы выльется это всеобщее вооружение народа в условиях длительной гражданской войны и вооруженной интервенции, когда противник имел современные регулярные армии — а именно так, мы знаем, обстояло дело в первые годы Советской власти — можно было только на основе учета новых моментов. Это и было сделано после победы Октябрьской революции, когда Ленин показал и доказал

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483, 489, 492.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 328.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451.

¹ См., напр., В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483—484, 489—490, 492—493; т. 9, стр. 328; т. 16, стр. 451 и др.

² См. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 167.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 132.

необходимость создания регулярной рабоче-крестьянской армии — Красной Армии.

Другой пример — лозунг коммунаров превратить старых чиновников в простых служащих пролетарского государства, «оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего»¹. В принципе Советская власть так и решила эту проблему. В то же время применительно к русской действительности, в условиях крайней нехватки квалифицированных кадров для хозяйственного и военного строительства и в условиях саботажа буржуазной интеллигенции, Ленин конкретизирует эту проблему и ставит жизненно важный вопрос о привлечении к работе буржуазных специалистов, сохраняя для них привычные условия труда и обеспечивая их жалованьем хотя и пониженным несколько, но все же достаточно высоким. Так творчески подходил В. И. Ленин к каждой проблеме, каждому историческому уроку Коммуны.

Для Ленина опыт Парижской Коммуны — это опора в решении сегодняшних задач и основа для новых выводов. Уже в первом упоминании о Парижской Коммуне в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Владимир Ильич оценивает это событие в плане конкретных задач пролетарской борьбы конца XIX века².

Показательно и обращение Ленина к истории Парижской Коммуны при выработке отдельных разделов программы РСДРП в 1903 г. — именно по национальному вопросу и по крестьянскому вопросу. В первом случае Владимир Ильич предостерегал от опасности националистического уклона в рядах РСДРП³; во втором — говорил о недопустимости недооценки крестьянского движения⁴. Ленин показал, что опыт Коммуны подсказывает правильный ответ на тот и другой вопросы.

Широко используя исторические параллели, Ленин часто приводит различные факты, связанные с революцией 1871 года. Например, в своих конспектах доклада о Парижской Коммуне 1904 г. Ленин считал нужным специально выделить такие пункты: «Бисмарк 1871. Confer

1904», «Бисмарк 1871 и 1904»¹. В «Плане чтения о Коммуне», составленном весной 1905 г., мы видим уже связь с последними революционными событиями в России: Владимир Ильич проводит аналогию между акциями палачей Парижской Коммуны д'Орель де Паладином и Валентэном и палачами русской революции 1905 года Треповым и Васильчиковым², а в статье «Памяти Коммуны», написанной в апреле 1911 г., Ленин сравнивает бонапартовских генералов с душителями революционного движения в России, царскими генералами Ренненкампом и Меллер-Закомельским³.

Эту связь с современностью можно отчетливо проследить во всех произведениях В. И. Ленина о Парижской Коммуне. Ленинский подход к истории Коммуны находится в разительном контрасте с высказываниями Г. В. Плеханова на ту же тему. В этом отношении характерно письмо Плеханова Ленину от 20 апреля 1904 г., в котором речь шла о решении редакции «Искры» заказать Плеханову статью к годовщине Парижской Коммуны. Не возражая в принципе против предложения написать такую статью, Плеханов в то же время заметил, что Коммуна, по его мнению, всего лишь «древняя история»⁴. Да, для Плеханова Парижская Коммуна — это «седая старина». Для Ленина — это живой опыт бессмертного дела⁵.

Здесь с большой отчетливостью проявляется еще одна коренная черта ленинского метода исследования — пролетарская партийность в освещении и оценке всех событий. Характеризуя взгляды Маркса на всемирную историю, в частности на историю Парижской Коммуны, Ленин подчеркивал, что «Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*...»⁶. Так же подходил к истории и Ленин. Для него партийность исследователя — высшее выражение его классовых позиций.

Ленинский принцип партийности чужд всякому субъективизму в оценке событий; он не противопоставит объективному ходу исторического процесса, а совпадает с правильным и точным отображением этого процесса и позво-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 488, 491.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 329.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221.

⁴ Ленинский сборник III, стр. 160—161.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 222.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 146.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 155.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 270.

ляет в связи с этим принимать научно обоснованные решения. В этой связи можно вспомнить принципиальную критику Лениным позиций бланкистов в революции 1871 г., стремившихся перепрыгнуть через неизжившие себя этапы исторического развития и все время тяготевших к волюнтаризму¹.

Останавливаясь на данной Марксом оценке борьбы парижских коммунаров, Ленин подчеркивал как важнейшую особенность его глубоко партийной позиции «умение творить будущее», постановку задачи подготавливать массы к дальнейшей борьбе².

В противоположность буржуазным социологам, для которых история это лишь наука о прошлом, марксистов в историческом опыте интересует не в последнюю очередь завтрашний день, перспективы развития. Ставя вопрос о глубоком изучении великого теоретического наследия марксизма (в частности, о Парижской Коммуне), Ленин писал: «...от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего, а не вчерашнего дня»³.

Исходя из законов диалектического материализма, основоположники марксизма-ленинизма дали поразительные по глубине и точности прогнозы будущего, показали человечеству историческую перспективу его развития. В этом отношении исключительную роль играет обобщение опыта прошлого и прежде всего опыта революций. Вот почему так много внимания уделяли Маркс, Энгельс, Ленин бесмертным урокам Парижской Коммуны.

Характеризуя анализ Марксом опыта Коммуны, Ленин писал: «У Маркса нет и капелки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса...»⁴.

Так же подходил к великому опыту Парижской Коммуны и сам Ленин. Его исследование своим острием все

время направлено в сторону будущего, в сторону предстоящих задач революционной борьбы и социалистического строительства. На каждом историческом этапе эта направленность имела свою главную, осевую линию, свои главные акценты.

Если взять все произведения Ленина о Парижской Коммуне в их хронологической последовательности, то можно было бы наметить три основных этапа в исследовании этой темы: 1) до Февральской революции 1917 г.; 2) период подготовки Октября; 3) советский период.

Для первого периода в изучении Лениным истории Коммуны характерно большое внимание к тактическим вопросам борьбы парижских коммунаров и в этой связи подробное изложение самой истории первой пролетарской революции. Ленин особо обращает внимание на такие важнейшие уроки Коммуны, которые необходимо иметь в виду русскому пролетариату в предстоящей борьбе, как: уяснение неизбежности контрреволюционной позиции буржуазии в пролетарской революции; необходимость укрепить организационную самостоятельность пролетариата как непременное условие победы¹; подготовку к решительной, бескомпромиссной борьбе².

Накануне Октябрьской революции, когда непосредственно на повестку дня встал вопрос о новой пролетарской власти, о создании новых общественных отношений, Ленин снова обращается к истории и урокам Парижской Коммуны, рассматривая их здесь в первую очередь в плане слома старой государственной машины и перспективы создания государства нового типа.

В произведениях советского периода Ленин также часто анализирует опыт Парижской Коммуны. Теперь этот вопрос больше всего интересует Владимира Ильича в связи с очередными задачами социальных и политических преобразований в Советской России.

Прослеживая тему Парижской Коммуны в произведениях В. И. Ленина, можно увидеть не только ее характерные повороты на разных исторических этапах, но и развитие самих идей, углубление и расширение темы, подключение к исследованию все новых и новых вопросов.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 137—138.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 313.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 487; т. 9, стр. 330.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 454; т. 20, стр. 218.

Вот, например (если брать отдельные ленинские работы разных лет), накануне первой русской революции Ленин в своих конспектах доклада о Парижской Коммуне дает довольно подробный исторический очерк событий, предшествовавших революции 1871 г., описывает сам ход вооруженной борьбы, затем разбирает политические и экономические мероприятия Коммуны и в заключение — подводит итоги и уроки борьбы.

Примерно по этому же плану составлен и доклад 1905 г. о Коммуне. Но здесь уже, говоря о борьбе коммунаров, Ленин напоминает и о происходящих революционных событиях в России; появляется и новая важная тема (которую подчеркивает Ленин) — Коммуна и крестьянство; в итоговой части делается вывод о необходимости самостоятельной организации пролетариата.

1908 год. Статья «Уроки Коммуны». Здесь уже сопоставление революции 1871 г. и революции 1905—1907 гг. занимает центральное место, подробно анализируются их сходные и различные черты.

1911 год. Статья «Памяти Коммуны». По сравнению со всеми предшествующими ленинскими работами о Парижской Коммуне в этой статье наиболее полно раскрываются экономические и социальные условия развития революции 1871 г.

1917 год. III и IV главы книги В. И. Ленина «Государство и революция». Это — обобщение всего колоссального, накопленного ранее материала и дальнейшие выводы о существовании Парижской Коммуны. Таким образом, мы видим, как развивалась данная тема в ленинских работах (начиная с первых рефератов), как постепенно меняется соотношение конкретно-исторического и аналитического материала в сторону увеличения места последнего и уменьшения доли первого. В книге «Государство и революция» Ленин уже совсем опускает описание самого хода революции 1871 г. и полностью сосредоточивает свое внимание на анализе социальной сущности Парижской Коммуны, особенностей ее возникновения и развития, причем это сделано гораздо полнее и разностороннее, чем в статьях «Уроки Коммуны» и «Памяти Коммуны».

Наконец, работы Ленина послеоктябрьского времени, в которых он касается опыта Коммуны. В этот период Владимир Ильич не имел возможности посвятить истории Парижской Коммуны специальные работы. «...Приятнее

и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»¹, — отмечал Ленин в ноябре 1917 года. И тем не менее в послеоктябрьский период Ленин в разной связи часто обращается к урокам Парижской Коммуны («Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Как организовать соревнование?», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Письмо к рабочим Европы и Америки», доклады на VII съезде РКП (б), III съезде Советов, I конгрессе Коминтерна и др.). Об общей направленности разработки темы о Парижской Коммуне в этот период уже шла речь выше. Здесь же важно подчеркнуть, что в каждой из названных работ затрагивается в связи с первым опытом социалистического строительства своя грань в освещении истории революции 1871 г., делается свой акцент, и все эти вопросы в совокупности дают разработку широчайшей и совершенно новой исторической темы — Советская власть и Парижская Коммуна. Это был и новый этап в развитии всей марксистской историографии Парижской Коммуны.

ЛЕНИН О РОЛИ И МЕСТЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В МИРОВОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Говоря об исследовании К. Марксом истории Парижской Коммуны, В. И. Ленин писал: «В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений»². С этой постановкой задачи изучения уроков Парижской Коммуны полностью солидаризируется Ленин, и именно так подходит он к историческим событиям весны 1871 г.

В первом воззвании Центрального комитета национальной гвардии к населению Парижа о переходе власти к Коммуне говорилось: «Граждане! Сегодня нам было дано присутствовать при самом грандиозном народном зрелище, которое когда-либо происходило на наших глазах, когда-либо потрясало наши души: Париж восторженно приветствовал свою революцию; Париж открыл новую страницу в книге истории и вписал в нее свое могучее имя... Сплотитесь же с доверием вокруг вашей Коммуны, облегчите

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 120.

² Там же, стр. 36.

ее работу, поддерживая необходимые реформы; как братья между собой, следуйте за ведущими вас братьями. Твердо, смело идите по пути к будущему. Пропагандируйте и докажите примером ценность свободы, и вы, без сомнения, достигнете близкой цели — *Всемирной республики*»¹.

Революционный оптимизм, твердая вера в скорую окончательную победу — вот что услышал мир в призывах Парижской Коммуны. И хотя великая цель оказалась не столь близкой, как тогда представлялось коммунарам, начало было положено, был сделан первый шаг по пути в новый мир.

Опыт Парижской Коммуны Ленин рассматривал все-сторонне: и в плане развития французского и европейского революционного движения, и в плане его влияния на русское рабочее движение, и в плане оценки его места и роли в мировом революционном процессе вообще и подготовки победы пролетарской революции в особенности.

«...Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»², — писал Ленин. Он называл Коммуну великой революцией пролетариата³.

Ленин повторял слова Маркса о том, что «революции — локомотивы истории»⁴. В этом образном сравнении точно схвачена самая суть роли социальных революций в развитии мирового революционного процесса.

В широком историческом плане такими крупнотажными революциями были: в XVIII в. — Великая французская буржуазная революция; в XIX в. — Парижская Коммуна; в XX в. — Великая Октябрьская социалистическая революция.

Естественно, чтобы определить место и роль Парижской Коммуны в мировом революционном процессе, необходимо проанализировать особенности и характер развития как предшествующего революционного движения, так и закономерности последующего развития революции. Это и было сделано Лениным с большой обстоятельностью.

Известно, что буржуазное общество в своем развитии прошло через ряд исторических периодов от своего возникновения до упадка. Роль этих периодов в социальном

процессе, как показал Ленин, далеко не равнозначна. Начальная эпоха связана с реформацией и ранними буржуазными революциями XVI века. В этот период буржуазные отношения еще не упрочились, и феодализм отбивает первый натиск нового класса. Второй период — ознаменован английской буржуазной революцией середины XVII в., которая утвердила господство буржуазии в наиболее развитой промышленной стране, но еще не вышла за национальные рамки, не стала событием общеевропейским. Третий период — с начала Великой французской революции до Парижской Коммуны. Этот период — переломный в победе буржуазного строя в Западной Европе. «По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств...»¹

Говоря о всемирно-историческом значении Великой французской революции, Ленин писал: «...Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»².

Вместе с тем Ленин отмечал, что французская революция конца XVIII в., несмотря на то, что она пошла по пути социальных преобразований гораздо дальше других буржуазных революций, не могла решить всех поставленных историей задач. Она не была до конца последовательной, как и всякая буржуазная революция, и в ходе развития потеряла многие из своих завоеваний. Он подчеркивал, что такие пережитки крепостничества как монархия, сословность, помещичье землевладение, вмешательство религии в политическую жизнь, угнетение национальностей, неравноправное положение женщины были в изрядной мере сохранены во всех передовых странах и после совершения буржуазных революций, которые так и оставили в недоочищенном виде эти «авгиевы конюшни» средневековья³. Характеризуя период, непосредственно предшествующий Парижской Коммуне, Ленин сделал выразительное замечание: «Экспроприация Франции шайкой бандитов»⁴.

¹ Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т. I. М., 1959, стр. 22—23.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 55.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 269.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 145.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483.

Но главное, что следует иметь в виду, подводя итоги буржуазным революциям, — это то, что они открыли двери быстрому капиталистическому развитию, обнажив до конца и гигантски обострив основное противоречие буржуазного мира — противоречие между трудом и капиталом¹. На этой почве прежде всего и возникла революция 18 марта 1871 года.

В своей работе «Марксизм о государстве» Ленин обратил внимание как на одно из самых замечательных мест в произведениях основоположников марксизма на следующее высказывание Ф. Энгельса по поводу французской истории: «...Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая *другим странам неизвестна*»². Позднее в книге «Государство и революция», комментируя это замечание, Владимир Ильич счел нужным дополнительно сказать о 1871 году. Парижская Коммуна еще раз продемонстрировала в самой острой, классической форме столкновение классов. Но после ее поражения наступил временный упадок в развитии революционного движения Франции, и поэтому, как отмечал Ленин, прежняя формулировка для нового периода французской истории в этом устарела³.

Огромное теоретическое значение для оценки исторической роли Парижской Коммуны и понимания общих процессов революционного развития имела разработка Лениным проблемы завершения буржуазно-демократической революции и перехода к новому историческому периоду. В написанных в марте 1910 г. «Заметках публициста» Владимир Ильич всесторонне рассмотрел содержание самого понятия «завершение буржуазно-демократической революции». Он указал на возможность двойного понимания этого термина: в узком смысле слова — если рассматривать каждую отдельную революцию как одну из волн, «которая бьет старый режим, но не добивает его», и в широком смысле слова — если понимать «решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завер-

шение» ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций»¹.

Рассматривая в этом широком смысле слова французскую буржуазно-демократическую революцию от начала до завершения ею цельного исторического цикла революционной борьбы, Ленин отмечал, что в этом понимании «во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.)»².

К этому же вопросу возвращается Ленин в другой своей работе — «Исторические судьбы учения Карла Маркса», где указывает: «Парижская Коммуна (1871) доказывает... развитие буржуазных преобразований»³. И здесь же Ленин проводил очень важную мысль о том, что только героическая борьба пролетариата способна довести до конца развитие буржуазной революции⁴.

Таким образом, Парижская Коммуна явилась исторической вехой в мировом революционном процессе — она завершила тур буржуазных революций и оказалась первой в истории человечества революцией пролетарской.

После 1871 г. новая буржуазная революция во Франции стала ненужной. Парижская Коммуна поставила в порядок дня истории революцию социалистическую. Как отмечал Ленин, Парижская Коммуна положила начало завоеваниям международной рабочей революции⁵. Самым ярким и значимым из этих завоеваний стала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Парижскую Коммуну и Советскую власть Ленин рассматривал как звенья единой цепи революционной борьбы международного пролетариата, как исторические этапы развития мирового революционного процесса. ««Советская власть», — писал Владимир Ильич, — есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна»⁶.

Поднятое парижскими рабочими знамя Коммуны означало, что на мировую политическую авансцену вышла новая общественная сила — революционный пролетариат.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 246—247.

² Там же, стр. 247.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 2.

⁴ См. там же.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 58.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 457.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 139.

³ См. там же, стр. 32.

Недаром 1871 годом В. И. Ленин так точно обозначил новый исторический рубеж: завершение буржуазных преобразований и начало социалистического этапа в развитии мирового революционного процесса. «Старый», «добрый» домонополистический капитализм перешагнул точку своего апогея. С этого времени началось постепенное перерастание «свободного» капитализма в империализм — в последнюю стадию развития буржуазного общества. К концу XIX — началу XX в. буржуазный строй исчерпал заложенные в нем возможности общественного прогресса. Решить исторические «задачи века» можно было теперь только на путях социалистической революции.

Ленин был первым, кто увидел наступление эпохи империализма, эпохи гигантского обострения всех социальных противоречий, невиданных классовых бурь, революционных взрывов, потрясающих и рушащих устои капиталистического мира. Вскрытие Лениным закономерности экономического и политического развития общества в новую эпоху логически привело его к выводу — империализм есть канун социалистической революции. Позднее, когда истина эта стала свершившимся фактом, Ленин в немногих словах сформулировал суть происходящих великих исторических процессов: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»¹. Вопрос о характере новой эпохи — это вопрос о содержании и направлении исторического развития, об исторических судьбах мирового капитализма, о его неизбежной гибели, о решающей роли пролетариата, о торжестве социализма и коммунизма во всем мире. Человечество, указывал Ленин, не может идти вперед, не делая шагов к социализму. Путь этот впервые и был указан Парижской Коммуной.

Мировой революционный процесс отражает в интегральном виде все прогрессивные движения современности, но основной, определяющей и направляющей его силой является рабочее движение, руководимое коммунистическими партиями. Это положение всегда подчеркивал Ленин. Вместе с тем он предостерегал коммунистов от сектантского подхода к революционному движению. Нет ничего вреднее, как попытки иных «леваков» «отлучить»

от революционного движения прогрессивные демократические силы (в частности многомиллионное крестьянство) на том основании, что они еще не доросли до социалистической идеологии. Изучая уроки Коммуны, Ленин уделял большое внимание и этой проблеме.

Большое значение в этом плане имела разработка Лениным проблемы народной революции. Он особенно выделял замечание Маркса, сделанное вскоре после провозглашения Коммуны, о том, что предварительным условием действительно народной революции является слом бюрократически-военной государственной машины¹. «Это понятие «народной» революции, — указывал В. И. Ленин, — кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики... могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно»². На основе анализа движущих сил различных революций в Европе и Азии Ленин дает классическое определение понятия «народная революция». «Если взять для примера революции XX века, — указывал он, — то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»³.

Подробный разбор Лениным разных типов революций XX в. вплотную подвел его к оценке характера и движу-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39.

³ Там же.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425.

щих сил революции 18 марта 1871 года. Уточнив само понятие «народ», он отметил, что здесь следует иметь в виду два класса: пролетариат и крестьянство. Интересы именно этих двух классов как раз и выражала Парижская Коммуна, которая так же, как революция 1905—1907 гг. в России, по своему содержанию была революцией народной. В. И. Ленин показал широко демократический характер целей Парижской Коммуны, объективно-исторический смысл ее мероприятий. Но одновременно он предостерег от упрощенного подхода к вопросу о движущих силах революции 18 марта 1871 г., от увлечения выдавать желаемое за действительное, тенденции развития за конечный итог, от вульгарных, абсолютных аналогий с революциями XX в. в России. Указывая на относительную узость социальной базы Коммуны, Ленин напомнил, что в силу сложившихся обстоятельств характер первого рабочего правительства, его цели не были усвоены и поддержаны громадным большинством крестьян Франции. И все же путь к единению рабочего и крестьянского движения был намечен Коммуной.

Место Парижской Коммуны как первой пролетарской революции, открывшей новый этап в развитии мирового революционного процесса, естественно, определяло огромное значение ее опыта для всей последующей борьбы рабочего класса.

Революция 18 марта 1871 г. прежде всего оказала мощное воздействие на все дальнейшее развитие французского рабочего движения, на политическое воспитание масс. Вслед за Марксом, оценивая значение борьбы коммунаров, Ленин развивал мысль, что «бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»¹.

Ленин напоминал, что через какие-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже началось новое рабочее движение. «Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед...»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221.

Отмечая огромную роль Парижской Коммуны в развитии французского революционного движения, основоположники марксизма-ленинизма не забывали все время подчеркивать ее интернациональное значение для рабочего движения всех стран, всех континентов.

Развитие мирового революционного процесса — это не просто хронологическая преемственность социальных движений и революций разных эпох. Это, прежде всего, органическая взаимосвязь этих движений, когда одна революция подготавливает и подталкивает другую, оказывает воздействие на другие страны, интернационально сплачивает революционные силы, расширяет фронт борьбы против старого мира.

В этом плане оценивая значение революции 1871 г., Ленин в статье «Памяти Коммуны» сделал следующий вывод: «Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира... Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снижала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды»¹.

Эту же мысль Ленин подчеркнул в другой работе — «Уроки Коммуны», указав, что Парижская Коммуна «всколыхнула по Европе социалистическое движение»².

В статье «Евгений Потье», написанной в 1913 г. к 25-летию со дня кончины автора «Интернационала» и одного из активных членов Парижской Коммуны, Владимир Ильич снова напоминал: «Коммуна подавлена..., а «Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь»³.

Ленин отмечал такой исторический факт в развитии революционного процесса второй половины XIX — начала

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221—222.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 274.

XX в., как постепенное перемещение центра мирового революционного движения с Запада на Восток, и показал место Парижской Коммуны в этом динамичном процессе. В своем основополагающем теоретическом труде — книге «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» Владимир Ильич, отмечая огромные успехи в развитии российского революционного движения к началу XX столетия, приводит высказывание Ф. Энгельса: «Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?»¹.

А далее Владимир Ильич отмечал перенесение центра тяжести революционной борьбы после поражения французской революции 1871 г. в Германию. И сразу же за этим указанием, в преемственной последовательности, Ленин останавливался на перспективе и особенностях развития революции в России. В связи с этим Ленин выдвигает свой знаменитый программный тезис: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны»².

Здесь ясно обозначено, что в исторической эстафете по странам мира факел пролетарской революции, зажженный парижскими коммунарами, взял теперь в свои руки российский рабочий класс.

Первой революцией на этом пути стала грандиозная русская революция 1905—1907 годов. И показательно, что уже в самом начале этой революции Ленин считал важным подчеркнуть: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»³. А незадолго до поражения первой русской революции, вспоминая слова Маркса о героизме «штурмующих небо» парижских коммунаров, Ленин писал: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо»»⁴.

Определяя задачи подготовки социалистической революции, Ленин ставил *рядом* как два великих исторических опыта, которые должен максимально использовать проле-

тариат, опыт «Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года»¹.

Великим научным подвигом В. И. Ленина была разработка концепции буржуазно-демократической революции, что очень важно для понимания особенностей развития мирового революционного процесса XX века. С большой полнотой эти вопросы были изложены им в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 г.)² и ряде других произведений. В этой связи Ленин оценивал и опыт революции 18 марта 1871 г., сравнивая его с опытом первой русской революции и показывая их общие и специфические черты.

Здесь Владимиру Ильичу пришлось бороться с порочной концепцией меньшевиков о характере русской революции и роли в ней буржуазии и рабочего класса. Меньшевики (А. Мартынов, Л. Мартов) на словах тоже признавали опыт Парижской Коммуны, но этот опыт механически прикладывали ими к русской действительности. Фальсификация меньшевиками истории заключалась в следующем. Сначала интерпретировались задачи коммунаров в революции 18 марта 1871 г. в чисто социалистическом духе. Затем первая русская революция представлялась как обычная буржуазная революция, где гегемоном выступает буржуазия. Далее, характер борьбы русского пролетариата целиком отождествлялся с борьбой парижских коммунаров, а отсюда уже делался вывод о необходимости «отстранения» пролетариата от роли гегемона в этой революции.

В свете борьбы этих двух концепций первой русской революции — большевистской и меньшевистской — следует рассматривать и постановку Лениным вопроса об использовании опыта Парижской Коммуны в 1905 г., учитывая те акценты, которые делал Владимир Ильич, критикуя Мартынова, Мартова и других вульгаризаторов марксизма.

Что характерно для постановки Лениным вопроса о Парижской Коммуне в этот период?

Во-первых, критикуя упрощенческие взгляды меньшевиков о чисто социалистическом характере движения коммунаров, Ленин разъясняет, что непосредственными

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 26.

² Там же, стр. 28.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 40.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 1—131.

целями Коммуны были задачи демократические. Во вторых, Владимир Ильич ограничивал национально-историческую специфику задач русской революции от задач революции 18 марта 1871 г и предостерегал от слепого повторения всех ее лозунгов¹. Ведь в чем-то Парижская Коммуна стояла в своем развитии дальше революции 1905—1907 гг (во Франции уже прошли буржуазные революции), а в чем-то — позади (меньшая развитость классовых антагонизмов и политического сознания пролетариата).

Эти два положения Владимир Ильич рассматривал в диалектическом единстве, всегда строго соблюдая принцип историзма, и предостерегал от опасности перепрыгивания через этапы революционного движения и от забвения конечных целей борьбы

Каждый раз с высоты достигнутого нового уровня борьбы рабочего класса Ленин обращался к истории Парижской Коммуны как истоку во всемирном развитии пролетарской революции

Вскоре после победы великого Октября Ленин, указывая на преемственную связь двух пролетарских революций — 18 марта 1871 г и 25 октября 1917 г, снова прибегнул к удачно найденному им еще в 1905 г яркому образу « Мы стоим на плечах Парижской Коммуны », — говорил он, теперь уже о советской действительности².

Характеризуя этапы в развитии мирового революционного процесса и прослеживая историческую связь пролетарских революций XX в с революциями XIX в, Ленин никогда не забывал подчеркнуть их существенные различия, коренящиеся прежде всего в различии уровней политического и экономического развития. Призывая глубоко изучать опыт Парижской Коммуны, Владимир Ильич отмечал, что «русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны»³. Незадолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин с уверенностью писал «У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году»⁴.

Именно учет новой исторической обстановки XX в позволил Ленину дальше развивать и обогатить марксистскую

теорию социалистической революции и сделать принципиальной важности вывод о возможности в новых условиях победы социализма первоначально в немногих странах и даже в одной, отдельно взятой стране

Сравнивая и сопоставляя Великую Октябрьскую социалистическую революцию и революцию 18 марта 1871 г, Ленин не ограничивал связь этих двух исторических событий национальными рамками двух стран. Как и всегда, он смотрит на опыт рабочего движения шире, масштабнее, оценивая его с точки зрения мирового революционного процесса в целом, с точки зрения самого высокого в данный момент уровня развития классовой борьбы пролетариата. Сравнивая Парижскую Коммуну с Советской властью, Ленин отмечал, что «из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение»¹

Показательно и замечание Лешина в его тезисах и докладе о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коминтерна 4 марта 1919 года. Владимир Ильич нашел нужным специально отметить на этом международном форуме коммунистов, что «советское движение, охватывая весь мир, на глазах у всех продолжает дело Коммуны»²

Ленин подчеркивал, что со времени революции 18 марта 1871 г международное рабочее движение ушло далеко вперед, что Советская власть смогла осуществить то, чего не удалось сделать парижским коммунарам. В докладе на III Всероссийском съезде Советов 24 января 1918 г, давая сравнительный анализ двух великих пролетарских революций, он отмечал, что Советская власть, просуществовавшая 2 месяца и 15 дней (а это всего лишь на 5 дней больше срока жизни Парижской Коммуны), несмотря на неслыханно тяжелые условия войны и разрухи, находится в неизмеримо более благоприятном положении «Французским рабочим, — говорил В. И. Ленин, — пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысл и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции. Они не имели аппарата, их не поняла страна, — мы

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 11, стр. 132.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 56.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 137.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 35, стр. 261.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 493.

сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима»¹.

Каждый год в жизни нашего государства приносил все новые свидетельства великой жизненной силы дела парижских коммунаров. Их революционное творчество, инициатива и исторические уроки вдохновляли миллионы трудящихся всех стран в борьбе с угнетателями.

В великом поступательном движении народов по пути к коммунизму явственно слышны отзвуки прошлых битв за свободу, слышен голос Парижской Коммуны — первой пролетарской революции.

ЛЕНИН ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПЫТА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В РАЗРАБОТКЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Ленин писал, что «Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»². Уметь конкретно ставить задачи социалистической революции — это в первую очередь правильно определить стратегию и тактику пролетариата в его борьбе, и опыт парижских коммунаров имеет здесь непреходящее значение. К этому опыту то и дело обращался Ленин и в периоды подъема, и в периоды спада революционного движения, и в пору непосредственной подготовки штурма устоев старого мира. В книге «Государство и революция», определяя пути развития революционных событий в России, Ленин уделил одно из центральных мест историческому опыту Парижской Коммуны. «Анализировать этот опыт, — писал он, — извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс»³. И Владимир Ильич призывал следовать примеру основоположников марксизма, учиться у них творческому развитию теории на основе анализа конкретного опыта революционной борьбы рабочего класса.

Анализируя уроки Парижской Коммуны, В. И. Ленин учитывал и объективные и субъективные факторы, определявшие характер развития революции 18 марта 1871 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261—262.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36.

Он показал, что «для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата»¹. Но в XIX в. такие условия еще не сложились, и в этом состояли наиболее глубокие причины поражения Парижской Коммуны.

Если степень экономической зрелости страны для каждого периода величина исторически данная, которую невозможно изменить по желанию (но с которой нельзя не считаться), то степень развития политического сознания масс во многом зависит от сознательных усилий руководителей революционного движения. Этим определяется огромная роль стратегии и тактики пролетарской партии в подготовке и развитии революции. Опыт Парижской Коммуны дал в этом отношении неопределимый материал для обобщения и дальнейшего решения многих насущных задач пролетарского движения.

Для правильного определения стратегической и тактической линии пролетарской борьбы наиболее существенным является точная оценка классовых сил на каждом этапе революционного движения. «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами, — писал В. И. Ленин, — может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)»². Именно под этим углом зрения он рассматривал все события, связанные с возникновением и развитием Парижской Коммуны.

За сложным переплетением разнородных социальных сил, различных общественных течений, политических группировок с их многообразными, порой противоречивыми требованиями Ленин учил видеть главный стержень борьбы, главные направления и тенденции развития, главные борющиеся силы.

Уже в своем первом высказывании о Парижской Коммуне, содержащемся в работе «Что такое «друзья народа»

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

и как они воюют против социал-демократов?», Ленин поставил вопрос о необходимости строгого классового разграничения двух основных борющихся лагерей в революции 1871 года. Критикуя субъективизм Н. К. Михайловского, не понимавшего классовой основы борьбы пролетариата против сил старого общества, Ленин указывал, что «г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернационал не помешал рабочим резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведшим войну»¹.

Об этом же Ленин говорил в 1903 г. в связи с выработкой первой программы РСДРП. Характеризуя позиции последовательных марксистов, Владимир Ильич писал: «...социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия»². А чтобы конкретнее показать характер этого главного противоположения в реальном столкновении борющихся классов сил, Ленин сослался на пример Парижской Коммуны.

Это главное противоположение: «мы — пролетарии», «они — буржуазия» — вот что ни на минуту нельзя упустить из виду, оценивая все многообразие событий весны 1871 г. во Франции.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что основной движущей и руководящей силой революции 18 марта 1871 г. был рабочий класс. Отмечая относительно пестрый в социальном отношении характер движения в начальный период, Ленин в то же время напоминал, что «главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу... Только французские пролетарии без

страха и усталости поддерживали свое правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся»¹. Как ни трагична оказалась судьба восставших рабочих, Парижская Коммуна показала, что только пролетариат способен довести до конца революцию. Вывод о гегемонии пролетариата Владимир Ильич считал одним из самых важных в изучении уроков Коммуны. Он постоянно развивал его на разных этапах революционной борьбы российского пролетариата. Основным условием успешного осуществления гегемонии пролетариата в революционном движении является наличие боевой, последовательно марксистской партии, способной возглавить борьбу пролетариата. Вопрос о руководящей роли пролетарской партии в борьбе за победу социалистической революции, за построение коммунистического общества Ленин считал одним из узловых в марксистско-ленинской теории, в практическом решении всех основных стратегических и тактических задач борьбы рабочего класса. Он указывал, что партия «воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой политики»². В своем анализе уроков Парижской Коммуны он уделял этому вопросу первостепенное внимание.

Еще в 1895 г., разбирая по книге Г. Лефрансе «Очерк движения парижских коммунаров в 1871 году» события, предшествовавшие рождению Коммуны, В. И. Ленин отметил, что первой причиной неудачи выступления пролетариата в Париже 31 октября 1870 г. было «отсутствие всякого руководства со стороны Интернационала»³. В начале революции 1905—1907 гг., обращаясь к урокам борьбы парижских коммунаров, он вновь указал, что для победы рабочего класса нужна «самостоятельная организация пролетариата»⁴. А вскоре после поражения революции Владимир Ильич напомнил, что только партия пролетариата, такая, как российская революционная социал-демократия, могла продолжить дело парижских рабочих и поднять движение масс до высших форм борьбы⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218—219.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 37.

³ «Иностранная литература» 1957, № 4, стр. 16.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

Большое место анализу руководящей роли партии в революции Ленин уделил в своей обобщающей статье «Памяти Коммуны». Остановившись на слабых сторонах движения коммунаров, Владимир Ильич отметил, что в 1871 г. «не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...»¹. Между тем это являлось одним из важнейших условий победоносной социальной революции.

Положения Ленина о гегемонии пролетариата и руководящей роли партии в революциях новой исторической эпохи носили всеобъемлющий характер, служили фундаментом для разработки марксистской стратегии и тактики.

В раскрытии основных стратегических принципов огромное значение имел анализ Ленинным двух ключевых вопросов революции 1871 года: 1) проблемы взаимоотношений пролетариата и буржуазии и 2) проблемы взаимоотношений пролетариата и крестьянства.

Оценка роли буржуазии в данной революции содержится почти во всех ленинских работах, где он касается уроков Парижской Коммуны. Вопрос о том, как поведет себя буржуазия и ее отдельные слои в связи с развитием революционного движения пролетариата, являлся одним из наиболее острых и для России. И хотя в начале нынешнего века перед страной стояли задачи буржуазно-демократической революции, руководящая роль пролетариата в революционном движении новой эпохи определилась вполне ясно. В качестве ближайшей исторической перспективы стоял вопрос не только о победе демократической революции, но и ее перерастании в социалистическую. В этом заключалось известное сходство условий, определявших позицию буржуазии в революции 1871 г. во Франции и в российской революции. Это позволяло Ленину не раз сравнить поведение русской и французской буржуазии.

Накануне революции 1905—1907 гг., разбирая главные уроки исторических событий 1871 г., Ленин в одном из конспектов доклада о Парижской Коммуне выделил сле-

дующий тезис: «Неустойчивость буржуазной демократии»¹. А в начале революции в «Плане чтения о Коммуне» он раскрыл суть этого тезиса: «Уроки: буржуазия пойдет на все. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы»².

К этому вопросу, но несколько с иной стороны Ленин возвращался в 1908 году. Позицию буржуазии он рассматривал на примере деятельности во Франции так называемого «правительства национальной обороны», которое пришло на смену обанкротившемуся режиму Наполеона III. Анализируя эти события, Владимир Ильич дает интересное сравнение. «Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготавливая ее, — отмечал он, — имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения»³. Способна ли буржуазия вывести страну из кризиса? Может ли она решить наболевшие социальные проблемы? Анализируя события во Франции в связи с российской действительностью, Ленин дал на эти вопросы исчерпывающий ответ. «Буржуазия, — писал он, — составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом»⁴.

Сравнивая позиции русской буржуазии в начале XX в. и французской буржуазии в прошлых революциях, Ленин показал, что буржуазия в России не только пойдет по тому же пути предательства революции, но и поведет себя еще более реакционно. «Антагонизм пролетариата и буржуазии, — отмечал он, — у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 гг., поэтому буржуазия будет больше бояться пролетарской революции и скорее бросится в объятия реакции»⁵. Этот ленинский вывод полностью подтвердила история.

Но Ленин не ограничился общей характеристикой контрреволюционного лагеря. Он рассмотрел также пове-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 488.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

⁴ Там же, стр. 451.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 381.

дение тех представителей буржуазных и мелкобуржуазных течений, которые по тем или иным причинам временно примкнули к коммунарам. В статье «Памяти Коммуны» он писал: «Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддерживали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию... Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение»¹.

Таким образом, Ленин четко фиксирует эволюцию движения различных социальных сил в ходе борьбы, показывает, в каком направлении идет поляризация классовых величин, какие течения необходимо отпадают от пролетариата. И рабочий класс должен быть готов к этим испытаниям, чтобы нейтрализовать колебания временных попутчиков из мелкобуржуазного и либерального лагеря.

Означало ли это, что пролетариат ни при каких условиях не должен блокироваться с революционной буржуазной демократией? Анализируя опыт революции 18 марта 1871 г., Ленин дал ответ и на этот вопрос. При решении демократических задач революции, отмечал он, «участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно»².

Вместе с тем Ленин постоянно напоминал, до каких пределов возможно совместное движение, где дороги пролетарской и мелкобуржуазной демократии неминуемо разойдутся. Перефразируя строчку одного стихотворения Валерия Брюсова, который в период революции 1905—

1907 гг. занимал анархистские позиции, Ленин отвечал мелкобуржуазным революционерам их же словами: «Ломать мы будем вместе, строить — нет»¹.

Эта фраза очень точно характеризует и взаимоотношения разных социальных течений в Парижской Коммуне. Основная масса мелкобуржуазных демократов, примкнувших вначале к парижским рабочим, позднее — как писал об этом Ленин — от них отшатнулась.

В статье «Великий отход», написанной в июне 1917 г., Ленин, разбирая причины отхода российских вождей меньшевизма и народничества от революции, показал суть их мелкобуржуазной неустойчивости и назвал это «луиблановской природой». В этой связи Владимир Ильич напомнил, что «Луи Блан — знаменитый мелкобуржуазный социалист, вошедший в правительство в 1848 году и столь же печально прославивший себя в 1871 году»². Луи Блан оказался в стане версальцев, он был, как писал Ленин, «хвостом буржуазии, игрушкой в ее руках»³.

Одной из важнейших проблем в разработке стратегической и тактической линии пролетарской партии на различных этапах революции Ленин считал вопрос о позиции крестьянства. Анализируя уроки Парижской Коммуны, он неоднократно возвращался к этому вопросу. Известно, что окруженные версальскими и немецкими войсками парижские коммунары не смогли установить сколько-нибудь прочного контакта с провинциями и привлечь на свою сторону широкие крестьянские массы. В сентябре 1917 г., показывая преимущества большевиков перед парижскими коммунарами, Ленин отметил, что Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам. Он считал крайне важным замечание Маркса о том, что три месяца свободных сношений «коммунального Парижа» с провинциями принесли бы «всеобщее крестьянское восстание». Это место из работы Маркса «Гражданская война во Франции» Ленин специально выписал в свой конспект «Марксизм о государстве», трижды подчеркнул его, а на полях поставил крупное «NB»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 288.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 314.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 223. Показательно, что приведенное высказывание Маркса привлекло внимание Ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 248.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 432.

Ленин отметил, что буржуазной коалиции контрреволюционных сил, поддержанной Бисмарком, «удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата»¹

И все же история Парижской Коммуны дала много поучительного для обоснования идеи союза рабочего класса и крестьянства. Впервые ее опыт был рассмотрен Лениным в 1903 г во время обсуждения проекта программы партии на II съезде РСДРП. Полемизируя с представителем Бунда М. И. Либером, Ленин говорит: «Нельзя отрицать, как это делает тов. Либер, что возможен переход и *слоя* (того или иного) трудящегося и эксплуатируемого населения на сторону пролетариата. Вспомните, что в 1852 г Маркс, имея в виду восстания французских крестьян, писал (в «18 брюмера»), что крестьянство выступает то представителем прошедшего, то представителем будущего: к крестьянину можно апеллировать, имея в виду не только его предрассудок, но и его рассудок. Припомните дальше, что Маркс признавал позднее совершенно правильным утверждение коммунаров, что дело Коммуны есть также дело крестьянства»². В И Ленин имел здесь в виду то место из работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», где говорилось, что «Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!»»

Это программное заявление коммунаров было вновь разобрано Лениным в канун революционных событий в России 1917 года. Рассматривая взаимоотношения Коммуны и крестьянства, Ленин записал: «Коммуна спасала

нина еще в 1905 году. В его «Плане чтения о Коммуне» имеется такая запись: «Коммуна и крестьяне. В 3 месяца было бы все иначе!» К этому месту Владимир Ильич дал подстрочное примечание, выделив такую фразу: «*Сделано еще очень мало!*» (В И Ленин Полн собр соч, т 9, стр 330)

¹ В И Ленин Полн собр соч, т 20, стр 219. С этой цитатой из статьи «Памяти Коммуны» перекликается другое замечание Ленина, сделанное им уже в советский период в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В И Ленин считал нужным еще раз напомнить, что «часть эксплуатируемых из наименее развитых средних крестьянских ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор все революции, Коммуна в том числе» (В И Ленин Полн собр соч, т 37, стр 263)

² В И Ленин Полн собр соч, т 7, стр 270, К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 17, стр 348

парижскую мелкую буржуазию, — она была права, заявляя крестьянам, что ее победа — их единственное спасение»¹.

Ленин все время подчеркивает мысль, что Парижская Коммуна объединяла «интересы рабочих и большинства крестьян»². В этой связи он подробно останавливается на многих высказываниях основоположников марксизма и на базе всего последующего опыта революционной борьбы, особенно России, развивает дальше идею союза рабочего класса и крестьянства. Так, в книге «Государство и революция», процитировав слова Маркса о том, что Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство, Ленин делает следующее важное для марксистской теории заключение: «Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращаются либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства»³. Таким образом, показывая глубокую заинтересованность абсолютного большинства крестьян в разрушении буржуазного уклада общества, Ленин вскрывает объективную основу для присоединения крестьянства к борьбе рабочего класса.

В то же время Ленин указывал на относительную узость социальной базы Парижской Коммуны, напоминая, что в силу сложившихся обстоятельств характер первого рабочего правительства, его цели не были усвоены и поддержаны громадным большинством крестьян Франции. В речи на III Всероссийском съезде Советов Ленин, сопоставляя завоевания Великого Октября с Парижской Коммуной, отмечал, что парижских рабочих «не поняла страна, — мы сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, беззаветной поддержкой гигантского большинства масс»⁴.

В 1871 г был еще только намечен путь к союзу рабо-

¹ В И Ленин Полн собр соч, т 33, стр 222—223

² Там же, стр 44

³ Там же, стр 44—45

⁴ В И Ленин Полн собр соч, т 35, стр 262

чего класса и крестьянства. В странах континентальной Европы того времени, как отмечал Ленин, пролетариат не составлял большинства народа. Но рабочий класс вел борьбу в интересах широких трудящихся масс и должен был их привлечь на свою сторону. Это позволило Ленину сделать в книге «Государство и революция» важный вывод, что Парижская Коммуна пробивала себе дорогу к союзу рабочего класса и крестьянства, хотя и не достигла цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера¹.

На основе исследования опыта Парижской Коммуны Ленин показал, как важна правильная постановка крестьянского вопроса при выработке стратегической линии партии и на буржуазно-демократическом и на социалистическом этапах революции. Крестьянство — это многомиллионные массы, а позиция масс не может быть игнорирована в революционной борьбе пролетариата. Недаром Ленин разъяснял, что «политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы»². Марксизму-ленинизму чуждо какое-либо политическое сектанство, чужд бланкистский подход к решению коренных задач социальной революции. Ленин в 1917 г., определяя задачи партии на путях перехода от первого этапа революции ко второму, в своих знаменитых Апрельских тезисах и других выступлениях того периода снова вспоминал историю Парижской Коммуны³. В «Письмах о тактике» Ленин писал: «Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г.⁴, совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство большинства и активность масс лишь в мере сознательного выступления самого большинства»⁵.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 40.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 16.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116, 117—118, 135, 142—143, 146, 162—163, 180, 243—244, 245, 288—289, 354, 481 и др.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339—354; т. 22, стр. 189—201.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 138.

История Парижской Коммуны дала богатейший материал и для определения многообразных тактических задач и для изучения конкретных приемов борьбы пролетариата в революции. Ленин всегда придавал большое значение этой стороне дела и ставил здесь в пример отношение Маркса к вопросам военной тактики парижских коммунаров. «...Маркс,— указывал Владимир Ильич,— не проникся премудростью пескарей, боящихся обсуждать *технику* высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно *технические* вопросы восстания»¹.

В. И. Ленин показал, что парижский пролетариат достиг высших форм своей борьбы — массового вооруженного восстания и гражданской войны. Всем, кто не понимал этой истины, он настойчиво разъяснял, что Парижская Коммуна — это гражданская война. Продемонстрировав наглядный образец превращения войны буржуазных правительств в войну классовую, гражданскую, Коммуна обогатила своим опытом рабочее движение. В начале первой мировой войны в манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» Ленин, ссылаясь на опыт Коммуны, указывал, что превращение современной империалистической войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг². В противовес западноевропейским и русским социал-шовинистам он всесторонне обосновал этот лозунг. Выступая в январе 1917 г. перед швейцарской рабочей молодежью в Цюрихе с докладом о революции 1905 г., он вновь обратился к опыту Коммуны и подчеркнул необходимость для передового отряда пролетариата готовить себя к тому, чтобы «в момент глубочайшего брожения в народе» (имелась в виду революция) стать во главе революционной армии³.

Ленин внимательно фиксировал не только удаchi парижских коммунаров, но и промахи. Сопоставляя их тактику с тактикой восставших рабочих России в 1905 г., он отметил, что, несмотря на отличие целей и задач, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, к гражданской войне. Но война имеет свои законы. И как раз одной из ошибок парижского пролетариата было то, что он «пренебрег значением чисто военных действий

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 377.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 22.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 319.

в гражданской войне»¹. Бывают моменты, когда интересы революции требуют беспощадного подавления врагов в открытых боевых схватках. «Впервые,— отмечал В. И. Ленин,— показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании»².

Большое внимание Ленин уделял разработке тактики уличной борьбы пролетариата и ее применению в русских условиях. В связи с этим он обстоятельно изучил и участвовал в переводе мемуаров генерала Коммуны Кюзере.

В этих материалах содержались практические советы Кюзере восставшим рабочим: как надо готовиться к уличной борьбе, как строить оборонительные сооружения, какую целесообразно применить тактику в обороне и какую в наступлении, какое самое эффективное и доступное оружие готовить и использовать в баррикадной борьбе, какие применять военные хитрости, как планировать наступление и какие опорные пункты в первую очередь захватывать и т. д. и т. п.³ Ленинская редакционная правка перевода мемуаров Кюзере показывает, как тщательно готовил Владимир Ильич эту важную публикацию, вникая во все тонкости перевода и в саму специфику военного материала. Важнейшие места Ленин дал в своем переводе. Вот, например, как выправил (а фактически перевел заново) Владимир Ильич следующий важный абзац.

Начальный перевод В. Филатова: «В уличной борьбе восставший народ должен всегда держаться наступательной политики, быть впереди неприятеля, но вести борьбу всегда из закрытых мест».

Перевод В. И. Ленина: «В уличной борьбе восставший народ должен всегда держаться наступательной тактики, предупреждать неприятеля, но держаться всегда под прикрытием»⁴.

Ленин тщательно работает над переводом конкретных практических советов Кюзере, как лучше восставшим защитить свои баррикады: «Перед баррикадами забросать

по улицам на возможно большем протяжении битого бутылочного стекла, наложить досок с вколоченными в них гвоздями острием кверху. Если бомбы имеются в достаточном количестве, положить их, искусно прикрывши, однако так, чтобы они могли взорваться. Если же бомб мало, лучше приберечь их и бросать их для защиты сверху из домов. Все эти меры предпринимаются главным образом против кавалерии. За баррикадами не следует оставлять ни одного человека»¹.

Полностью в ленинском переводе был дан и пункт указаний Кюзере о составлении плана наступления: «Заранее точно назначить, где будет главный штаб революционеров до тех пор, пока они не захватят главного намеченного пункта, и уведомить о месте нахождения штаба начальников отрядов»².

В предисловии к публикации мемуаров Кюзере в газете «Вперед» Ленин указывал, что «оригинальные мысли Кюзере должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западноевропейских товарищей»³. И Ленин в ряде своих работ показал, как по-марксистски надо развивать науку революционной борьбы. Он всесторонне обосновал положение о том, что восстание — это искусство.

В то же время Ленин подчеркивал, что пролетариат не должен пренебрегать, когда это возможно, и мирными средствами борьбы, которые особенно необходимы в период подготовки к революции⁴.

Одним из узловых вопросов тактики Ленин считал определение настроения масс в революции, степени их политической зрелости, предвидение хотя бы в общей форме того, как они поведут себя в предстоящем конфликте и в дальнейшем развитии событий. Учитывая опыт Парижской Коммуны, Ленин в «Письмах о тактике» указывал на необходимость терпеливой, настойчивой, приспособленной к практическим потребностям масс разъяснительной работы. Воздействуя на массы, партия должна в то же время учиться у масс. Идеологическая работа в массах не может быть чем-то внешним по отношению к их революционному

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

² Там же, стр. 454.

³ См. «Вперед» № 11, 23 (10). III. 1905 г.

⁴ Наглядно разночтения в этих переводах даны в Ленинском сборнике XXVI, стр. 358. Французский текст книги Кюзере: «Dans les guerres de rue, l'insurgé doit toujours maintenir l'offensive et aller de l'avant, mais toujours à couvert» (Mémoires du général Cluseret. T. II, Paris, 1887, p. 278).

¹ Ленинский сборник XXVI, стр. 360

² Там же, стр. 359.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 347.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 454.

творчеству, даже если события стали развиваться не так, как предполагалось. Маркс, отмечал Ленин, предсказывал неизбежность поражения восстания в Париже. Но когда рабочие поднялись на борьбу, он, не задумываясь, поддерживал их. «Маркс,— писал В. И. Ленин,— хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы...»¹.

Вырабатывая тактическую линию партии в революционной борьбе, Ленин предупреждал, что здесь нельзя предусмотреть все возможные повороты событий, все перипетии предстоящей борьбы. «...Попытка учесть наперед шансы с *полной точностью*,— напоминал Ленин в связи с опытом коммунаров,— была бы шарлатанством или безнадежным педантством»². Руководство вооруженной борьбой требует большой гибкости, инициативы, умения вовремя извлечь тот или иной урок, быстро предотвратить или исправить ту или иную ошибку.

В классическом труде, посвященном марксистской стратегии и тактике,— в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин отмечал: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их»³. Основоположники марксизма-ленинизма не только подробно изучали весь позитивный опыт Парижской Коммуны, но также внимательнейшим образом проанализировали и все ошибки коммунаров, извлекая из них полезные уроки для новой борьбы пролетариата. С восхищением писал Ленин о Марксе, как тот, «не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение, которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо»,— и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «свиней»»⁴.

Одной из наиболее серьезных тактических ошибок коммунаров, о которой часто говорили Маркс, Энгельс и Ленин, была оборонительная тактика в гражданской войне, недостаточная решительность действий по отношению к версальцам. Излишнее великодушие пролетариата пагубно сказалось на ходе борьбы. «...Надо было истреблять своих врагов,— отмечал В. И. Ленин,— а он старался мо-

ралью повлиять на них... и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе»¹. Готовя российский пролетариат к решающему штурму буржуазной власти, Ленин в сентябре 1917 г. напомнил об этих ошибках коммунаров. «...Большевики,— указывал он,— все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить»².

Правильная тактика борьбы основана не только на учете возможностей революционных сил, но и на реальной оценке сил контрреволюции. В. И. Ленин предлагал внимательно изучать приемы и методы борьбы враждебного лагеря и быть готовым к его действиям. Гражданская война во Франции 1871 г., отмечал он, научила восставший класс тому, что первой акцией контрреволюционного лагеря всегда является попытка разоружения пролетариата с помощью насилия и обмана. В связи с этим Ленин неоднократно вспоминал, как в 1871 г. Тьер пытался отнять пушки у национальной гвардии.

Ленин предупреждал о решимости и русской буржуазии разоружить рабочих³. Вопрос о вооружении пролетариата Ленин считал одним из главных в революционной борьбе.

Революционный пролетариат должен был считаться и с постоянной готовностью контрреволюции призвать на помощь армии соседних государств. Ссылаясь на опыт революций во Франции, и в частности 1871 г., Ленин отмечал, что реакция неоднократно прибегала к внешней интервенции для борьбы с восставшим народом⁴. То же было и в России. В годы первой русской революции Ленин констатировал: «Русское правительство против русского народа призывает на помощь иностранные войска». И далее Владимир Ильич отмечал, что таков урок истории: «Так всегда бывало и так всегда будет»⁵. Об этом же Ленин говорил и в канун социалистической рево-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 378.

² Там же, стр. 378—379.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 18.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 378.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452—453.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 137.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 15.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 11.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 302.

люции в России, в сентябре 1917 года. Он предупреждал, что корниловские генералы «способны открыть немцам фронт в Галиции и перед Ригой, и перед Петроградом»¹. Такова логика поведения сил контрреволюции; корниловцы здесь мало чем отличались от версальцев.

Пролетариат России, его передовой отряд в лице Коммунистической партии Ленина, другие народы, восставшие против капиталистического рабства, многому научились на опыте парижских коммунаров. И если Октябрьская революция 1917 г., как и последующие социалистические революции в ряде других стран, были победоносными, то это во многом объясняется глубоким творческим усвоением великих исторических уроков Парижской Коммуны, это значит, страдания и жертвы революционного Парижа были не напрасны.

ЛЕНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ КАК ГОСУДАРСТВЕ НОВОГО ТИПА

Говоря о всемирно-историческом значении Парижской Коммуны, Ленин в первую очередь подчеркивал, что в 1871 г. пролетариатом была предпринята первая попытка создания своего государства, государства нового типа — без эксплуататоров, без угнетения человека человеком, без старого аппарата насилия господствовавшего меньшинства. «Это было невиданным в истории событием, — писал Ленин. — До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т. е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату»².

Таков был политический результат провозглашения Парижской Коммуны. Но в современном обществе, как отмечал Ленин, пролетариат, поработенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбив цепей, которые приковывают его к капиталу. «Вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т. е. начать стремиться к

ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя»¹.

Здесь Ленин ясно обозначил тесную взаимосвязь между политическими и экономическими преобразованиями в ходе пролетарской революции. Эти две стороны единого процесса создания нового общества, нового типа государства Ленин постоянно прослеживает в своих работах, анализируя разнообразные мероприятия Парижской Коммуны (взять хотя бы его доклады 1904 и 1905 гг.² или статью «Памяти Коммуны»³). Но наиболее полное развитие эта тема получила в книге «Государство и революция».

Опираясь на труды Маркса и Энгельса, Ленин в своем исследовании обращает внимание на два ключевых положения:

«Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое»⁴.

Парижская Коммуна, отмечал Ленин, «показала, что к социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров»⁵. Развивая кардинальные положения марксизма о диктатуре пролетариата, Ленин на основе последующего исторического опыта создает стройное учение о государстве нового типа как необходимом орудии в руках пролетариата для построения социалистического и коммунистического общества.

Первостепенное значение имел здесь опыт возникших в России (в 1905, а затем в 1917 г.) Советов рабочих и солдатских депутатов, которые пошли по тому же пути, который впервые был указан Парижской Коммуной. И показательно, что уже в 1908 г., по окончании первой русской революции, Ленин сравнил Советы в России с Па-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 486—487, 490—491; т. 9, стр. 329—330.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 217—222.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 56.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 439.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 214.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

рижской Коммуной, указав на общность методов борьбы за утверждение власти рабочего класса¹. Через несколько дней после Февральской революции в России Ленин заявляет о необходимости для пролетариата такого государства, каким «по существу была Коммуна 1871 г. и *Советы рабочих депутатов* 1905 и 1907 годов»².

В дальнейшем Владимир Ильич неоднократно проводил сравнение этих форм пролетарской государственности, все более и более подробно рассматривал их функции, их существо³. В результате весной 1917 г. Ленин впервые в марксистской науке дал обобщенную характеристику нового типа власти, создаваемой революционным творчеством рабочих и крестьян. В статье «О двоевластии» он называет такие признаки революционной власти трудящихся:

«1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего».

Обрисовав эти черты новой власти, Ленин заключал: «В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства»⁴.

Особенно подробно вопрос о политической сущности Парижской Коммуны рассматривается Лениным в книге «Государство и революция». В этом произведении, преж-

де чем подойти к характеристике государства Парижской Коммуны, Владимир Ильич считал важным в специальном разделе рассмотреть вопрос: что же самое главное в учении Маркса о классовой борьбе пролетариата? Этим главным, указывал Владимир Ильич, является учение о диктатуре пролетариата. Лишь тот вправе называть себя марксистом, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата¹.

Большое внимание этой стороне вопроса Ленин уделил в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной уже в советский период. Первый раздел этой книги, как известно, посвящен истории разработки Марксом и Энгельсом теории самого главного для всех стран вопроса всей пролетарской классовой борьбы — диктатуры пролетариата на основе опыта революций 1848 и 1871 годов. Через весь этот раздел проводится та идея, что ««диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той же задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) Маркс и Энгельс, учитывая опыт революций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет*»². Ленин разоблачил каутскианскую фальсификацию понятия «диктатуры пролетариата», замалчивающую необходимость революционного насилия со стороны угнетенного класса над угнетателями. Он глубоко раскрыл пути развития подлинной социалистической демократии. Вывод, сделанный Лениным, охватывает важнейшие изменения, происшедшие в области государственного управления за первый год после Октября 1917 года. «...В России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам, *и* *х* Советами заменили чиновников, *или* *и* *х* Советами поставили над чиновниками, *и* *х* Советами сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»³.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 242.

³ Там же, стр. 258—259.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 454.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 76—77.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116, 117—118, 135, 138—139, 142—143.

⁴ Там же, стр. 146.

В ходе социалистического строительства Советскому государству, понятно, пришлось решать многие вопросы иначе, чем они были поставлены революцией 18 марта 1871 года. Однако в главном Парижская Коммуна и Советы — однотипная власть, суть которой составляет диктатуру пролетариата. «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов, создавших Советы рабочих депутатов и ряд подобных организаций, — писал Ленин после победы Февральской революции, — подтвердил тем самым опыт Парижской Коммуны, состоящий в том, что пролетариату необходимо государство для переходного периода к социализму...»¹.

Политический смысл и юридическое выражение диктатуры пролетариата как государства нового типа состоят в том, что она является, по словам Ленина, государством «*по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)»². В силу этого, с одной стороны, всемерно развязывается инициатива масс, без чего немыслимо выполнение задач социалистического преобразования общества в целом, с другой, — разбитые эксплуататорские классы отсекаются от новой власти и лишаются возможности активно воздействовать на социальную жизнь в стране.

Ленин отмечал, что «Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия»³. В конспектах и планах ленинских рефератов о Парижской Коммуне перечисляются наиболее существенные политические мероприятия, которые успели провести коммунары. Здесь мы находим такие пункты:

- отделение церкви от государства;
- уничтожение постоянной армии;
- уничтожение бюрократизма;
- полноправие иностранцев;
- самоуправление общин;
- введение бесплатного обучения⁴.

По своему содержанию большинство политических реформ, осуществленных Парижской Коммуной, не выходило

еще за рамки требований буржуазно-демократических революций. Ленин напоминал, что «реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум»»¹. Это закономерный этап начального развития социалистической революции, когда как бы «мимоходом» разрешаются необходимые демократические задачи, которые никогда не доводят до конца буржуазные революции.

Вместе с тем в ряду политических мероприятий Парижской Коммуны были и такие, которые выходили уже за рамки простого буржуазного демократизма и, по выражению Энгельса, «отчасти глубоко врывались в старый общественный порядок»², например отмена постоянной армии и замена ее вооруженным народом, ликвидация привилегий высших чиновников, а главное, создание нового государственного аппарата. Осуществить подобные мероприятия, указывал Ленин, может только пролетариат, и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства³.

Эту главную, социалистическую перспективу развития Ленин всегда считал нужным отметить, даже тогда, когда специально разъяснял — тем кто этого не понимал — общедемократический характер большинства практических реформ Коммуны. В этом отношении характерна правка, которую сделал Владимир Ильич в 1905 г., редактируя статью А. В. Луначарского «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» для большевистской газеты «Пролетарий». В начальном тексте рукописи Луначарского мы читаем:

«Но, быть может, все же целью Коммуны был полный социалистический переворот? У нас ведь не может быть таких иллюзий»⁴.

Ленин сделал в приведенном тексте одно лишь исправление: перед существительным «целью» добавил прилагательное «непосредственной»⁵. И как изменился смысл

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 132.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 195.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 45.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, л. 67.

⁵ Общий текст статьи с выделением правки В. И. Ленина приведен в кн.: «Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы». М., 1971, «тр. 577—582.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 484.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 486—487, 490; т. 9, стр. 329—330.

фразы: ведь, казалось бы, небольшая литературная неточность начального текста фактически означала отрицание пролетарского характера революции 1871 г., что было бы грубой ошибкой.

Характерна и работа В. И. Ленина над своей статьей «Социал-демократия и временное революционное правительство». В начальном варианте статьи есть такая фраза: «Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве прожженных панамистов с участием Варлена в Коммуне [не задававшей целью социалистической революции], отстаивавшей и отстаившей республику...»¹. Подготавливая к публикации текст этой статьи, Ленин снял слова: «не задававшей целью социалистической революции». В таком исправленном виде статья и была опубликована в большевистской газете «Вперед»².

Таким образом, Владимир Ильич внимательно следил за формулировками, исправляя все, что могло бы дать основание ограничить задачи Парижской Коммуны лишь ближайшими целями или, наоборот, забыть о них.

Проблема перехода от буржуазно-демократических задач к социалистическим всегда была одной из излюбленных тем фальсификаций истории Парижской Коммуны со стороны буржуазных и мелкобуржуазных социологов. Некоторые из них пытаются представить свои теории в словесном марксистском обличье.

Едва ли не первым вступил на этот бесславный путь Карл Каутский, который под флагом «защиты» демократической традиции коммунаров пытался опорочить мероприятия преемницы Парижской Коммуны — Советской власти.

В. И. Ленин решительно разоблачал ревизионистские уловки Каутского. В частности, по поводу демагогического утверждения Каутского насчет того, что Коммуна-де была избрана всеобщим избирательным правом, В. И. Ленин с возмущением писал в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеоб-

щим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции?»¹.

Анализ процесса рождения пролетарской демократии и формирования социалистической государственности на примере опыта Парижской Коммуны — одна из ярких страниц величайшего марксистского исторического исследования, каким является книга Ленина «Государство и революция». Ленин учит читателя диалектике познания, показывает, как из старого рождается новое, как количественные изменения приводят к коренным качественным сдвигам. Так, анализируя, к примеру, мероприятия коммунаров по разрушению бюрократического и военно-политического аппарата, Владимир Ильич отмечает, что старую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией, но на самом деле это «только» означало замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. «Здесь, — как глубоко подметил Владимир Ильич, — наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью.., превращается из буржуазной демократии в пролетарскую...»².

В исследовании процесса рождения новых государственных отношений Ленин обратил внимание на ту грань развития, где последовательная демократия, «с одной стороны, превращается в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма»³.

Этот переход к социалистической демократии, к социалистическому государству не может произойти эволюционным путем; пролетариат не может взять в готовом виде старую государственную машину и приспособить ее для своих нужд — ведь вся направленность этой машины, весь ее механизм был построен в интересах эксплуататорского меньшинства во имя угнетения масс. А раз так — вставал вопрос: как быть с этим старым государственным ап-

¹ Ленинский сборник XXVI, стр. 175—176.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 8.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 42.

³ Там же, стр. 78.

паратом? Ответ и на этот вопрос был дан Парижской Коммуной. Ленин подчеркивал, что единственное добавление, которое счел нужным позднее внести Маркс в «Коммунистический Манифест», было сделано им на основе революционного опыта парижских коммунаров. Суть этого добавления состояла в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее. Вывод этот Ленин считал настолько важным, что ему посвятил специальный параграф своей книги «Государство и революция».

Но было бы упрощением понимать этот слом как отрицание всякой преемственной связи в развитии государственных форм от буржуазной демократии к пролетарской. Разрушить старую государственную машину — не значит отказаться от всех полезных для пролетариата частей ее.

В. И. Ленин развил эту идею, опираясь на новые данные эпохи империализма. Рассмотрев различные стороны «механизма общественного хозяйничания» при империализме, он пришел к выводу: «Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров...»¹.

Ленин впервые показал, что капитализм создал не только невиданные ранее производительные силы, но и аппарат по управлению ими, и при условии его демократизации он вполне может быть использован пролетарской революцией.

«Капитализм, — писал Ленин, — упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров»².

Другой пример. Отношение Ленина к парламентаризму. Известно, что Ленин беспощадно критиковал буржуазный парламентаризм как политическое надувательство масс, как государственную форму классового господства эксплуата-

торов. Обосновывая необходимость уничтожения этой системы, Ленин вместе с тем, на основе опыта Парижской Коммуны, поставил задачу сохранения в государстве представительных учреждений, без которых «мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии...»¹.

Выход из парламентаризма, указывал Ленин, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилки в работающие учреждения. И Владимир Ильич тут же напоминал слова Маркса о том, что Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы².

Парижская Коммуна, как показал Ленин, была особой, найденной революционным творчеством масс, формой демократического централизма, а именно, всесторонним развитием демократии, местного самоуправления в централизованной республике. Конспектируя работу Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», Ленин записал: «Теоретически особенно **NB** соединение диктатуры пролетариата с полнейшим местным самоуправлением». Ставя вопрос, чем объединить и связать в государстве нового типа органы местного самоуправления («вполне демократические общины»), он отвечал: «вооруженным централизованным пролетариатом». Формой выражения этого демократического централизма является, как отмечал Ленин, полнейшее самоуправление «внизу, на местах» и прямая власть вооруженного пролетариата, его диктатуры «наверху»³.

Нет ли здесь противоречия, противоположения центральных и местных органов власти? Отвечая на такое ограниченное представление о сути пролетарского демократического централизма, Ленин вслед за Энгельсом писал: «Централизм для Энгельса несколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

² См. там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 154, 155

⁴ Там же, стр. 73.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

² Там же, стр. 49.

Ленин неоднократно отмечал, что Коммуна предостав ляла самоуправление всем своим местным органам¹. Одно временно он высмеивал утверждения ревизионистов, будто бы Коммуна не была централизованным государством. В этой связи Владимир Ильич вспоминал, что Маркс на- рочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом яв- ляются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уни- чтожить единство нации, отменить центральную власть². Вскоре после победы Октябрьской революции Владимир Ильич счел нужным еще раз напомнить «Парижская Ком- муна показала великий образчик сочетания почина, само- стоятельности, свободы движения, энергии размаха сни- зу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши Советы идут по тому же пути»³.

Ленин разъяснял, что Коммуна боролась с Версалем как рабочее правительство Франции против буржуазного⁴. Парижская Коммуна выступила от имени и в интересах трудовой Франции как общенациональное рабочее прави- тельство. Разоблачая всех фальсификаторов истории, пы- тавшихся представить Парижскую Коммуну как дело рук кучки заговорщиков, Ленин показал, что это было великое, массовое движение пролетариата.

Будучи представителем всех здоровых, прогрессивных сил французской нации, государство Парижской Коммуны в то же время по самому существу своих целей выражало интернациональные стремления рабочих всего мира «Ибо Коммуна, — как писал Ленин, — боролась не за какую-ни- будь местную или узконациональную задачу, а за освобож- дение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных»⁵. В этом великий гуманистический смысл интернационального рабочего знамени Парижской Комму- ны, в этом истоки ее нового, подлинного демократизма, раз- вивающегося под защитой диктатуры пролетариата.

Ленин учил, что развитие демократии до конца, изы- скание форм такого развития, испытание их практикой — все это есть одна из составных задач борьбы за социалисти- ческую революцию «Отдельно взятый, никакой демокра-

тизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразо- вание, подвергать влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории»¹.

Проанализировав демократические мероприятия Па- рижской Коммуны, которые являлись «мостиком, веду- щим к социализму», Ленин в книге «Государство и рево- люция» сделал следующее важнейшее обобщение «Эти мероприятия касаются государственного, чисто политиче- ского переустройства общества, но они получают, разу- меется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуще- ствляемой или подготовляемой «экспроприацией экспро- приаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность»².

Однако, как известно, Парижская Коммуна так и не дошла до радикальных экономических преобразований, и в этой области ею было сделано не так уж много. И тем не менее, то, что удалось осуществить Коммуне, имеет все- мирно историческое значение и, по замечанию Ленина, «до- статочно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабо- чего правительства»³. Ленин отмечал такие экономические реформы парижских коммунаров, как:

запрещение ночной работы булочников;
отмена штрафов,
передача пустующих фабрик рабочим;
приостановка продажи залогов, отсрочка платежа (квартирной платы),
пенсионное обеспечение вдов и др.⁴

По своему значению (и в отношении глубины социаль- ного охвата и в отношении сфер применения) эти реформы далеко не равнозначны. Одни из них касались внутренней муниципальной деятельности (пенсионное законодатель- ство), другие — затрагивали интересы торгово-ростовщи- ческого капитала (отсрочка долгов, залогов, квартирной платы), третьи — ограничивали действия промышленников и шли в направлении рабочего контроля за производством

¹ См В И Ленин Полн собр соч т 8, стр 487, 490, 493

² См В И Ленин Полн собр соч т 33, стр 54

³ В И Ленин Полн собр соч, т 35, стр 203

⁴ См В И Ленин Полн собр соч, т 37, стр 248

⁵ В И Ленин Полн собр соч, т 20, стр 221

¹ В И Ленин Полн собр соч т 33, стр 79

² Там же стр 44

³ В И Ленин Полн собр соч, т 20, стр 220

⁴ См В И Ленин Полн собр соч, т 8, стр 487, 491, т 9, стр 330, т 33, стр 222, 223

(запрещение штрафов, ночной работы булочников), четвертые — в определенной степени носили уже социалистический характер (передача пустующих фабрик в управление рабочим).

Особенно в ряду законодательных актов Парижской Коммуны Ленин обращал внимание на декрет 16 апреля 1871 г. (назвав его «знаменитым декретом»), по которому все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства¹. В декрете указывалось на необходимость разработки практических мер, с помощью которых можно было бы немедленно пустить в ход эти мастерские, «но уже не силами дезертиров, которые их бросили, а кооперативной ассоциации рабочих, которые были заняты в них»².

Однако главных шагов по пути к социализму в области экономики, таких, как «экспроприация экспроприаторов», национализация банков, Парижская Коммуна не сделала. Как писал Ленин в статье «Памяти Коммуны», «пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов»³.

Из этого анализа слабостей Парижской Коммуны вытекают не только уроки на будущее в отношении последующего развития пролетарской революции и создания дальнейших, решающих предпосылок социалистического способа производства, но и встает большой теоретический и практический вопрос: *на каких путях* можно решить эту задачу. «Экспроприация экспроприаторов», «захват банка» — это еще не все для победы нового общественного строя. Нужно также знать, как рабочему классу лучше использовать полученные средства производства, что делать с национализированным банком. Здесь не пригодны и прямо вредны прудонистские и другие упоминаемые Лениным мелкобуржуазные идейки о «справедливом обмене», «все-

общем равенстве», «высшей справедливости», ибо они игнорировали реальные экономические отношения (сложившуюся организацию производства, историческое разделение труда, товарно-денежную систему и т. д.), на которых строится современная хозяйственная жизнь и через которые нельзя сразу «перепрыгнуть».

В приведенном выше высказывании Ленина, относящемся к 1908 г., еще только в общей форме затрагивается вопрос о путях перехода к социалистической экономике.

Более подробно эта тема была раскрыта в книге «Государство и революция», где Ленин разбирает позитивный (что было сделано) и негативный (чего не было сделано) опыт Парижской Коммуны. При этом он ставил перед российскими пролетариями конкретную задачу организации крупного производства, «исходя из того, что уже создано капитализмом... опираясь на свой рабочий опыт»¹. Капитализм создал обобществленный аппарат почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п., и Ленин делал вывод, что «при таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом»². Ленин подчеркивал, что учет и контроль — это главное для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества.

В этом же плане большой интерес представляет вопрос об использовании пролетарским государством трестов и синдикатов. Развитие капитализма за 125 лет после Великой французской революции, указывал Ленин, «создав банки, синдикаты, железные дороги и прочее и прочее, во сто крат облегчило и упростило меры действительно демократического контроля со стороны рабочих и крестьян за эксплуататорами, помещиками и капиталистами»³. Говоря о необходимости для рабочего класса привлечь к экономическому строительству специалистов этого дела (техников, надсмотрщиков, бухгалтеров) и использовать их как наемную силу, Владимир Ильич писал: «Вот задача конкретная,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 220.

² Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т. I. М., 1959, стр. 191.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 49.

² Там же, стр. 100—101.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 175.

практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной»¹.

В дальнейшем, уже в советский период, Ленин подробно развивает эту идею во многих своих работах об использовании отношений госкапитализма в социалистическом строительстве.

Для характеристики особенностей экономической жизни в переходный период от капитализма к социализму большое значение имел ленинский анализ работы Ф. Энгельса «К жилищному вопросу». Ленин отмечал, что в этом произведении, написанном в 1872 г., Энгельс учел уже опыт Парижской Коммуны и на конкретной теме наглядно раскрыл некоторые экономические функции государства переходного периода.

Конспектируя работу Энгельса, Ленин выделяет его слова: «...всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи имеющихся налицо средств»². Это положение имеет огромное методологическое значение для постановки вопроса о задачах пролетарского государства в строительстве нового уклада жизни.

Следовательно, уже накануне Октябрьской революции, «оттолкнувшись» от конкретного опыта Парижской Коммуны и не имея еще практического опыта социалистического строительства в нашей стране, Ленин рассматривал вопросы экономической жизни пролетарского государства, которое своей деятельностью в конечном счете должно обеспечить вызревание социальных и материальных предпосылок перехода к высшей фазе коммунистического общества. А до тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, учил Ленин, необходимы требования «строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*»³. Опыт Парижской Коммуны дал много ценного мате-

риала и для предвосхищения особенностей будущего коммунистического общества. Как ни краток был срок жизни Парижской Коммуны, просуществовавшей лишь 72 памятных дня, ею был сделан первый шаг навстречу этому великому будущему.

Путь в коммунизм по ступеням социального прогресса не прост и долог. В своих основных и принципиальных чертах он был намечен гением Маркса, Энгельса, Ленина.

Научный анализ опыта Парижской Коммуны обогатил сокровищницу марксизма-ленинизма, способствовал развитию вширь и вглубь международного рабочего движения, он помог В. И. Ленину и всей нашей партии решать новые исторические задачи, одержать победу в октябре 1917 года и создать могучее социалистическое Советское государство.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

² Там же, стр. 205.

³ Там же, стр. 97.